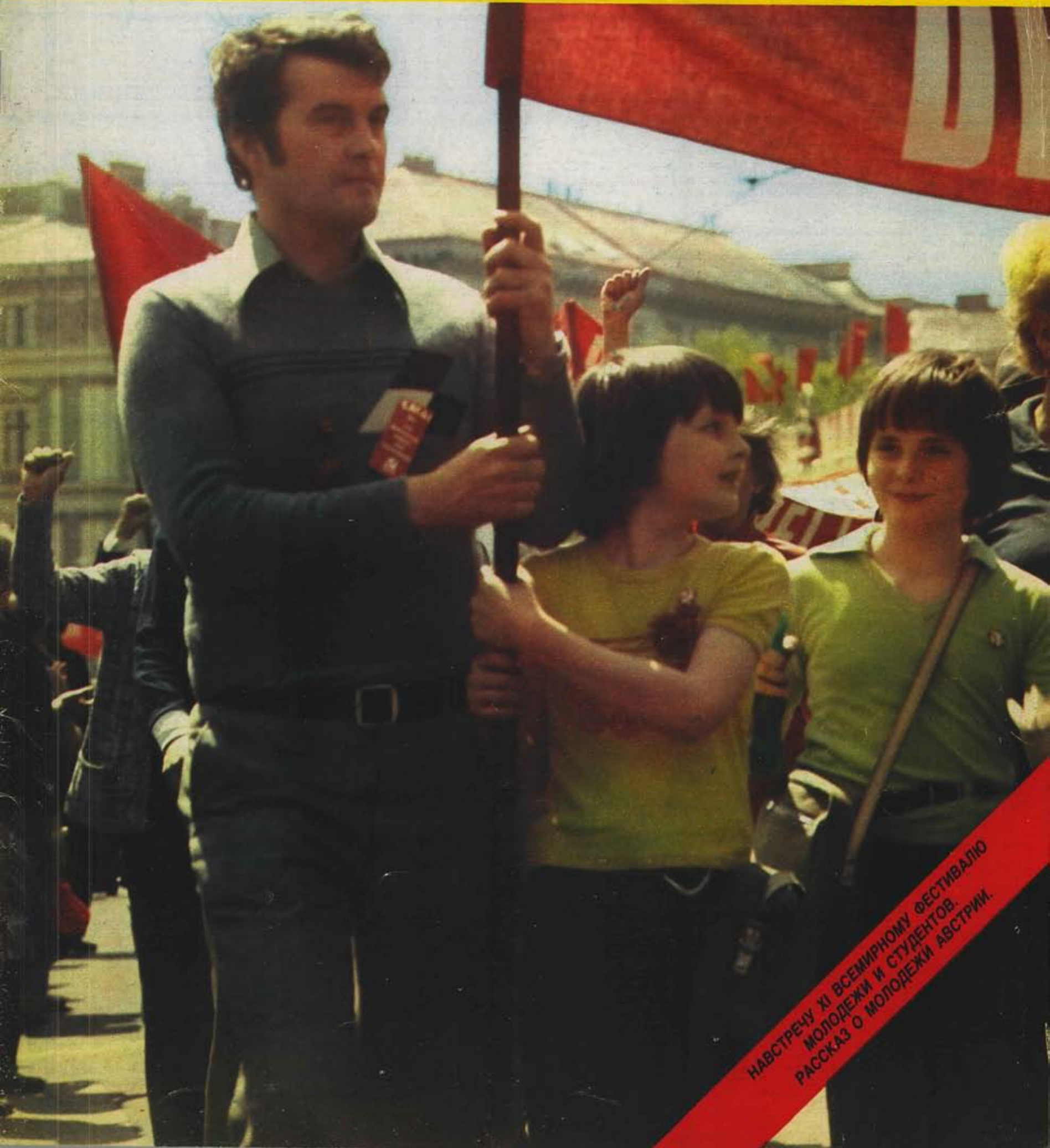

СМЕНА

№ 24 ДЕКАБРЬ 1977

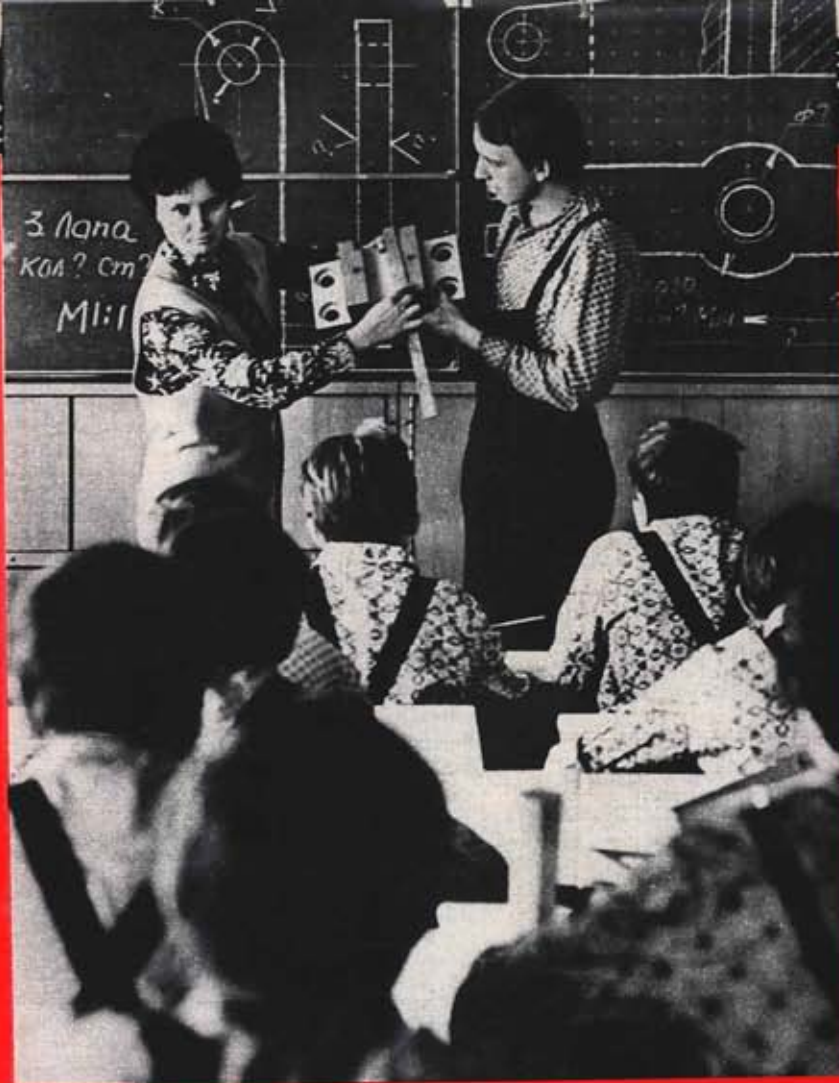

НАВСТРЕЧУ XI ВСЕМИРНОМУ ФЕСТИВАЛЮ
МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ.
РАССКАЗ О МОЛОДЕЖИ АВСТРИИ.

В нашей Конституции провозглашена всесторонняя и многогранная забота о молодежи, о становлении личности молодого человека. Идет ли речь о профессиональной подготовке или о росте начинающего работника, о его воспитании и совершенствовании — перед каждым открыта широкая перспектива для раскрытия своих способностей, для их реализации.

Вместе с тем при внимательном знакомстве со статьями Конституции нельзя не увидеть, что наряду с возможностями, которые предоставляются молодым, она возлагает на каждого гражданскую, человеческую ответственность за дела государства. В этом диалектическом единстве прав и обязанностей проходит и путь молодого человека в рабочие. Сегодня на тебя потрачены усилия мастера и воспитателя в стенах профессионально-технического училища или силы наставника и всей бригады в заводском цехе — завтра сам стань мастером своего дела, возьми шефство над нович-

ками. Как показывает жизнь, именно таким образом — единственно справедливым и единственно плодотворным — складываются биографии миллионов людей в нашей стране, недавно отметившей свой самый выдающийся, самый яркий юбилей — 60-летие Советской власти.

В постановлении X пленума ЦК ВЛКСМ, определяющем подготовку комсомола к своему XVIII съезду, говорится: «Вся деятельность ВЛКСМ должна обеспечивать неуклонное выполнение юношами и девушками Конституции СССР, воспитание их в духе беззаветной любви к своей Родине, Коммунистической партии, верности славным традициям старших поколений...»

В предлагаемых читателю материалах мы рассказываем о проблемах, которые решает сегодня мастер профтехучилища, о молодом рабочем, ставшем лучшим из лучших в своей профессии, об организации труда и жизни новичков в большом заводском коллективе.

Виктор РОМАНОВ,
заместитель директора
Коломенского
тепловозостроительного завода
имени В. В. Куйбышева.

ПОДГОТОВКА К СОВЕРШЕНСТВУ

Методы и формы повышения квалификации молодых рабочих, которые мы применяем в нашей повседневной работе, достаточно широко известны. Это конкурсы на звание лучшего по профессии, школы передового опыта, постоянно действующие курсы повышения квалификации и т. д. Но суть, видимо, не в том, **какие методы**, а в том, как их использовать: формально, от случая к случаю, или целенаправленно, в комплексе. Заводская статистика сообщает интересные цифры: за один год подготовлено 530 новых рабочих, повысили квалификацию в школах передового опыта 768 человек. Их производительность труда увеличилась в среднем на три процента. К примеру, только один токарь 5-го разряда В. П. Колосов обучил семерых молодых рабочих парней применению многорезцовых наладок на токарных станках. Результат — повышение выработки на 7 процентов.

Говоря условно, можно разделить процесс повышения квалификации молодого рабочего на две далеко не равнозначные ступени. Первая — от ученика до рабочего 3-го разряда и вторая — от 4-го до 6-го разряда.

Ученик обычно прикрепляется к рабочему-наставнику. Но всегда ли можно быть уверенным, что через несколько месяцев из ученика получится рабочий, полностью отвечающий присвоенному разряду? Тут еще много зависит от степени подготовленности самого наставника, его взаимоотношений с учеником, моральной и материальной заинтересованности в шефстве.

У нас также ученик прикрепляется к наставнику, но делается это несколько иначе.

Теоретическое и практическое обучение проходит раздельно. Дважды в неделю ученики освобождаются от работы и идут в хорошо оборудованные учебно-методические кабинеты при цехах. Там ведут занятия внештатные преподаватели — заводские инженеры.

Полновластным руководителем практики остается опытный рабочий. Но прежде чем он приступит к работе с новичком, инженер-методист или технический организатор (есть и такая должность в каждом цехе) познакомит его с планом учебы, выдадут дневник производственного обучения. Отношения наставника с учеником оформляются специальным договором. Наставник знает: если его ученик через положенный срок не сумеет сдать экзамен на разряд — он будет лишен доплаты за шефство. Мера строгая, но справедливая, ибо качество работы наставника — в качестве подготовки ученика.

При повышении квалификации до второго или третьего разряда требования к молодому рабочему, естественно, возрастают. Прежде всего необходимо согласие бригады. Без этого заявление молодого рабочего даже не будет рассматриваться. Не станут рассматривать заявление и в том случае, если молодой человек не имеет среднего образования и нигде не учится.

Если эти основные условия соблюдены, начинается работа с группами «перворазрядников», во многом напоминающая обучение на этапе ученичества. Так же заключаются договоры между наставником и группой молодых рабочих, так же подключаются по своей линии внештатные преподаватели. К

практическому обучению, как правило, прибавляется и овладение второй профессией; отдельным разделом выделяется освоение новой техники.

Читатель, наверное, обратил внимание, что контакты наставника и подшефного оформляются не на словах, а строго документально. Скажу больше: письменные договоры заключаются и во всех других случаях — когда рабочий берется обучить молодых второй профессии, когда он проводит школу передового опыта. Договор — дисциплинирующее начало, документ, четко регламентирующий обязанности каждой стороны.

Эти мероприятия способствуют успешному претворению в жизнь статьи восьмой Конституции СССР, гласящей, что «трудовые коллективы участвуют... в подготовке и расстановке кадров...».

Наш заводской комитет комсомола — инициатор соревнования молодых рабочих за звание «Лучший по профессии». Пример молодежи оказался заразительным: позже на заводе начали проводиться конкурсы мастерства кадровых станочников. Можно было бы назвать десятки и сотни имен молодых рабочих, прошедших все ступени мастерства... Характерна в этом отношении судьба молодой работницы цеха топливной аппаратуры Т. Бакуло. Десятилетка, затем работа ученицей доводчика на нашем заводе. Помощь опытного наставника, конкурсы, школа опыта — сумма широко известных методов обучения в конечном счете дала нам еще одну доводчицу высокой квалификации.

Несколько особняком в числе начина-

ющих стоят выпускники профтехучилища. Приходят они к нам, уже имея разрядную книжку, и мы формально вправе полагать, что получили квалифицированного специалиста. На деле порой бывает иначе. Конечно, никто сейчас не будет оспаривать преимущества подготовки рабочих кадров в ПТУ. Речь о другом: о правильной оценке подготовки выпускника. Иногда к нам приходят молодые парни с удостоверениями 3-го и даже 4-го разрядов. А если рабочий имеет 4-й разряд, то, согласно положению, обязан уметь выполнить работу и 5-го. Ясно, что новому человеку такое еще не под силу.

Несоответствие присвоенного высокого разряда и фактической подготовки приносит двойной вред. Во-первых, производственники начинают с сомнением поглядывать на дипломы выпускников. Во-вторых, наносится немалый моральный ущерб самому молодому рабочему, снижается престиж диплома, разряда. Выход из такого положения один: в состав экзаменационной комиссии ПТУ непременно должны включаться опытные представители завода, на который направляются ученики.

Наш завод выпускает мощные тепловозы со Знаком качества. Понятно, насколько сложна и ответственна эта работа. Заводская квалификационная комиссия, экзаменуя претендентов на 4—6-й разряды, проверяет только знание теории обработки металлов, умение читать чертежи. Все практические навыки должны закладываться раньше, на ступени 1—3-го разрядов. В этом основной резерв сокращения процесса подготовки рабочего самой высокой квалификации.

МАРШРУТ № 235

Владимир АНИСИМОВ

Есть такой рекламный плакат — портрет молодого человека без особых примет на фоне сверкающей машины и броская надпись внизу: «Интересная профессия — водитель автобуса». Когда в 1-м автопарке Москвы принимают новичков, об интересном говорят в последнюю очередь. В первую — о том, что профессия водителя сложная, трудная и не всякому она по плечу.

Всегда непросто рассказывать о вещах общеизвестных; все мы ежедневно наблюдаем работу водителей автобусов и, кажется, достаточно хорошо знакомы с этой профессией. Кабина водителя прозрачная, интересно — смотри, никаких секретов нет, все на виду.

Секретов и в самом деле нет. Но существует все же разница во взглядах на профессию с противоположных сторон прозрачной перегородки: от «баранки» и из салона поверх наспех прочитанной газеты...

Здесь, как в любой профессии, есть свои праздники и будни. Праздники — смотри, конкурсы, цветы победителям — скоротечны, и назавтра начальник автоколонны уже забудет про твои титулы и все войдет в обычную колею: план, график, профилактика... Что ж, и правильно, на рабочий костюм чемпионские медали не вешают.

Всесоюзный конкурс водителей автобусов проводили в Таллине. Под автодром оборудовали бывшую взлетную полосу: сделали разметку трассы, расставили флажки — словом, все, что нужно для автомногоборья. А входит в него теоретическое знание автобуса, умение на практике устранить дефекты в моторе и, главное, вождение машины по сложной трассе. Михаил Номеровский в свои неполные тридцать уже был признанным лидером, от которого все ждали только победы. На предыдущих соревнованиях он впервые стал чемпионом страны по автоспорту, а звание, как известно, отстоять труднее, чем завоевать. Был и еще повод для волнений: на старт таких крупных соревнований впервые выходил Сергей, младший брат. Водитель, слов нет, классный, но опыта все же поменьше. Ко всему прочему достались братьям не привычные «ЛиАЗы», а автобусы Львовского завода... Как бы там ни было, стал Михаил снова первым, а Сергей занял третье место.

Не буду считать, сколько тысяч километров за годы работы наездил Михаил. Их ведь по-разному можно пройти, эти километры. Можно «оставить» на пути разбитые машины, аварии, наконец, испорченное настроение пассажиров... Так что количественный показатель не все скажет. А качественный итог нам известен: Михаил Номеровский — лучший водитель автобуса в Союзе, а комсомольско-молодежный коллектив маршрута № 235, где он бригадиром, лучший в городе.

Однажды я допытывался у Михаила: что труднее — соревнования, даже самые крупные, или повседневная, будничная работа? Он тогда недоуменно пожал плечами: можно ли сравнить такие разные вещи? На соревнованиях, бывает, после сотни метров трассы вся рубашка мокрая. На рабочем мар-

ОБЫЧНАЯ ПОДГОТОВКА К ОБЫЧНОМУ РЕЙСУ. ПРОВЕРИШЬ МАШИНУ СВОИМИ РУКАМИ — «НЕПРИЯТНОСТИ» НА МАРШРУТЕ ИСКЛЮЧЕНЫ.

шруте — в течение всей смены — такого напряжения не выдержать. А смена такая: полусуток с двухчасовым перерывом на обед и минутной стоянкой на конечных пунктах. Здесь иные требования, стабильность в работе нужна не на минуты, а на много часов. Одно дело — кратковременная мобилизация всех знаний, мастерства, совсем другое — необходимость подтверждать

свою квалификацию на десятом часу работы точно так же, как на первом.

Цена ошибки, допущенной водителем, всегда велика.

Мне пришлось однажды присутствовать на заседании комиссии по разбору дорожных нарушений. Цифра, названная инспектором ГАИ, показалась непомерно большой — 176 случаев за

Фото Альберта ЛЕХМУСА

два месяца! Скоро я понял, что говорится о таких случаях, как проезд на желтый свет, остановка в неполюженном месте и т. п. Пострадавших не было, никто из пешеходов, пассажиров и внимания не обратил на эти мелкие происшествия, но разговор на комиссии велся в таком жестком тоне, что я невольно поежился, представив себя на месте провинившихся... Заключение комиссии — лишение премии, отстранение от работы на линии — обжалованию не подлежит. Сурово? Но обиженных не было. Ведь в шоферском деле страшна не только сама ошибка, но и потенциальная возможность ошибки, аварийной ситуации. «Не заметить», снисходительно отнестись к промахам означает укрепить чувство самоуспокоенности и тем самым создать предпосылки для более серьезного нарушения.

На любом заводе, фабрике есть определенный процент начинающих, малоквалифицированных рабочих. Такое положение, в общем, естественно, проблема лишь в том, чтобы до минимума сократить срок ученичества.

В каждом автобусе сегодня стандартный трафарет: «Приглашаются на работу...». Если раньше автопарк мог выбирать водителей самой высокой квалификации, то теперь такой роскоши позволить себе не может. И, чего греха таить, не все приходят сюда, обладая достаточным опытом, не все по велению сердца, как Номеровские. Впрочем, пассажира это не интересует. Пассажиру нужно, чтобы каждый шофер отлично знал свое дело. Вот ведь какая ситуация: в автопарке могут быть начинающие водители, но не может быть малоквалифицированных.

...Выпускник автокомбината обычно приходит на стажировку, излишне самоуверенный и преувеличенного мнения о своих профессиональных качествах. Встретить его, рассказать о будущей профессии поручается старейшим водителям-наставникам, таким, как Герой Социалистического Труда Владимир Николаевич Лютиков, кавалер ордена Ленина Владимир Александрович Ильин. Люди опытные, много повидавшие, они всегда начинают первую встречу с новичками своеобразной «психологической обработкой» в кабине по технике безопасности. Как правило, достаточно бывает нескольких ошибок новенького в попытках точно определить дорожную обстановку на стендах, демонстрационном столе, чтобы излишнюю самоуверенность как рукой сняло и Лютиков мог начать свой главный разговор: об особой ответственности водителя за жизнь и здоровье пассажиров, о профессиональной этике, о необходимости всегда находиться в форме, об умении во многом себе отказывать: скажем, если ты работаешь 1 января, то за новогодним столом имеешь право чокаться только бокалом с лимонадом...

Потом новичок пройдет всестороннюю «обкатку» на линии под руководством наставника помоложе; а еще позже, когда начнется самостоятельная работа, Лютиков почти каждое утро будет выходить из парка, подсаживаться в машины к новеньким и в конце рейса тактично объяснять разные ошибки и мелкие промахи. До тех пор, пока не станет ясно: появился в автопарке еще один классный водитель.

Наша обложка:
коммунистическая
молодежь
Австрии
на демонстрации
в Вене.

Фото
Григория
ТЕРЗИБАШЬЯНЦА.

«ПУТЬ В РАБОЧИЕ».
Виктор РОМАНОВ. «ПОДГОТОВКА К СОВЕРШЕНСТВУ».

1 Владимир АНИСИМОВ. «МАРШРУТ № 235».

3 Юрий РОДИН. «ДОКАЗАТЕЛЬСТВА».

5 «КАК СЛАДОК ДЫМ ОТЦОВСКОГО ОГНЯ»
Стихи грузинских поэтов в переводах
Евгения ЕВТУШЕНКО.

8 Рассказ Анатолия ГОЛУБЕВА «БЕЛОЕ ПЯТНО».

11 РАССКАЗЫ О СОВРЕМЕННОЙ АРМИИ.
«ВАРИАНТ НИКИФОРОВА».
Фотоочерк Владислава ЯНЕЛИСА и Юрия УСТИНОВА.

14 Председатель федерального правления
Коммунистической молодежи Австрии,
член ЦК КПА Вилли РАУ. «ВОЗМУЖАНИЕ».
«Пять строк, вмещающие жизнь».
Фотоочерк Олега Спасского и Григория Терзибашьянца.

18 ИТОГИ ФОТОКОНКУРСА «СМЕНИ»
«МИР МОЛОДОСТИ СТРАНЫ СОВЕТОВ»,
ПОСВЯЩЕННОГО 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ.

20 «ПО СЛЕДУ...». Фоторепортаж Людмилы СТИШКОВСКОЙ
и Игоря КОНСТАНТИНОВА.

22 ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ.
Александр ШАМАРО.
«ОСТАНЬСЯ НАВСЕГДА ТОЙ ЧИСТОЮ ЗВЕЗДОЮ...».

24 «ЧЕМПИОНЫ О СЕБЕ».
Ирина ДЕРЮГИНА, абсолютная чемпионка по
художественной гимнастике. «...И ТОГДА Я ПОБЕДИЛА».

26 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Повесть Жоржа СИМЕНОНА
«САМЫЙ УПРЯМЫЙ КЛИЕНТ НА СВЕТЕ».

28 ДЕКАБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора),
Г. Л. НЕМЧЕНКО, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь),
Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ,
В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. В. СЕМЕНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. Тюнин. Технический редактор И. А. Кузьмина.

© Издательство «Правда». «Смена», 1977 г.

Новичка обязательно сагируют
заняться автономноборьем: помимо
чисто спортивного интереса, наставни-
ки видят в нем большую общую выго-
ду. Увлечись автоспортом, молодой
водитель и специальной технической
литературой заинтересуется и в каби-
нет по технике безопасности зайдет без
особого приглашения. То есть совме-
стит приятное с полезным — спорт с
повышением квалификации.

Квалификация водителя не ограни-
чивается умением «крутить баранку».

Маршрут № 235 начинается в Теп-
лом Стане, там, где новостройки
плотную подступают к лесу. Из окна
салона нам кажется, что трасса всегда
одинакова. На самом деле дорожная
обстановка меняется каждый день и
даже чаще. Надо постоянно психоло-
гически перестраиваться (что понача-
лу очень трудно) на совершенно новые
условия работы.

Днем пассажир идет спокойный, не
торопится по своим личным делам.
Вечером же станции метро выплески-
вают непрерывные волны людей, и все
бегут, спешат попасть именно на этот
автобус, будто он последний. Осажда-
ют двери пассажиры, а сзади, с горки,
уже спускается к остановке другой
автобус. В зеркало видно: великовата у
него скорость, не учел, наверное, что
асфальт мокрый. Секунды отпущены
на размышление: то ли рвануть, не
закончив посадку, то ли ждать воз-
можного столкновения... Некогда объ-
яснить это пассажирам. Усевшись в
автобус, они так и не узнают, сколько
тревожных мгновений пережил сейчас
водитель...

Помимо ежедневных сюрпризов, что
преподносит трасса, есть еще и посто-
янно опасные участки. Вот приближа-
ется поворот к станции метро «Калуж-
ская». Микроклимат тут особый, что
ли? Везде сухо, а на этом загадочном
месте непременно гололед. Через ки-
лометр такой же коварный поворот к
улице Бутлерова... В автоколоннах
есть даже схемы с обозначением опас-
ных мест, и знать их положено, как
таблицу умножения.

Квалификация водителя — это и
умение строить свои взаимоотношения
с пассажирами.

Из Теплового Стана я ехал в автобусе
Сергея Номеровского. Через всю трас-
су провез, как на руках пронес. Нигде
не тряхнул, не дернул машину, време-
ня объявлял остановки, с самого нача-
ла смены разложил под рукой абоне-
менты и имел мелочь — на всякий слу-
чай. Проще говоря, исполнял свои
обязанности, но исполнял их пункту-
ально, поэтому не стучались к нему
в окошко спросить про нужную
остановку, не было ни минуты за-
держки в поисках полтинника для
сдачи.

Квалификация водителя — и в отно-
шении к машине.

Один из новичков разыскал Мишу
Номеровского и попросился в сменщи-
ки. «Смотри, — предупредил Миха-
ил, — я придирчивый». Придирики у не-
го «простые»: чтоб автобус был всегда
в идеальном состоянии. Можно и так:
сдать машину слесарям — и дело с
концом. Нет, ты сам сумей и мотор
перебрать, и карбюратор прочистить,
и так далее. После, конечно, долго
руки отмывать придется, зато на
маршрут выйдешь со спокойной
душой.

Наверное, высшее мастерство води-
теля, когда его работа незаметна, как
незаметно состояние полного комфор-
та. Брак же в работе шофера заметен
сразу, и почти на каждый такой слу-
чай автопарк получает «реклама-
цию» — жалобу. Гораздо реже бывают
благодарности. Правда, к Номеровско-
му пассажиры не раз подходили, фа-
милию спрашивали, чтобы письменно
поблагодарить водителя. Но по опыту

он знает, что эти благие намерения
осуществляются в одном случае из
десяти. Пассажир чаще склонен под-
мечать обратное. Он возмущается (и
справедливо), что его высадили прямо
в лужу, что автобус опоздал, что води-
тель не закрыл двери, что... Но, дума-
ется, и водитель вправе требовать от
пассажира высокой, если можно так
выразиться, квалификации. Ведь ча-
сто именно поведение пассажира ста-
новится причиной многих дорожных
недоразумений, причем я имею в виду
отнодь не чрезвычайные происше-
ствия, а самые обыденные вещи, всем
знакомые и, к сожалению, привыч-
ные.

Вот нарушился строй очереди; от-
талкивая друг друга локтями, люди
пытаются и никак не могут попасть в
открытые двери пустого автобу-
са — кому не знакомы такие сценки?
Срывается график движения, трещат
двери... А поломанные поручни, испор-
ченные каски, испачканные сиденья?
Кстати говоря, следующий пасса-
жир обвинит в этом не своего «кол-
легу» — водителя. Бывают такие не-
удачные смены, что даже отличному
водителю захочется бросить все и пе-
рейти на другую работу.

Иногда за пассажира водитель рас-
плачивается в прямом смысле слова.
Если велик разрыв между количе-
ством оторванных билетов и выруч-
кой, шофера могут лишит надбавки,
положенной за работу без кондуктора
и продажу абонементов. Одного люби-
теля прокатиться бесплатно Миша
давно приметил. Ведь как приспособ-
ился: сделает вид, будто опустил мо-
нету в кассу-полуавтомат, постучит
рычагом, пожалуется на «неисправ-
ную» технику, а билет оторвет в дру-
гой, обычной кассе. И за руку не
поймаешь. Миша придумал такой спо-
соб борьбы с «зайцем». Входит тот в
салон и слышит объявление по радио:
товарищи, если кто незнаком с полу-
автоматом, проходите, пожалуйста, к
передней кассе. Подействовало, намек
понял.

К жалобам в автопарке относятся
так: пассажир всегда прав. Но прежде
чем излить свой гнев на бумагу, давай-
те попробуем настроиться доброжела-
тельно по отношению к водителю, по-
думаем, нет ли и нашей вины в случив-
шемся недоразумении, вспомним, что
шофер беззащитен перед нашей жало-
бой и сам уже никуда не напишет... И
если будем писать, то спокойно, с
дельными предложениями по улучше-
нию работы автопарка.

Комсомольско-молодежный марш-
рут № 235 потому и признан луч-
шим, что здесь практически нет жало-
б, дорожных происшествий. Ис-
ключить их вовсе, и не только на
одном маршруте, — обязанность в рав-
ной степени и водителей и наша, пас-
сажиров.

...Мы каждый день встречаемся с
этими людьми, едем вместе на работу и
домой, но не знаем о них ничего.
Например, уверен, что те же жители
Теплого Стана, садясь в автобус
№ 15—32, не знают, что пользуются
одним из лучших маршрутов города,
что за рулем машины — мастер спорта,
чемпион страны. Говорили мы о том с
Мишей. К идее каким-то образом об-
народовать этот факт он отнесся резко
отрицательно. Собственно, иной реак-
ции я и не ожидал: настоящий мастер
о своих титулах говорит редко. Но
речь тут не об одном Номеровском.
Если оплошности водителя у всех на
виду, надо найти способ отметить и его
заслуги. По справедливости.

...«Интересная профессия — води-
тель автобуса...» К этому надо бы
добавить: профессия, требующая вы-
сокой квалификации, внутренней са-
модисциплины и обостренного чувства
ответственности.

Доказательств

Юрий РОДИН

Д

жамбул—город южный, и потому все в нем начиная с конца апреля скрывается за зеленым занавесом карагачей и художественных южан—пирамидальных тополей. Дорогу в ГПТУ № 88 по описанию я нашел сразу же, так как ориентир был заметным—большая тополиная роща неподалеку от вокзала.

Так уж получилось, что моя встреча с мастером ГПТУ Калыбеком Сабазовым сама собой разделилась на четыре неравные по значимости, но самостоятельные части. Сначала мы разговаривали с ним и классным руководителем его группы Василием Михайловичем Садовским в агитпункте училища, где мастер дежурил, а потом познакомились с лабораторией, в которой он обычно проводит занятия, заходили в комнату общежития, где живут учащиеся, и, наконец, беседовали, так сказать, с глазу на глаз.

Трудно было разговорить этого невысокого крепыша с седеющим ежиком жестких, упругих даже на взгляд волос. Был он одновременно и дружелюбен и непросто. Острый, недоверчивый взгляд степняка и тут же заразительная улыбка, так располагающая к нему и детей и взрослых, умение быть внимательным и тут же доброжелательно строгим—таков был мастер Сабазов и в первый и в последний день нашей встречи с ним.

О себе он рассказывал неохотно, но, когда речь заходила о нуждах его ГПТУ, о проблемах профтехобразования, он загорался и говорил щедро, открыто. И мне становилось понятно, что и эти проблемы и сама жизнь училища были его личными проблемами, его жизнью. Да, собственно, как могло быть иначе, если Калыбек Сабазович сам двадцать лет назад закончил это же училище и уже более десяти лет работает в нем мастером?

Четырнадцатилетним паренком переступил Сабазов порог училища, которое тогда называлось школой ФЗО № 37 и размещалось в тех же зданиях, что и сейчас. Шел 1954 год, страна только оправилась от последствий войны, но сытой жизни в ауле, где вырос Калыбек, не было и тогда. Семья была большой, и, чтобы учиться после семилетки, Калыбеку выходил прямой путь в ФЗО. Там и кормили и одевали, давали ребятам образование и рабочую специальность, совершенно экзотическую для его аула,—электромеханик, так что все само собой сложилось как нельзя лучше. Радости мальчишки, впервые попавшего в большой город, не было предела.

Сейчас умудренный опытом, имеющий своих детей мастер Сабазов, сравнивая свой путь с путями многих сегодняшних юношей и девушек, стремящихся попасть в ГПТУ № 88 (несмотря на то, что в нем бывают конкурсы почти как в столичных вузах), замечает, что в основном эти пути различаются. Те материальные факторы, что определили его поступление в училище ФЗО, не потеряли еще до конца своего значения, но важнее для теперешней молодежи престижность и качество будущих профессий, возможность расти профессионально.

ГПТУ № 88 готовит рабочие кадры в основном для железной дороги и поэтому набирает учащихся из всех областей Казахстана, главным образом, конечно, детей железнодорожников. Так вот, почти везде работникам училища приходится сталкиваться со скрытым сопротивлением школы.

— Вы знаете,—тихо кипит Сабазов,—некоторые директора, желая оставить не менее двух третей учащихся после восьмилетки для девятого класса, всячески мешают им поступать в ПТУ. А ведь мы в училище даем точно такое же среднее образование, которое не только позволяет поступить в институт, но и облегчает эту задачу. Кроме того, мы даем отличную рабочую специальность, и рабочий стаж у наших выпускников за счет училища увеличивается, а это тоже не пустяк.

— И тем не менее, Калыбек, вы в училище всегда имеете возможность во время приема выбирать одного среди двух или даже трех. Что вам не нравится? Отличников мало поступает?

— Что мне отличники? Такие же дети, только иногда нос любят задирать. Дело в отношении,

Рисунки Владимира СВЕТЛАНОВА.

которое сложилось в школах. Дескать, ПТУ—это обучение второго сорта. А ведь сейчас молодой человек, заканчивающий школу, все равно должен идти работать, в институт попадает далеко не каждый. Ну и что он должен делать без специальности? Учиться те же самые два года, но только теперь уже после десятилетки? Не имея профессии, он попадает на самую малокавалифицированную работу и теряет к ней уважение—как же, у него среднее образование! Кто бегаёт по три-четыре раза с места на место, пока не сядет окончательно на землю? Не наши выпускники, а бывшие школьники. А виноваты в этом не они, а школа, не пустившая их своевременно в ПТУ.

Впрочем, не будем так строги к средней школе. Авторитет училища высок, и на некоторые специальности (а училище, повторяю, готовит рабочих главным образом для железной дороги) бывают серьёзные конкурсы. Поэтому Сабазов, так же как и некоторые другие, имеет возможность до зачисления набрать больше желающих, чем потом в группе будет учащихся. Всем до зачисления устраивается так называемая «подготовительная практика». В нее входят работы по ремонту и подготовке здания училища к занятиям, всякие хозработы. Белоручки и те, кто в училище пришел случайно, отсеиваются сами. Остаются самые работящие и упорные.

Правильна или нет эта практика отбора, трудно пока судить, возможно, у нее найдется немало противников, но в условиях одного из лучших в Джамбуле ГПТУ она дает немалый эффект.

Как говорили мне и Сабазов и директор училища Николай Михайлович Караваев, в ГПТУ № 88 сложилась своя система оценки труда преподавателей и мастеров производственного обучения—по конечному продукту, то есть по числу успешно закончивших училище и, что самое главное, РАБОТАЮЩИХ после его окончания воспитанников. Естественно, при этом упор делается на подтягивание ВСЕХ учащихся до оптимального уровня и на индивидуальную работу с теми, кто хочет получить знаний больше, чем предусматривает программа ПТУ.

В связи с этим большое значение приобретают опыт и образованность педагогов и мастеров. Калыбек Сабазович признавался, что очень жалеет, что не смог получить высшее образование. Особенно остро он замечает этот свой недостаток, когда видит пример Зульбахара Серикбаевича Серикбаева, старшего мастера этого же ГПТУ. У бывшего инженера благодаря большому объему знаний шире диапазон педагогических возможностей.

— Курсы мастеров производственного обучения сами по себе вещь неплохая,—говорил Сабазов,—но настоящим мастером после них не станешь, если нет признания. Если не будешь любить этих парнишек с захолустных станций и разъездов, то незачем идти работать в ПТУ.

— Кто спорит, Калыбек, но любить мало, их учить надо...

— Зачем так говорите,—глаза мастера сердито блеснули из узких щелочек,—мою специальность—сигнализацию и централизованную автоблокировку—СЦБ освоить посильно. Мы, мастера, в училище больше сил тратим, да что там сил, жизни свои кладем, чтобы наши ученики людьми стали. Вы думаете, мне не радостно, когда мои бывшие ученики по службе растут или институт кончают? А любить их надо...

И он стал рассказывать о своей последней группе, набранной в прошлом году. Говорил о том, как они, несмелые и совсем еще желторотые, ну, как цыплята, встретились ему перед экзаменами. Сейчас это уже не те новички, но он по-прежнему видит в них своих приемных детей. Как это часто бывает в Казахстане, республике поистине интернациональной, в группе шесть национальностей. Когда же я попросил Сабазова назвать лучших, он призадумался, а потом медленно назвал четыре фамилии и после этого еще с десяток.

Каюсь, я успел записать сразу только тех, первых. Это были русский Саша Житник, немец Вольдемар Ринас, казах Даулет Асанов и украинец Резников Толя. Сабазов хвалил их не только за то, что они хорошо занимаются, но и активно участвуют в общественной жизни училища, и говорил об этом без похвалы, как об обыденном. Вернейшее доказательство, что общественная работа здесь в порядке. И без моих наводящих вопросов Калыбек добавил:

— У нас в училище, как я помню, еще с тех пор, когда я в нем учился, всегда была сильная комсомольская организация. Мои новые ученики пришли в прошлом году в ГПТУ, а вот сейчас мы двоих уже рекомендовали в комсомол.

— Почему только двоих? Чем остальные хуже, Калыбек?

— Не хуже, я такого не говорил, но огулом, как это иногда бывало, у нас не принимают. Право на вступление в комсомол заслужить надо, и наши ребята это знают. Я сам в комсомол здесь вступал. Помню, меня рекомендовал тогда Владимир Трофимович Мохначев, наш мастер. Сейчас он заместитель начальника областного управления профтехобразования. Может, встречали? Многому он меня научил. Но главное, за что я ему и сейчас большое спасибо говорю: приучил как-то без нажима верить своим воспитанникам и любить их...

И в такой преемственности была сила Калыбека Сабазова—придя в училище на место мастера Мохначева, он уже через несколько лет стал готовить тех, кто сменит его потом. В ГПТУ № 88 сейчас работают мастерами несколько бывших учеников Сабазова, хотя и сам Калыбек Сабазович еще далеко не стар.

Из других источников я узнал, что в училище работает его ученик, выпускник 1969 года, Николай Дизнер. Когда же я спросил у Сабазова, как с ним повидаться, Калыбек Сабазович понимающе улыбнулся и с ехидцей заметил, что тут меня ждет неудача: Дизнер уехал на заочную сессию. И, чтобы подвести черту под невысказанным вопросом, сам коротко рассказал, что из его бывших воспитанников закончили вузы и учатся очно и заочно свыше десятка человек. Он перечислял фамилии, говорил о годе выпуска. Уже заканчивая об этом, спохватился и добавил:

— Вот скоро еще двое закончат институты: Поляруш Саша и Ворожейкин Михаил. Один в Алма-Ате учится, а второй—в Чимкенте. Очень толковые ребята, настоящими инженерами будут.

— А что, другие ненастоящие, что ли?

— Как вам сказать? Раньше на железной дороге такого не бывало, считалось невозможным, а теперь бывает: кладут такие инженеры свой диплом в чемодан и идут на рабочее место. Рабочим или бригадиром часто выгоднее быть и материально и почет больше. Я это иногда своим ученикам напоминаю, нешуточное это дело...

— Что же, Калыбек, это же в пользу профориентации на ПТУ!

— В пользу да и не в пользу. Среди моих бывших учеников много дельных электромехаников. Асабаев Пернебай работает старшим механиком, Эюбин Володя тоже старший механик на Гурьевском отделении Казахской железной дороги. Дежурным по станции стал Борис Магафурович Хамантуров, а ведь ко мне он пришел вот таким,—Сабазов показал рукой чуть выше стола,—парнишкой. И все это меня радует—значит, работаем без брака. Но если я узнаю, что человек с высшим образованием стал на рабочую должность, что его знания не по назначению используются, я думаю, что это чистый брак.

— М-да, а ваши выпускники всегда работают по своей специальности, Калыбек?

— Если не повысятся в должности или не получат высшего образования, то всегда. Не поручусь, что после службы в армии они вернутся на место распределения, но электриками останутся навсегда—это уже проверено.

— Еще одна проблема, почти о том же: как сохранить рабочие кадры на тех рабочих местах, где они нужнее?

— Вам бы лучше на этот счет с директором поговорить, но я попробую ответить. Говорим о профориентации, а все эти разговоры ни гроша бы не стоили, если не учитывать то, о чем вы говорите. Мы поступаем проще простого: набираем учеников не где попало, а именно там, где в будущем будут нужны рабочие кадры. Вот и приезжает наш выпускник на свой родной разъезд, в свой родной дом, а из дома уйти очень трудно.

Рассказывал он и о том, что тем же самым ребятам приходится проходить практику на базовом предприятии, каковым и являются отделения дороги, как правило, совпадающие с прежним их местом жительства. Будучи под постоянным надзором и мастера и тех рабочих, которые звали его еще мальшом, молодой рабочий трудится на совесть, не может трудиться иначе. И поэтому разряд, присвоенный комиссией, в состав которой входят представители базового предприятия и училища, становится точной оценкой его возможностей. В этом порядке заключен тот смысл, что базовое предприятие, участвуя в присвоении разряда, а потом забирая выпускника ГПТУ, само ручается за высокое качество присвоенного ему разряда. Как многим выпускникам других профтехучилищ не хватает иногда этого—точного и высокого качества присвоенного им разряда!

У Сабазова таких явлений за все его годы работы не было. Об этом мне рассказывали в областном

управлении и в самом училище. Тем более мне было интересно, каким образом он этого достигает. Но, буду откровенен, его лаборатория СЦБ ответа на этот вопрос не дала.

Побывав в ней, я увидел сделанные руками мастера и учащихся почти все наглядные пособия и множество разнообразных приспособлений. С гордостью показывал мне эти труды мастер, но ни разу не обмолвился, что практически никто не помогает ему оборудованием. Более того, как неограниченную помощь базового предприятия он показал мне обшарпанные, разуконплектованные, отслужившие свою службу щиты и панели для комплектации приборов СЦБ. И мне стало стыдно за его радость: не слишком ли часто мы уповаем на самозабвенную самоотверженность таких энтузиастов, как Сабазов? Мне вспомнилось, как часто в различных сельских ПТУ учащиеся готовятся на устаревших моделях позапрошлого десятилетия, а потом на тех местах, где они начинают работать, критикуют эти ПТУ.

Сабазов, чтобы преодолеть такие затруднения, делает все своими руками или с помощью учащихся и радуется, если базовое предприятие даст ему устаревший хлам, чтобы превратить его в полноценные учебные пособия. Он сам ни разу не пожаловался мне, за него пожаловалось оборудование.

Да и вообще с материальной частью в ГПТУ № 88, в котором учится значительно больше тысячи будущих электромехаников, связистов и других специалистов для промышленности и железной дороги, не все благополучно. Ни один преподаватель, ни один мастер, ни даже директор училища Н. М. Караваев не пожаловались на это—вероятно, притерпелись и считают своим внутренним делом. А ведь и общежитие, построенное в тяжкие годы войны, нуждается в капитальном ремонте, и в каждой комнате общежития живет гораздо больше подростков, чем это разрешают санитарные нормы. В этих комнатах не хватает элементарной мебели, даже простых стульев.

Правда, сами воспитанники училища, которых мы застали в общежитии, этих недостатков не замечают. Калыбек Сабазович, сам великий патриот ПТУ, сумел за год привить им любовь к училищу. И Даулет Асанов, смуглый, рослый для своих лет, и живой, вечно в движении Бактыбай Кобеменов говорили мне, что именно здесь они стали понимать смысл учения и уверены в своей будущей специальности. Авторитет училища и в городе и среди его воспитанников очень высок.

Неожиданное дополнительное доказательство этому дала сама жизнь. Когда мы разговаривали с ребятами, в комнату общежития вошел бравый сержант в щеголеватой отпускной форме. Это был демобилизованный из армии брат одного из жильцов этой комнаты, захвативший по дороге домой повидаться с младшим братом. Сержант Федор Шмидт в свое время, оказывается, тоже пытался поступить в ГПТУ № 88, но так уж вышло, что не прошел по конкурсу. Сейчас он расспрашивал мастера, как учится Володя, откровенно радовался его успехам. Младшего, кстати, не было в тот момент в общежитии, и мы могли поподробнее поговорить о планах демобилизованного воина.

Специальность у него была—он веско сообщил, что имеет права шофера второго класса. И вместе с тем, вероятнее всего, он будет работать, как и Володя, как и еще один их брат, электриком—уж больно нравится ему эта специальность.

Разговор этот был тем более примечателен для меня, что Федор Шмидт знал мастера только по письмам своего младшего брата и его уважительное отношение к Сабазову было скорее всего не только простой вежливостью, но и отражением отношения младшего брата к своему мастеру. Поговорили о возможности учения в вузе, и выяснилось, что братья со временем собираются учиться в институте. Но сейчас для них важнее была рабочая специальность, возможность самим быстрее стать на ноги. После разговора у меня сложилось четкое представление, что и там, где есть трезвый взгляд на жизнь, где родители отчетливо представляют возможности своих детей и основываются не на благих пожеланиях, а на учете реальных возможностей, отличная рабочая специальность, подкрепленная хорошим средним образованием, ценится куда больше, чем сомнительный диплом, пусть даже и вузовский.

Процался я с мастером Сабазовым в тополевой аллее, осыпавшей нас первым пухом, и пожалел, что было мало времени, чтобы просто так поговорить о жизни с этим добрым и жизнелюбивым человеком. Пожали руки, произнесли принятые в этом случае слова, а потом он, оглядываясь, заспешил к корпусу, где его ждали ученики. Новых вам удач и успехов, Калыбек!

“КАК СЛАДОК ДЫМ ОТЦОВСКОГО ОГНЯ”

СТИХИ ГРУЗИНСКИХ ПОЭТОВ В ПЕРЕВОДАХ ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО

Ираклий АБАШИДЗЕ

Ну и зима!

Уже давно не говорю теперь:
«Ну, и зима!»

Скорее бы кончилась...—
когда срывает выюга с петьель дверь
и подо льдов хрипит земля, отчаясь.
Уже давно теперь не говорю:
«Ну, что за лето!»

Кончилось бы, что ли!—
когда в аду жары по ливарю
отчаянно тоскую поневоле.
И нечто вроде позднего совета
нашептывает грустно жизнь сама:
«Пусть лето ж зной,—
лиць бы подольше лето,
пусть снег зивой,—
лишь бы длинной зива».

Когда ты заменишь себя машиной,
когда, как машина,
ты будешь покорен,
и сталью,
не делающей ошибок,
станут
порода твоя
и корень,
когда живого дыстанья утеша
в тебе случится,
железный оракул,
хотя бы на миг
уступи мне местечко
в душе твоей,
чтоб тебя я оплакал...

Звезды

Иметь бы прежнюю силу—
разжег бы надежды заново
забытым пламенем юности,
с морщин отгоняя тень.
Иметь бы прежнюю силу—
и дрянь, так безбожно загнанным,
вернуть их протяжность божественную
и великолепную лень.
Иметь бы прежнюю силу—
и небу сказать по-державному:
«Пора рассветать!»—и солнце
прорвется сквозь яглу напролом.
Иметь бы прежнюю силу—
и звезды отчистить от ржавчины,
чтоб вновь засияли звезды,
как некогда, в детстве моем.

Георгий КАЛАНДАДЗЕ

Ожидание

Есть что сказать,
но так много не сказано
слов, что еще не сказало искусство.
Что-то в душе моей накрепко связано.
Где они,
твой поглощенные чувства?
Столькие клады,
напрасно замкнутые,
годы молчанья
отдали тине.
Что ж ты молчишь,
моя клетка запертая?
Хоть бы ветра
тебя ввысь подхватили!
Думал я—
старость осилю поэзией,
стану крылатым, как музыка, снова.
Сам над своими стихами
посмеиваюсь.
Что я добавлял к грузинскому слову?
Но ожидаю я—
затвanno, засветло,
над непокорной бушгаой колдуя,
словно дождя после долгой засухи,
песню,
отчаянно молодую.
Глядя на горы великие,
вечные,
жду от природы родимой подмогу.
Время,
закжи хоть не факал, а свеченку
и освети мои песнию дорогу!

Михаил КВЛИВИДЗЕ

Бездарен жалкий трус в беде.
В беде талантливы отважные,
и вот грузин
за стол к себе
Смерть пригласил,
как гостя важную.
Ее он под локоть провел
на место самое почетное
и не испортил этим стол,
хоть было платье гостя—
черное.
Никто из мертвых не забыть
в застолье Грузии без оханыя,
и превратились просто в быт
все паникеры
или похороны.
И призрак Смерти присмирел,
и призрак Смерти одомашнился,
под крышей угол присмотрел
и вместе с нами пьет по-нашему.
В грузинах страха Смерти нет,
как нету страха перед родственницей.
Что омираться ей в ответ?
С ней можно шуткой переброситься.
И как я «валенкой» сочту
страну,
что смертью не уменьшена,
где каждый шаг
все на счету,
все—
и живые
и умершие!

Мухран МАЧАВАРИАНИ

Ты—мольбы моей храм.
Ты—на сердце оставленный шрам.
Даже если мне слово сплести не удастся со словом,
как орнаменты иццетского Джавари—
что во мне—то мое,
и чужое во мне ты отыщешь едва ли...
Все.
Все конечно.
Я остаюсь я стороне.
Если дух провиденья пребудет со мной и во мне,
и когда-нибудь в будущем нищце это богатство
ты оценишь, меня разучившись бояться,—
хорошо!
Если это случится—душа не отчается.
Но случится еще—что со всеми случается:
этот мир я когда-нибудь все же покину,
и тогда ты используй меня,
ну, хотя бы как глину!

Отар ШАЛАМБЕРИДЗЕ

С той стороны
чужого окошка
дрешлат,
не двигалась,
черная кошка,
лапками мордочку не умывала,
словно копилка,
а не живая...
Редко,
но все-таки
с грустной ухмылкой
я себя чувствую
голея копилкой,
черною кошкой,
усталой и сытой,
тяжкою мелочью
слишком набитой...

Чучело

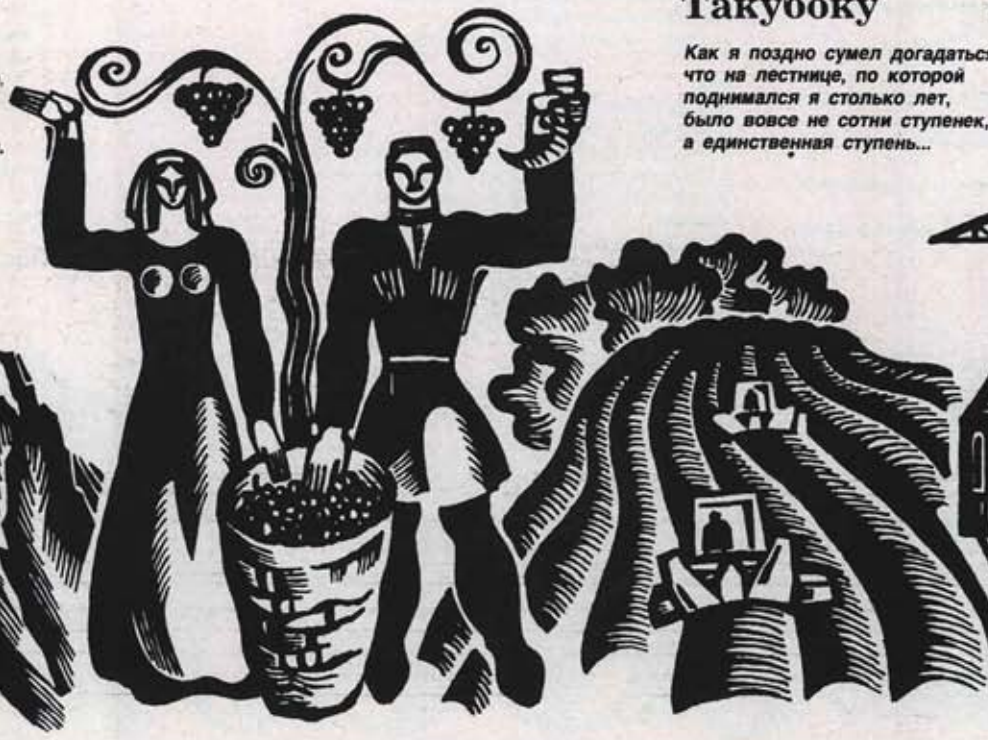
Мокрые в марте
почки, как плаксы.
Вторит проснувшийся лес
эхом всем птичкам,
всем невеличкам,
деятелищам чудес.
Чучелом ставший,
дрозд отвиставший,
прыгал ты позавчера.
Чучело немо.
Нет ему неба.
Кончена с небом игра.
Не оправдаю
ни полусловом
тех, кто в жестокости прост,
резвой рогаткой
ловко, украдкой
свет погасил в тебе, дрозд.
Будто бы лучик,
только погасший,
ты молчалив, нелюдим.
Люди убили
и погубили
в птице доверие к ним.

Так бессердечно
или навечно
ты пригвожден к доске.
Чучелу горько.
Мертвое горло
свиста не выжмет в тоске.
Голос покрылся
ржою молчанья.
Бусинки вместо глаз.
К небу ты рвешься,
не остаешься
чучелом пыльным для нас.
Бусинки молят
нас бессловесно:
как эту муку стерпеть?
С горечью скрытой
хочется вскрикнуть —
только не хочется петь.
Ну, а в округе
свищут пчуги.
Это весны торжество.
Смотришь тревожно.
Но невозможно
вновь полюбить никого.

Резо АМАШУКЕЛИ

На кладбище мамелюков

Не надо клясться
матерью чужой.
Не надо воевать
в чужом сражении.
Чужой венец
покрыт кровавой ржой.
Кто нанят —
обречен на поражение.
Ты пир чужой, как свой, не восприми.
Чужой чалмы алмазы
слишком тяжки.
Погибнешь рядом с чуждыми людьми,
и все алмазы
превратятся в бляшки.
И вот по кладбищу мамелюков
брожу один.
Оно как город мертвый.
Ни буквы не вскрикнет под подметкой,
напомнив имя
спящих земляков.
Не поселяйся на чужой земле.
Она не любит
ни живых пришельцев,
ни мертвых,
и чужих деревьев шелест
о вас ничто сказать не хочет мне.
Над вами равнодушно ходит гид
и водит европейцев равнодушных,
а из Каира,
из кварталов душных
к вам только запах опия летит.
За что летели вы вперед крылато,
подняв кривые чуждые клинки?
И плачу я о Грузии,
когда-то запроданной в мамелюки.
Не надо клясться
матерью чужой.
Не надо воевать
в чужом сражении.
Чужой венец
покрыт кровавой ржой.
Кто нанят —
обречен на поражение.

Гврини *

1
Эта песня уже не поется.
Над нею моя строка
не пролетит, задевая крылом черно-белую
пашню рояля.

Не взглянется в нее, как в себя,
человеческий сын,
не затянут ее ни косарь, ни пастух,
даже путник ее не споет, набродившись
по пыльным
дорогам.
Онемела, оглохла она и мотив потеряла,
только стоны защитника крепости напоминают,
что припал к обветшалой стене головой
рассеченной,—

только стоны его
и хрипень бычка с перерезанным горлом.
Эта песня уже не поется.
Возникает она в причитаньях
женщин в черном над гробом,—
у них на устах зазмеится
и опять пропадет.
Эта песня нема, как ребенок,
тот, что плачет навзрыд, но не может
сказать почему.

Эта песня уже не поется.
Страшась немоты,
она катится к пропасти вниз головой,
словно ком пересохшей земли,
на лету камня,
и, сминая траву,
застывает внизу с пересохшей, измученной
глоткой.

2
Гврини, медленно таешь ты, словно огарок
свечи.

Посмотри на меня —
как мне под ноги кинул цинковку,
разноцветную, яркую, жаркий октябрь.
Но и в полночь шагаю я лишь за тобой,
по твоей

исчезающей, узкой тропиночке света.
А со мною — приснившихся древних теней
причитанье,
и как пыльного неба обрывок — мой плащ
городской.
Посмотри на меня — я шагаю на жалком свету,
наделенный лишь отсветом слабым свечи
утомленной

* Гврини — песня косарей.

твоей,
но мне слышен, как призыв надежды,
приснившийся посвист косы косаря...
Песня хевсурских косарей.

3
Гврини, вновь ты меня призываешь.
Гврини, вновь ты приходишь за мной.
Голосишь и поешь.
Твое пенье мерцает из бездны веков,
словно к небу
при- став- лен- на- я лест- ни- ца.
Ты меня призываешь от запаха сеновалов
к своду, солнцем зажженному.
Плачешь опять,
потому что нема.
Причитаешь.
Лицо раздираешь руками.
Но поешь и поешь из мерцающей бездны веков.
Приближаются взмахи косы твоей пляшущей,
Гврини.
И я вижу совсем хорошо, как ложится трава
под косой
с пересохшими, сжавшимися устами.
Приближается голос косы.
Приближаешься ты.

4
А кому эти жаворонки поют?
А куда этот грач летит сиротливо?
Почему над цветным, свежескошенным
лугом стоит
этот голос, лишенный мелодии, будто
одежды?

5
Эта песня уже не поется.
Бывает порой,
нам помажет крылами и вновь исчезает.
Это шепот ветров,
это зов косарей
и раздумие гор.
И туда устремляется медленно песня,
где мерцает истаивающая свеча
и где каждый из нас превращается в глину.

Гиви АЛХАЗАШВИЛИ

Исикава Такубоку

Как я поздно сумел догадаться,
что на лестнице, по которой
поднимался я столько лет,
было вовсе не сотни ступенек,
а единственная ступень...

Резо АМАШУКЕЛИ

Моисей

Здесь маленькая базилика
стоит
«ин винкула».
Среди всего,
что так безлико,
лик
время выковало.
Все мифы Библии,
все тайны,
страстей всевластие
на место вечное
поставлены
рукою
мастера.
Во мне внезапно
что-то замерло,
когда,
взывая,
раскрылась
в белой плоти мрамора
душа живая.
О, Моисей, тебя не радовало
с твоею болью,
что столько поколений
вздрагивало
перед тобою.
В тебе—
таких страстей свечение
и лед бесстрастия.
Скульптура—
как союз священный
судьи
и мастера.
Тебя сгноить хотели заживо,
но в новой жизни
ты
под рукою Микельанджело
встал
в камне жилистом.
Встал над разворотом,
ложью,
сурово,
строго,
как будто бы угроза скульптора,
угроза
богу!
Змей золотых ты создал,
чтобы,
яд спрятав страшный,
по дому ползали
без злобы,
как наши стражи.
Но брось
исполненный прозренья
взгляд
с пьедестала.
Где эти змеи ныне?
Время
их растоптало.
А ты остался в мире,
ибо
на белом свете
осталась мраморная глыба—
твое бессмертье.
И если плачу я без позы,
твой почитатель,
не сам ты вызвал эти слезы,
а твой создатель!

Эмзар КВИТАИШВИЛИ

Птицы

1
Нам только кажется,
что птицы умирают.
Мы видим только оболочку птичьей,
и догадаться мы не можем вовсе,
как впитывает их в себя лазурь,
и мы глядим на их упавший пух
с прилипшими кусочками лазури,
чему-то удивляясь навсегда.
Но пусть никто не верит смерти птиц.
Наверно, нас обманывает небо.
Оно, как будто свернутый в спираль,
расплавленный хрусталь, такой лукавый.
Попробуй-ка пробраться сквозь него.
Не проникает навощенный взгляд
сквозь небо в пробурвленные дыры.
А птицы любят, выстроившись в ряд,
пробить в полете клювами пространство,
не собираясь возвращаться к нам
оттуда, из блестящей пустоты.
Когда мы видим птиц, упавших вниз,
разбившихся о скользкий нос машины,
окоченевших или ослабевших,—
то, что мы видим,— только тени их.
А сами птицы умирать не могут.
Бывает, что их мертвые тела
смешают по оплошности с бетоном,
то крылышки их светят из асфальта,
как отпечаток древнего листка.
Но и тогда в расстройство не впадают—
все это только видимость их смерти.
Речные камни тянут птиц к себе.
Они так любят перья окунать
в светящиеся струи,
и порой
в камнях застрянет с криком трясогузка.
Внимания не надо обращать.
Не может с птицей что-нибудь стрястись,
что ненарасно было бы должно
в нас вызвать человеческую жалость.

2
А кое-что могу припомнить я.
Однажды в прачечной одной увидел я
два чучела, подернутые пылью,
ничком упавшие.
Но я не обманулся,
когда я твердо знал, что эти две,
казалось, неживые перепелки
в мгновение то же самое бредут
в траве высокой у горы наджмийской,
и в них бессмысленно стреляет кто-то вновь,
не зная, что убить их невозможно.
А как-то у витрины магазина
валялся стриж,
подкошенный, быть может,
таким внезапным солнечным ударом.
Один лишь я того стрижа заметил,
совсем не испугавшись, что он мертвый.
Другие бы заметили,— конечно,
немедленно за мертвого сочили.
Клюв птицы ткнулся в жухлую траву,
весь капельками извести покрытый,
и веки известковые дрожали,
сползая на большие, человечьи,
темнеющие медленно глаза.
Вы видели, наверно, как скалу,
остроугольно врубленную в море,
обходят с оголившихся боков,
приберегая крылья, воробьи?
Я зависть ощущаю только к птицам.
О, если б знать, какими видят нас
они, когда летят над нами в небе!
Ты не грусти.
Не верь, что смертно все.
Нам только кажется,
что птицы умирают.

Иосиф НОНЕШВИЛИ

Картины Карданахи

Мое село родное—
Карданахи,
сады,
поля,
щебечущие птахи,
и море есть на родине моей—
как море,
виноградник у дверей.
Миндаль, инжир...
Здесь даже персик—яблоко на ветке,
и в золотой осенней тишине
царапает «царапи» сердце мне.
В горах—
орлов могучих состязанье
и Сабацинда с гордой головой.
Над крепостью туманы Алазани
колышутся,
как дым пороховой.
Гулаби,
хомердули—
на целый мир!
Земля здесь не бедна,
и впереди,
как вышитая скатерть,
долина Алазанская видна.
Здесь бродят кони,
внюхиваясь в горы.
Грузовики грохочут в стороне,
и дед сидит на ишаке так гордо,
как будто на арабском скакуне.
Плывет по небу
тень от самолета,
порой ложась на спины поездов.
Ползет шиповник в синие высоты.
Баларджаули,
ты меня узнало?
Здесь был когда-то крошечный мой дом,
но волны Алазанского канала
уносят в Лету память о былом.
Как девушек на выданье,
здесь лозы
готовят.
Сбор уже невдалеке,
и винограда,
чуть с кислинкой,
слезы
сверкают
на шипящем шашлыке.
Вот ребяташки забрались на туту.
Вот старый дуб.
С ним у меня родство.
Где б ни был,
помню каждую минуту:
здесь—
тайный корень детства моего.
Здесь все дома стоят спиной к дороге,
как будто бы боясь дурных вестей,
так, что проезжий, может быть, в тревоге
подумает: «Не любят здесь гостей».
Однако,
если ты зайдешь куда-то,
познаешь цену дружбы и семьи,
и для тебя,
неведомого брата,

наполнят чашу соками земли.
Я крадучись иду,
а на балконе
в распахнутой рубахе старый друг.
Он мне кричит, как в давнем детстве:
«Нонэ-э!»
И возвращает детство этот звук.
И, даже позабыв надеть ботинки,
друг прыгает ко мне через плетень,
а над плетнем торчат,
как будто тыквы,
бесчисленные головы детей.
Грохочет телевизор у соседа,
а рядом—
шелест родниковых струй.
«Благослови, сынок,
адглис деда!
Ты выпей,
а стаканов не целуй!
Купить вино ты можешь и в Тбилиси,
но в городе—
какое там вино!»
Ночь наступает...
Даже футболисты
с телеэкранов спрыгнули давно.
Как будто бы в стада
сгоняет тучи
Илья-пророк
сверкающим кнутом.
А в «тонэ» хлеб рождается пахуче,
и детство—
в этом запахе простом.
Горячий хлеб накрошен в карданахи.
Теплы базила, шоти и лаваш.
Я сам уже в распахнутой рубахе
и сам не помню,
сколько выпил чаш.
О, Карданахи,
о, село родное!
В стране большой
особенной страной
ты, Карданахи,
стало для меня,
с родимым скрипом каждого плетня!
Обычаем здесь век не угрожает,
и, веря по-язычески в лозу,
здесь убивают перед урожаем
для жертвоприношения
козу.
Чурчхелы детства,
как вы снова сладки!
Как сладок дым отцовского огня!
Но где ты, лахти,
где вы, игры в бабки?
Вы есть еще.
Гора Сагираули
боем пахнет,
и преклонить колени я готов.
Четыремстам бойцам погибшим
в память
здесь шелестят четыреста кустов.
Я ни цветка здесь в жизни не обидел
и здесь ни от кого не знал обид.
Здесь моих предков древняя обитель.
Здесь мой отец,
навеки юный,
спит.

Рисунки Владимира ДЕЛБЫ

Ю

рка ждал терпеливо.

Целый год он ждал, мечтая об охотничьей вылазке, взять в которую обещал отец. Сначала Юрка не поверил в обещание. Тот сказал о вылазке, когда мать как-то вечером, за поздним обедом — отец долго ездил за дровами, — принялась жаловаться, что сын учится из рук вон плохо и уже нет сил совладать с ним. Всю зиму, жаловалась она, пока отец на промысле, сын болтается по ближайшим заброшенным зимовьям и таскает то белых куропаток, то белок, то глухих уток, как ханты называют глухарей. Но от этого сыновьяго промысла одни огорчения,

директор школы предупредил: так же будет учиться — останется на второй год.

Отец молчаливо сопел, слушая жалобы матери. Когда она закончила свои причитания и отец остался с Юркой один на один, вместо того, чтобы ругаться или выпороть, как в былые времена делал, сказал коротко:

— Без троек год закончишь, осенью возьму с собой...

— На Народу?!

— На Народу...

— Ни-и-чего не получится! Ты же в сентябре пойдешь! А мне в эту школу...

Отец тяжело посмотрел на Юрку — так он смотрел лишь тогда, когда был чем-нибудь недоволен.

— Говорить так не смей. Еще не раз пожалеешь, что плохо учился...

— В тайге грамота не нужна...

— Вот и неверно. В тайге она, может, нужнее, чем в большом городе. Там вещи сами тебе открываются, а если что не так, другие люди помогут... И жизнь в городе широкая, как добрый речной плес. А в тайге ты один. И там знания — это ключ, понимаешь, к тому миру, который тебя окружает...

— Мне тайги по уши хватит...

Анатолий ГОЛУБЕВ

РАССКАЗ

БЕЛОЕ ПЯТНО

— Это по молодости. — Отец улыбнулся, как улыбался, когда прощал Юрку проказу, осознанную сыном в действительности или для виду. — Вырастешь, иначе думать будешь. Только поздно жизнь менять...

— Пустое это... — упрямо повторил Юрка. — И обещание твое пустое. Мамка в школу погонит, как только осень придет.

Отец посмотрел на Юрку, будто видел его впервые, и тому уже подумалось, что не миновать отцовской лупки, но тот тихо, как обычно отдавал в доме самые важные распоряжения, не подлежащие обжалованию ни в какой инстанции, сказал:

— Не пустое... Закончишь, как говорю, поедешь со мной, как говорю...

В первый раз отправиться с отцом на промысловую охоту было для Юрки настолько заманчивым, что он поначалу даже не прикинул, какой ценой достанется ему эта поездка...

Жизнь Юрки разделилась на две половины, спутав календари и школьные четверти, — там, на границе двух этих жизней, лежало Обещание. И конец зимы, снежной и не очень добычливой для отца, и весна, когда по пушному зверю нет смысла работать, таялись для семьи — а для Юрки в особенности — долго и трудно. Условие, которое он кинулся было с горячностью выполнять — учиться без троек, — оказалось легче выполнить на словах, чем на деле. Сколько бессонных ночей провел он за долбежкой! Сколько раз ревел он от несправедливости — от недоверчивого отношения учителей, в досталь перед этим намучившихся от Юркиного безделья! Сколько раз он был на грани того, чтобы бросить все! Но Народа — даже не река, а скорее гора, с ее белой шапкой, самой высокой и нарядной на приполярном Урале, — манила сквозь каждую строку учебника, звала сквозь каждый листок контрольной работы.

Только к апрелю Юрка втянулся в занятия. Перед самыми майскими праздниками четверка по истории — а он ведь тогда рассказал куда больше требуемого — настолько его расстроила, что Юрка даже отказался на майские поехать с пацанами за хариусами по первоводью. Подобного с ним не бывало за все годы учебы.

А когда пришло лето и вдруг оборвалась столь непривычно напряженная школьная работа, в таблице у него имелась лишь одна тройка — по рисованию.

— Тройка по рисованию, — сказал довольный отец, — не в счет: для рисования талант нужен.

Мать крепко захворала в то лето, и Юрка с отцом два месяца выхаживали ее, сначала в больнице, потом дома. На них и легли все хозяйственные заботы: сажали картошку, заготавливали коровам сено, ладили крышу на доме, поврежденную февральским бураном, стряпали и стирали... Юрка впервые понял, как много успевала мать. Когда работы по дому не было, с удовольствием чинил отцовские, подуставшие за зимний сезон ловушки, регулировал, как показывал отец, капканы, по несколько раз в неделю чистил ружья, которые и так сверкали — отец относился к своей «Тулке», словно к живому существу.

Так что нынешнего лета для Юрки не существовало, хотя еще в прошлом году он «гонял лоботраса», как говорила мать, и с тоской думал о приближающемся новом учебном году. В эти же летние дни Юрка прямо-таки жил мечтой об осени.

Нет-нет, правда, да и закрадывалась в Юркину душу тревога: а вдруг отец передумает, когда придет время отправляться на Народу, или мать станет перевертывать и уговорит отца. Юрка видел, что она, хоть и радовалась его успехам в школе, к его рвению, подобно учителям, относилась с большим сомнением.

Окончательно Юрка уверовал, что обещание отца взять его на Народу серьезно, когда тот достал из чулана старую, прорванную в нескольких местах надувную одноместную лодку, которую когда-то, после проколов сменил на такую же новую, и начал ее теперь вулканизировать, подклеивать оторвавшиеся леера для буксировочного тросика.

Оставаясь один, Юрка не раз надувал лодку прямо в доме и садился в нее, вспоминал наставления отца, как следует идти по перекатам и бурунам. Он

вдевал в резиновые уключины маленькие деревянные весельца, собранные посередине медными кольцами, и скреб по доскам пола, воображая, что ведет лодку с быстрны на быстрину.

Сентябрь наступал медленно, словно все — и время и погода — сговорились против Юрки. Но всему в жизни приходит конец.

Поскольку стояла удивительно теплая и сухая погода, было решено отнестись к началу занятий в школе и поработать на заготовке кормов. Отец сам ходил в школу и имел долгий разговор с директором, заставив Юрку немало поволноваться, но, придя, успокоил:

— Учитывая старания, тебя отпустили. С одним условием: дальше учиться так же, как вторую половину прошлого учебного года...

Остальное было как во сне. Сборы, проводы, напутствия матери, ожидание вертолета... И только когда загудевшая машина оторвалась от земли и, наклонив по-бычи рога-винты, понеслась над сосняком, что лежал сразу же за школой, Юрка понял — свершилось!

Лету было около двух часов. «Борта» разных служб частенько ходили в этом направлении — то развозили геологов, то обслуживали рыболовецкие бригады. Потом им предстоял недалекий крик, туда, в горы, которые отец показал Юрке через час после того, как они поднялись. В горной тайге промысел начинался на месяц раньше, чем внизу, на равнине. Но так же рано и заканчивался — глубокие снега, выпадавшие сразу, делали собак беспомощными.

Юрка не первый раз сидел в вертолете, но в таком большом, как «МИ-6», летел впервые. Машина не уступала размером их дому, и еще четверо пассажиров, хорошо знавших отца, но незнакомых Юрке, буквально терялись в огромном гудящем чреве, заваленном охотничьим снаряжением: лодками, палатками, спальными принадлежностями, мешками со снастями, припасами, скупо рассчитанной утварью.

Мужики говорили с отцом об охоте, о встречах с медведем, о том, что нынче богатый урожай кедрового ореха, а значит, будет и белка и соболь... Охота сулилась щедрая. Что касается глухаря и боровой дичи помельче, то Юрка был ее и возле дома, — его волновала встреча со зверем.

Сквозь гул моторов он вполуха слушал разговоры, припав к окошку в середине кабины, за которым далеко внизу неслась бурая болотная равнина, разрезаемая волнистыми, уже подернутыми осенним золотом грядами редких берез, медного отлива багульником, светло-желтыми свечками редких, но высоких лиственниц.

Юрка ошалело взирал на эту игру красок, столь стремительно менявшихся за кругляшом окна, но глаза его, несмотря на скорость, тщательно обшаривали землю в поисках зверя и птицы. В поле зрения иногда попадали глухаря, срывающиеся от грохота вертолета, а один раз он видел шедшего на махах лося. Но звери мнились ему и в быстро мелькавших внизу темных вычурных корягах — те казались ему то прилеглим медведем, то вскинувшим голову северным оленем...

Основную массу груза сбросили у старой базовой избушки, на которую еще летом отец завез катером почти все необходимое на зиму, сейчас они прихватили только остатки. Потом вертолет снова взлетел, отец забрался по пояс в кабину пилотов и, тыча пальцем в карту, что-то настоятельно советовал.

Теперь вертолет шел вдоль русла вилышей Народы. Словно напуганная вертолетным шумом, она рассыпалась то и дело на несколько узких рукавов с перекатами, скорость течения на которых хорошо ощущалась даже с высоты. Чем глубже вертолет забирался в горы, тем ближе подступали склоны, сначала щедро покрытые дорогой кухлянской осенних лесов, потом постепенно обнажавшиеся от вершины почти до самой воды. А речка стала походить на весенний ручей и только под скалами, круто нависавшими над омутами, вновь становилась темной и стремительной.

Юрка высматривал по берегам место, где бы мог сесть вертолет, и не находил — склоны вдоль реки были или слишком круты, или завалены древесным гнилем и камнем. Он не успел решить для себя эту задачу, как вертолет резко пошел вниз и через минуту уже сидел на галечном, ровном, словно стол, острове, между двумя шумными речными рукавами.

Охотники споро побросали вниз оставшийся нехитрый скарб и выскочили сами. Отец молча положил руку на Юркино плечо и пригнул к вещам. Так и пролежали, пока вертолет не взлетел, — тот поднял над островком такой ветер, что один тяжелый рюкзаки, который они не успели прижать своими телами, покатился по гальке...

Вертолет исчез в небе, будто столб гула вдруг растворился в высоте.

Они встали на ноги и осмотрелись. Время шло к полудню. Яркое сияло осеннее солнце. Грело оно не как летом, но его нежное тепло было дороже. Однако стоило от него отвернуться, как холодный ветер с гор по-зимнему обжигал кожу на щеках.

Отец тут же принялся распаковывать рюкзаки. Юрка подумал, что пора снаряжать лодки, и взялся за свою, но отец остановил.

— Давай-ка, сын, чайку погоняем... Доставай харч...

Пока Юрка доставал из рюкзака хлеб, сало, сахар, отец сделал круг вдоль берега, и вскоре охавка плавника уже горела живым огоньком. Юрка вброд пересек левый, узкий рукав и притащил из прибрежного леса березовый сухостой. Здесь, в горах, первый прозрачный снежок уже лег на промерзшую землю, березовые чурки были сухие и горели весело, совсем без дыма. Лысье, покатые вершины гор четко проступали на фоне голубого неба, изредка прорезаемого летящими вслед за водой густо-белыми облаками.

— Батя, почему облака так быстро бегут, ведь ветра нет? — спросил Юрка, отхлебывая из эмалированной кружки круто заваренный чай и закусывая большим куском черного хлеба с салом.

Рисунок Валерия СМЕРНОВА

— Облака к нам стали ближе, вот и кажутся быстрыми... Ведь мы на тысячу метров забрались вверх.

Отец пил чай не спеша, а Юрка успел уже проглотить еду и вновь принялся накачивать свою лодку. Отец, поглядывая на него с усмешкой, продолжал чаевничать, потом, не торопясь, убрал харч, сполоснул чайник и кружки, разбросал костерок и только потом принялся за свою лодку. Закончили они одновременно, и Юрка с удивлением обнаружил, что отец, не торопясь, успевает сделать втрое-вчетверо больше, чем делает он, да и то не так капитально. Эта неспешная манера отца, знакомая ему по домашним хлопотам, была особенно поразительной тут, когда они остались один на один с рекой и с тем зверьем, которое должны повстречать при спуске на лодках к зимовью.

Обе лайки — Соболь, черно-белый, нервный, не сидящий на месте ни секунды молодой кобель, и рыжая, мягкая, почти сонливая, но цепкая в работе Лада — сразу же после высадки на радостях махнули в тайгу и появились как раз в ту минуту, когда Юрка с отцом оттащили надувные лодки к маленькой бухточке, готовясь в путь. Это Юрка предложил грузиться в заводи. Отец ответил было, что это «баловство», но потом вспомнил, что сын впервые спускается по горной реке, и сам одним махом отнес к бухточке оба тяжелых рюкзака и ружья.

— Собак по какому берегу пустим, батя? — небрежно спросил Юрка, загоня в стволы патроны: пулю — на случай встречи с медведем — в левый; и «нулевку» — по птице, которую надо было взять на обед, — в правый.

— А без разницы это, — ответил отец. — Собаки сами разберутся. Увидишь: как крутобережьем их прихватит или протокой — на другой берег сами махнут...

В лодки, подтянутые на мелководье, уложили под ноги рюкзаки, под себя — резиновые подушки, за спину — палатки и спальники... Оставалось только взять на колени ружья, весла в руки, и айда. Заводь стояла тихая, но в двух метрах у выхода на открытую реку сразу поднимался, кипел бурун и головокружительно неслась, била под дальнюю скалу такая чистая, будто и не было ее вовсе и они собирались скатываться по каменистой тропе, вода.

Отец не напоминал о технике сплава. Он рассказывал об этом только дома и считал теперь, что для настоящего охотника нет нужды повторять необходимое дважды. Юрка действительно помнил все наставления отца: и как надо входить в бурун, и как осаживать лодку телом, чтобы она не плюхалась с белопенника на белопенник и не захлестывалась волной, и как работать веслами, чтобы лодку не поставило поперек или не посадило на валун, за которым зияет яма — водоворот.

— Задницей камни считать — не это беда, — смеялся отец. — Когда вода под тобой хлопнуть начнет — вот беда. От холода долго в мокрых портках не просидишь. За этим смотри...

Именно эту ошибку сразу же чуть не сделал Юрка — оттянул лодку на глубину, где бы она и под ним уже держалась на плаву, и только хотел занести ногу, как отец окликнул:

— Садиться с камня надо... С сапог в лодку натечет — мокрый будешь...

Пришлось вернуться к берегу и протереть сапоги жухлой травой. Юрка с завистью посмотрел вслед отцовской лодке — тот, усевшись, попрыгал в ней по-лягушачьи, и лодка, сойдя с мелководья, вылетела на стремнину и понеслась к скале так быстро, что у Юрки, который должен был пройти тот же путь, замерло сердце.

Первый перекат Юрка пролетел лихо. Выскочив на быстрый и плавный разлив, несший лодку словно под мотором, увидел отца, подчалившего к берегу. Отец кивнул ему с одобрением. Так дальше они пошли рядом, бросая весла на плесах, активно работая на стремнине; обходя горбившиеся над водой бурорыжие валуны.

Столь легкое начало опасного пути успокоило Юрку. Но уже на следующем перекате он понял, что успокаиваться рано. Понадеявшись на авось, он не рассчитал скорости и вылетел на валун, который перевалил благополучно, но

плюхнулся в бурун, и под резиновой подушкой противно захлопало. Как учил отец, снял Юрка шерстяные перчатки и начал, макая их в лужу под собой и отжимая за бортом, выбирать воду. Так он и проработал весь плес, так он и не заметил, как отец пристал к берегу на близкий собачий лай и сделал первый выстрел. Издали он показал сыну крупную серо-черную, отличного кряжа белку. И в душе у Юрки охотничья страсть выросла мгновенно до жадности, и отравила покой, и заставила забыть о красоте мест, и о воде, вновь и вновь попадавшей в лодку, и о набухшей, охлаждающей бедро штанине. Он зорко всматривался в замерзшие у воды кедрячи и ровные безжизненные склоны далеких горных вершин. Мысли его вертелись лишь вокруг одного — он должен увидеть зверя первым, раньше, чем увидит его отец. И было бы здорово именно сегодня добыть своего первого медведя, трофей, без которого таежник не таежник.

Глаз, еще плохо привыкший к поиску, пропускал важные мелочи, и в результате к обеду на лодке отца лежало шесть белок и глухарь, а на Юркиной лодке лишь два рябчика, которых он взял случайно, когда бросился с отцом на перехват лисьего хода.

Первые признаки медведя опять-таки обнаружил отец. Он, причалив к песчаной косе, поманил Юрку и ждал, глядя то вверх, то вниз по течению реки. Причалив, Юрка увидел на плотном песке отчетливые, как в книжке по охотничьему следопытству, отпечатки больших и малых лап.

— Медведица с медвежонком, — выдохнул он.

Отец кивнул:

— И прошли не раньше чем утром...

Он присел и кедровой метелочкой потрогал песчинки, которые внутри следа еще плотно держались друг за друга, примятые весом зверя.

— Может, где-нибудь рядом? — переходя невольно на шепот, спросил Юрка.

Отец пожал плечами.

— Вряд ли... Мишки к воде утром попить да порыбачить приходит. А сами, как рыба, тоже с места тронулись — с низовой в глухие горные расщелины подались. К спячке готовятся. Близкую зиму чувуют...

Собаки убежали минут за пятнадцать до остановки, и, чтобы не терять времени на их ожидание, отец начал готовить обед, лихо выпотрошив Юркиных рябцов.

— А собак почему нет? — спросил Юрка, усаживаясь поудобнее у костра и подставив огню теплую мокрую штанину.

— Видно, медвежий след где-то выше в тайге перехватили. Придут. А коль нет, мы к ним пойдем.

Но собаки зверя не взяли — то ли след потеряли, то ли отец сам неточно определил, насколько след свежий. Ободрав белок, они отдали тушки собакам, и те, насытившись, легли рядом с костром, уставив морды на огонь. Отец проверил свою и Юркину лодки и, оставшись доволен осмотром, прилег на брусничник. Юрка, лежа на животе, гребенкой запускал пальцы под крупные гроздьи брусники, уже почерневшей от перезрелости, и, настригая полную горсть, кидал в рот сладкие, таявшие ягоды.

Он был счастлив. И тем простором, который открывался перед ним. И тем воздухом, таким же прозрачным, как вода — словно не надо было им дышать, а он сам втекал и вытекал из легких. И тем, что так быстро освоился с главной трудностью — спуском на резиновой лодочке. И той первой, правда, не ой какой, добычей... Нет, пожалуй, мысль о скромных трофеях первого дня скорее портит ему настроение и горячила.

— После обеда пойдем врозь, — сказал отец. — Сплываться будем дотемна. Зверь к воде в сумерках выходит... Вечер вроде подходящий... — Он покосился на сизую тучу, крылом отрезавшую вершину справа, но, очевидно, прикинул, что перемены пока такой ласковой, не для этих широт погоды она не принесет.

— Пойдешь первым. Будь осторожен. В лодке не крутись особенно — зверь движение издали видит. Я через полчаса за тобой следом поплыву. Место ловушки тебе выбирать, — сказал отец.

И Юрка был горд таким доверием.

Кликнув Соболя и оставив отцу Ладу, он спешно толкнул лодку в воду и теперь уже в одиночестве покатил по течению.

Странно, вроде ничего не изменилось, но, оставшись один, без отца, и почувствовав самостоятельность, к которой он так стремился, Юрка, к своему удивлению, ощутил какое-то волнующее беспокойство. Ему не раз доводилось целыми днями одному бродить по тайге, но нести в тот так, сидя в лодке, когда за каждым поворотом мог повстречаться зверь, еще не приходилось.

Он проплыл уже с час, успев за это время напрочь забыть о трудностях сплава и постепенно привыкая выполнять все необходимое скорее автоматически, чем осознанно, как и подобает настоящему таежнику.

Смеркаться начало так быстро, как это бывает в горах. Солнце еще только минуту назад в кровавый цвет красило склоны, поросшие желтой лиственницей, и вот уже горы посинели. Синевы начала медленно, но неумолимо скатываться вниз и скапливаться над водой и в ущельях. А вершины, словно освободившиеся от этой синевы, наоборот, становились все светлее и светлее. Но свет был неверный, почти призрачный и сразу же мерк. Юрка уже не различал на верхних полянах отдельных пней, которые внимательно разглядывал полчаса назад, принимая за притихшего, затаившегося зверя...

На воду Юрка почти не смотрел, потому четыре белых пятна, ярко вспыхнувших на черной воде метрах в пятистах ниже по течению, увидел внезапно. Соболю забегал куда-то в глубь тайги за слетевшим с прибрежного корявого кедряча глухарем. И белые птицы спокойно подпустили Юркину лодку метров на двести пятьдесят. Грациозно меняясь местами в замысловатом танце, начали сплываться вниз, словно на привязи, соблюдая дистанцию.

Повороты сменялись поворотами. Юрка то видел птиц, то они исчезали за очередной скалой. Несколько раз он отвлекался — взял двух обаянных Сободем белок. Плыл дальше, время от времени нащупывая их теплые, постепенно остывающие тушки, которые положил себе под ружье, на колени.

Соболю, стараясь перехватить его лодку ниже по течению, наверно, сделал петлю и тут-то, видимо, и напоролся на четверку лебедей. Когда Юрка выплыл из-за очередного поворота, он увидел больших красивых птиц, низко тянувших ему навстречу почти над самой водой. Сначала он опешил от зрелища невиданной красоты: белые птицы плыли на темно-фиолетовом фоне горного склона, то попадая в отсветы заката и становясь розовыми, то снова ослепительно белея. Заметив лодку, лебеди тревожно прокричали что-то друг другу и начали подниматься выше. Но потом, или доверившись так редко встречающемуся в этих глухих местах человеку, или прикинув, что не успеют подняться в поднебесье свои тяжелые тела, они пошли прямо над лодкой в каких-то пятидесяти метрах от воды.

Юрка не понял, как в душе его произошел этот стремительный надлом — от благоговейного любования к злому азарту. Он сноровисто перезарядил ружье

двумя «нулевками» и грохнул по последнему лебедю почти дублетом. Когда опустил ружье, ему показалось, что лебедь, по которому он стрелял, как бы замедлил полет и лишь затем, зачистив крыльями, стал доставать товарищей. Так медленно они и разошлись в разные стороны — лебеди унеслись вверх по реке, Юрку течение стаяло вниз.

Потом был порог, пришлось изрядно поработать веслами, и жгучее чувство стыда Юрка испытал лишь тогда, когда лодку уже вынесло на плес. Он вспомнил рассказ отца, как однажды, промышляя в ондатровых местах, неделю он голодал, но не тронул пару лебедей, живущих по соседству. Отец сказал тогда: «Цена человеку, который поднимет руку на лебедя, — полкопейки, не более...»

Как хорошо, подумал Юрка, что в тот момент, когда он стрелял по лебедям, рядом не оказалось отца. Юрка даже зажмурился на минуту, чтобы лучше представить себе, какими бы словами он перед отцом оправдывался...

«Не узнает батя... Далеко был. Если только выстрел слышал, так мало ли я по кому пальть мог... Видел ли он самих лебедей? Скорее всего видел. Они в его сторону потянули...»

Наверно, Юрка искал бы какие-то оправдания своему поступку или поправил бы утешить себя тем, что сделанное останется тайной, но становилось все темнее, и надо было искать место для ночевки. Заботы приглушили внутренние сомнения.

Он приметил отличный косогор — полный брусники и мягкого мха. Едва успел заготовить сушилку и запалить рослый костер, как из тьмы выскользнула лодка отца. Вместе они перевернули лодку на берегу, чтобы на них не упала роса, чтобы остались к утру сухими, оттянули от воды поклажу, подняли к костру спальники и оружие.

— Доброе место выбрал. — Отец осмотрелся, став на фоне пламени будто вдвое выше и шире в плечах. — Я тут частенько ночевал. Как не проскочил?

— Берег оказался пригожим... А тут вышел — остатки охотничьей избушки нашел.

— Верная примета. Люди в тайге ошибок с жильем не делали.

Он принялся пить чай, и на душе у Юрки от похвалы было теплее, чем от костра. Успокоившись и насытившись, Юрка лениво расспрашивал отца, как тот взял белок, а отец так же лениво отвечал.

И вдруг вопрос, заданный отцом как бы между прочим, заставил Юрку поперхнуться.

— А ты последний раз по кому стрелил? — спросил отец, громко отхлебывая чай из своей большой мятой кружки.

Юрка показалось, что после мгновенного замешательства он ловко нашел ответ:

— Глухарь протянул поперек реки. Я по нему и врезал... Да далековато был. Метров семьдесят. — И, словно вспоминая действительную картину, оживился: — Но так здорово на светлом фоне висел, что трудно было удержаться...

Юрка не заметил, кивнул ли отец в знак удовлетворенности ответом или пропустил подробности мимо уха, только к этому вопросу больше они не возвращались.

Привалив два больших обрубка лиственницы к костру, чтобы горело до утра, начали укладываться, разложив на сухом мху спальники из собачьего меха — тяжелые при носке в рюкзаке, но зато теплые холодной ночью.

Юрка еще долго ворочался в мешке, куда забрался, не снимая теплое белье. Отец же разделся до трусов, медленно, будто укладывался в распаренной избе, залез в мешок и почти сразу же заснул.

Утром Юрка проснулся раньше отца. Вскочив, быстро оделся и, накидав сухих веток в почти потухший костер, раздул его. Ополоснул чайник и, набрав свежей воды, повесил на рогульку. Когда он обернулся к месту, где спал отец, тот уже умывался внизу у воды, спальник его был скатан в тугую кулек.

Они позавтракали холодной лосятиной, показавшейся Юрке куда вкуснее, чем дома, и запили сладким пахучим чаем.

Уже рассвело. Из темноты выступили не только очертания вершущек леса на противоположном берегу, но и стала видна сама береговая линия. Вода из черной превратилась в синюю. А когда они спустились лодки и уже совсем приготовились отчаливать, Юрка увидел большое белое пятно, которое течение вынесло из-за поворота и стало медленно приближаться к ним.

Он бы никак не смог объяснить себе, почему подумал именно об этом: в белом пятне, безжизненно лежавшем на воде, ему почудилось тело лебедя... Конечно, это был лебедь! Значит, он не промахнулся. Значит, птица смогла улететь не так уж далеко и где-то там, за поворотом, может быть, даже на глазах у отца, рухнула в воду... Юрка сжался и кинул на батю косой взгляд. Тот продолжал укладывать в лодку мелочи, не обращая внимания ни на него, ни на белое пятно, которое все ближе подносило течением.

Юрка понимал, что надо быстрее отваливать, если он не хочет, чтобы белое пятно открыло свою страшную тайну. Он с ужасом вообразил себе предстоящий разговор с отцом.

«Надо поторопиться!.. Надо придумать какой-то повод... Отвлечь отца».

Но потом Юрке стало стыдно за свою трусость. Будто откуда-то свыше, с высот лебединого полета, пришло сознание, что белое пятно все равно достигнет их где-то внизу. От него не скрыться. Преодолевая и страх и стыд, сам еще не зная, на что надеется, Юрка спросил отца:

— Батя, а что там за пятно на воде?

Голос его дрогнул, и он даже не решился сказать «белое». Юрке показалось, что отец целую вечность поднимает голову, а еще вечность рассматривает пятно, которое уже через несколько минут поднесет река, и тогда можно будет ни о чем не спрашивать. Юрка уже сейчас различал неуклюже отвалившееся крыло и голову, опущенную в ледяную воду...

— Белое-то? — переспросил отец и внимательно посмотрел на Юрку. Сыну почудилась усмешка в отцовских глазах: будто тот догадывался, что творится в Юркиной душе.

— Белое-то? — еще раз переспросил он, как бы взвешивая что-то в уме. — Это пена из-под порога. За ночь слишком большой ком набился, вот она и оторвалась. Сейчас много таких «лебедей» плавают...

Он оттолкнул лодку и ловко соскочил с камня, не замочив сапог. Юрка остался стоять на берегу, один на один с распарившей его буйной радостью.

«Не лебедь! Не лебедь! Пена! Обыкновенная пена! Значит, я не попал! Птица жива! Птица летит!»

Лодка уже скрылась за поворотом, а он терпеливо дождался, пока белое пятно подплыло ему прямо к ногам, и ударил по нему веселым так, что белые хлопья разлетелись в стороны. Теперь Юрка точно знал, что в ту постыдную для себя минуту, к счастью, стрелял плохо. Но то были его, Юрка знал это, лучшие выстрелы в жизни...

Владислав ЯНЕЛИС. Фото Юрия УСТИНОВА. Специальные корреспонденты «Смены».

ВАРИАНТ НИКИФОРОВА

Разведрота гвардии лейтенанта Владимира Никифорова десантировалась на узкое горное плато, высота которого над уровнем моря была чуть меньше двух тысяч метров. Еще ночью разведчикам удалось отыскать подходящую пещеру и сложить в нее парашюты. До утра так никто и не уснул. Сознание каждого было взбудоражено событиями последних часов: сигналом «тревоги», стремительным броском на аэродром, полетом на самолете, десантированием. Мы молча сидели на снегу и ждали утра.

Едва наступил рассвет, рота разбилась на четыре группы. Трех из них надо было выйти, каждой своим маршрутом, на высоты вдоль дороги и прикрывать действия основной группы, которую возглавил Никифоров. Пятнадцати его разведчикам предстояло лезть еще выше, чтобы поверху обойти располагавшиеся вдоль дороги засады и наблюдательные пункты «противника». Дорога упиралась в ущелье и связывала его с местом дислокации основных частей «противника». В любой момент он мог перебраться по ней живую силу и технику и запереть проход через ущелье. Чтобы помешать «противнику» сделать это, надо было взорвать мост над рекой, несущейся вдоль ущелья, вблизи горной дороги. Взорвав его, можно было отсечь войска «противника» от ущелья. Именно от этого зависел успех боя, который должен был начаться сразу после взрыва моста.

Пятнадцать разведчиков и двое сменовцев недели альпинистское снаряжение и ушли в горы. У нас была рация, сухой паек, два комплекта боеприпасов, взрывчатка. Единственное, чего нам не доставало, — это воды, снег жажду по-настоящему не утоляет. Но это обнаружилось позднее, когда мы, уставшие, вымокшие, с одеревеневшими мускулами и пересохшим горлом, взобрались наконец на вершину хребта. Никифоров дал нам трехминутную передышку, и мы

начали набивать рот снегом, но пить хотелось еще больше. Кто-то из ребят посоветовал нам, прежде чем есть снег, спрессовать его в ледышку. Попробовали. Оказалось эффективнее, но ненадолго.

Теперь о нашей группе. Никифоров говорил мне потом, что эти пятнадцать — его гвардия, большинство из них он знает еще с тех пор, когда командовал взводом, а его взвод был лучшим в роте. Хотя в принципе он мог взять с собой любых других солдат, и те, наверное, сделали бы все не хуже. Но эти пятнадцать, которых выбрал лейтенант, делали свое дело еще лучше, чем остальные.

Начну с Рафика Мусина, потому что потом на его долю выпало самое трудное. Рафик — романтик, бесконечно влюбленный в горы. У него 1-й разряд по скалолазанию, первые три свои вершины он «сделал» еще до армии в Ала-Тао, последнюю, седьмую, уже здесь, когда шел замыкающим и отвечал за безопасность всей группы.

Попав служить в ВДВ, Мусин сам попросился в разведроту, несмотря на различные предостережения.

Кого-кого, а Мусина и вообще всех, кто становится разведчиком добровольно, подобные вещи не смущают. Напротив, натура этих людей такова, что они сами выбирают для себя наиболее трудный путь, если в таком выборе есть необходимость. Тут, как говорится, третьего не дано: либо ты отдаешь всего себя учебе и становишься настоящим разведчиком, либо ты им не становишься и дослуживаешь где-то в других частях, где нагрузка поменьше. В разведроте отсев есть, но минимальный. Уж если кто-то попал туда, то он держится изо всех сил.

Прошлым летом рота была поднята по тревоге и приняла участие в розыске двух исчезнувших в горах девушек. Несколько дней подряд разведчики прочесывали склон за склоном. И там, где оказались бессильны отряды спасателей, вертолеты, милиция (девушек об-

наружить не удавалось), выручили десантники. Когда ими был наконец найден след пропавших и надо было срочно сообщить об этом спасательной службе, Никифоров, не задумываясь, послал с запиской Мусина. И тот спустился кратчайшим путем — по почти вертикальному склону, хотя подобный спуск был под силу лишь бывалому альпинисту.

Вот в этом весь Рафик Мусин. Его всегдашняя готовность к любому риску, стремление быть в самом пекле, его высокое товарищество — качества, присущие почти всем разведчикам. Таковы они в основном, в том, что касается их работы. Это не мешает кому-то из них быть молчаливыми или не в меру говорливыми, простодушными, грустными или веселыми, романтичными или расчетливыми. Словом, разными. Как были разными их судьбы до армии, до строя, который ставит в одну шеренгу штукатура Петра Петя, студента факультета журналистики Ивана Куницына, электросварщика Рафика Мусина, модельщика Петра Перепелицу, краснодеревщика Анатолия Бондаренко...

Когда мы карабкались наверх, я пытался присматриваться к ребятам, но это не очень получалось, так как идти надо было строго в цепочке, чтобы не попасть на «живой» камень. И на протяжении двух часов я видел перед собой только спину идущего впереди секретаря ротной комсомольской организации Виктора Сорокина. Вернее, не спину, а зеленый футляр радиации, которую он нес. Не знаю, по какому принципу распределялся груз между членами нашей группы, но тогда мне казалось, что тащить тяжести (в радию было 17 килограммов) надо по очереди. На привале я спросил Виктора, почему он не передает радию кому-нибудь еще, ведь он не радист.

— Зачем? Ведь я пока иду нормально. К тому же на радию у нас работают все.

Мы шли еще только два часа. Куда труднее было ему однажды на учениях, когда все уже были вымотаны до предела, а он встал первым и на вопрос

командира: «Кто возьмет груз?» — ответил: «Я». А потом взвалил на плечи двадцатипятикилограммовый ящик с приборами и шагал под безжалостным солнцем — километр за километром, до тех пор, пока перед глазами не поплыли черные круги. Он это сделал потому, что в тот момент чувствовал себя сильнее других и хотел сберечь силы товарищей. Это очень трудно — быть первым. И потому мы выбираем среди равных своим вожаком того, кто умеет быть первым.

ИЗ РАССКАЗА РУКОВОДИТЕЛЯ УЧЕНИЙ ОФИЦЕРА ИГОРА ПАНТЮШЕНКО

— Кое-кто называет разведчиков-десантников армейской аристократией. В определенном смысле это так и есть. Во-первых, потому, что в разведподразделении может быть зачислен далеко не каждый. Тут действует двойная система отбора: сначала в воздушно-десантные войска — в них отбор сам по себе довольно строгий, и уже потом в разведчики. Во-вторых, служба эта исключительная по своей сложности, ибо именно разведчикам приходится начинать первыми почти каждую военную операцию. При каких бы обстоятельствах ни действовали разведчики, они обязаны выполнить поставленную перед ними задачу, идя во имя этого на любой риск, совершая подчас то, что может показаться выше человеческих сил. И потому разведчику недостаточно одной физической натренированности, он должен обладать такими качествами, как презрение к страху, воля к победе, мгновенная реакция, прекрасная память. Это, так сказать, общие требования к воину, зачисленному в разведку.

Что же касается частностей, то разведчик ВДВ должен уметь в любое время дня и ночи прыгать с любых самолетов, десантироваться на любой местности с любых высот, затяжным прыжком и обычным. Он

должен уметь воевать в горах, в лесу и на равнине, отлично стрелять из всех видов оружия, управлять боевой техникой и водить автомашину, рабботать на раици, добывать для себя пищу в пустыне и в горах, сутками обходиться без воды, ориентироваться по звездам и солнцу, читать следы, знать саперное дело, основы одного из иностранных языков, приемы рукопашного боя, причём одинаково умело действовать прикладом и штыком, саперной лопаткой и голыми руками. Да и это все только часть того, что входит в комплекс подготовки разведчика воздушно-десантных частей.

Когда мы добрались до вершины, с которой начиналась горная гряда, Никифоров приказал всем вывалиться в снег, чтобы не слишком выделяться на фоне слепящей белизны склонов. Мы не боялись быть замеченными «противником» с земли, ибо шли с величайшей осторожностью, прощупывая горизонт и окружающие склоны мощными биноклями. Но вот вертолеты! Уже дважды Никифоров подавал команду «воздух», и мы, как кроты, зарывались в снег, падая лицом вверх, и лежали так до тех пор, пока лейтенант не давал «отбой». Когда вертолет появился над нами вторично, ефрейтор Бондаренко неожиданно сгреб пригоршню снега и залепил ею лицо лежащего рядом Нилова.

— Усы,— прокричал он,— твои усы нас выдадут!

Чувство юмора не покидало ребят даже в подобных ситуациях.

Наверху у нас открылось «второе дыхание». Мы перемахивали через невысокие, острые, как лезвие, гребни гор, скатывались вниз, опять карабкались на очередной склон. Наконец, оказались на вершине, от которой горная гряда сворачивала направо, уходя на запад бесконечными белыми шапками.

— НЕТ, МЫ ПОЙДЕМ ПРАВЕЕ!

ПРИВАЛ.

Оставив группу в узкой расщелине, Никифоров, Перепелица, Мусин и Куницын поползли к краю вершины, обрывающейся вниз трехсотметровой пропастью. Там, внизу, черной лентой вилась река, выше изгибалось, охватывая противоположный, тоже почти отвесный склон горной гряды, шоссе, чуть левее серел контур моста. Того самого моста, захват которого должен был решить судьбу боя. Несколько минут мы по очереди разглядывали мост и подходы к нему в бинокли. Нет, мы не ошиблись, предполагая, что «противник» не заблуждается в оценке значения моста. Система его охраны полностью исключала прямой выход к нему по западному склону в том месте, где мы находились. Мы не прошли бы и половины стены, как были бы обнаружены и обстреляны из пулеметов. Спуск по южному склону также исключался: он обрывался дорогой, по которой то и дело сновали патрульные машины. Надо было искать какой-то другой путь.

— Вас вызывает «первый», товарищ гвардии лейтенант,— сказал Сорокин. Никифоров отполз от края и взял у радиста наушники.

Мы были рядом с лейтенантом и слышали этот разговор.

— «Второй», что у тебя?— спрашивал Пантюшенко.

— Прямой спуск исключен...

— Я так и думал. Ваше решение?

— Мне нужно еще пять минут для ответа...

— «Второй», учти, остальные давно на месте. (Это означало, что все три группы вышли на свой рубеж и готовы прикрыть нас.)

— Я прошу еще пять минут, товарищ «первый»...

— Хорошо.

Никифоров опять пополз к краю. Ровно через пять минут он докладывал «первому» о своем варианте, объясняясь на только им двоим понятном языке.

— Это наш единственный шанс...

— Вы гарантируете, что никто не сорвется во время спуска?

уже будет поздно, не знали, что каждый метр из трехсот будет стоить нам страха, пота и боли в сведенных судорогой ладонях. Остальные во главе с Никифоровым все это знали. И с тем большим удивлением я вспоминаю сцену, когда каждый из разведчиков с надеждой смотрел на лейтенанта, которому предстояло из четырнадцати отобрать четверых.

— Ефрейтор Мусин (он профессиональный альпинист, на нем страховка).

— Старший сержант Перепелица (отличная физическая подготовка, прекрасная реакция, спортивные разряды по самбо, легкой атлетике, мастер рукопашного боя).

— Ефрейтор Нилов (вынослив, оценка по горной спецподготовке «отлично», самбист, наблюдателен, прекрасно знает взрывное дело).

Пауза. Нужен четвертый. Никифоров должен быть уверен в каждом, как в самом себе. Причем сейчас ему надо показать себя еще и психологом. Кто-то хочет идти с ним больше, чем осталь-

Иван хотел только в ВДВ. В военкомате удовлетворили его просьбу, но физические данные не позволяли Куницыну попасть в разведроту, о которой он мечтал. Несколько месяцев Куницын служил в другом подразделении. И тренировался. До изнеможения работал на перекладине и полосе препятствий, на кроссах брал с собой лишние килограммы груза, отработывал реакцию, тренировал память. Наконец, добился того, что его зачислили в разведроту, а еще через три месяца стал одним из лучших сержантов.

Я спросил его как-то: — Иван, ты когда-нибудь напишешь обо всем этом?

— Да, если хватит таланта. Во всяком случае, я теперь имею на это профессиональное право.

Итак, Куницын. Старшим группы, которая оставалась на вершине, Никифоров назначил сержанта Матюхина, ребята которого должны были атаковать «противника», спустившись по южному склону. И хотя

Пауза. Никифоров обводит взглядом своих ребят.

— Да, гарантирую. Я возьму с собой самых надежных...

Потом я спросил у руководителя учений Пантюшенко, почему он дал нашей группе добро, имея лишь самое общее представление о том, что из себя представлял вариант Никифорова.

— Он разведчик. Если Никифоров сказал, что это единственный шанс, значит, так оно и есть. К тому же он из тех командиров, кто не станет рисковать людьми напрасно, кто умеет, когда это необходимо, быть и отчаянным и трезвым.

Никифоров не предлагал нам идти с ним. Больше того, он не хотел этого, но мы настаивали, и в конце концов он сказал:

— Решайте сами, это довольно опасно.

Тогда мы не знали, чего будет стоить нам тот спуск, не знали, что нам десять раз захочется повернуть обратно, но

ныне. Не угадать кто, значит, обидеть. Командир обязан угадать, потому что его выбор—это еще и воспитание, и награда, и доверие.

— Старший сержант Куницын (замкомвзвода, отличный стрелок, идеальная память, решителен).

Иван Куницын, москвич, студент дневного отделения факультета журналистики МГУ, сам, по своей воле написал заявление в деканат с просьбой временно отчислить его с 3-го курса университета в связи с призывом в армию. Добровольным призывом. Никаких веских причин ухода из университета у него не было, Куницын прекрасно шел по всем предметам, активно участвовал в общественной жизни и так далее. Тогда почему?

— Мне необходима была какая-то жизненная школа. Я понял, что не могу вступать в журналистику, не открыв каких-то общечеловеческих истин, не проверив самого себя, не узнав цену настоящего труда...

задача его была довольно сложной—южный склон тоже не подарок,—я видел в глазах Игоря Матюхина зависть, когда он провожал нас.

В чем же заключался «вариант Никифорова»? В том, чтобы спуститься все-таки по западному склону, но двумя километрами правее, у самой горловины ущелья. Затем переправиться через реку, выйти на шоссе, сесть в первый же бортовой грузовик, ворваться на нем на мост и, «уничтожив» охрану, захватить его. Это был действительно единственный шанс, потому что вряд ли «противник» ожидал нашего появления на мосту таким образом, а если и ожидал, преимущество все равно было у нас—внезапность. Никифоров все рассчитал: непосредственная охрана на мосту 6 человек—две пары часовых и два пулеметчика. С часовыми просто—по одному разведчику на каждого, пулеметное гнездо можно достать гранатой (учебным взрывпакетом). Все просто, если за это время ничего не изменится.

Да, все просто. Но сначала надо было спуститься вниз, к реке.

Мы прошли два километра вдоль гребня и перешли через него в том месте, где нам предстояло начать спуск. И тут в первый раз мне стало не по себе. Потому что я не видел основания склона: под нами была изрезанная трещинами, горбатившаяся каменными выступами, почти отвесная стена с уклоном примерно 75 градусов. Догадываясь о том, что мы испытываем в эту минуту, Никифоров попытался утешить:

— Там, где можно, пойдём серпантинном, главное — плотнее прижиматься к стене и не попадать на плиты.

Первым в цепочке идет Мусин. Он прокладывает тропу, ему труднее всего — снег сровнял все шероховатости, все крохотные точки опоры. Делая очередной шаг, он не знает, найдет ли нога опору — под снегом может оказаться или спасительный выступ, или гладкая, покрытая ледяной коркой поверхность. Мусин переступает с ноги на ногу осто-

рожно, держа наготове автомат с откинутым железным прикладом, которым можно затормозить при скольжении. Трудно идти первому и трудно замыкать цепочку: тропа уже раскатана. Но, с другой стороны, почти никаких неожиданностей — до тебя прошли пятеро.

Но страшнее всего было обходить выступы, упирающиеся тупым концом в грудь. Они разрывали тропу, и, чтобы обойти их, надо было отрывать тело от стены и откидываться назад, зависая над пропастью. В эти мгновения кажется: одно неловкое движение — и очередной шаг будет роковым. Мы судорожно цеплялись руками в насквозь мокрых перчатках за выступ, нащупывали пальцами малейшую шероховатость на камне и думали только о том, чтобы жалкие, сухие стебли травы, зажатые в ладони, помогли удержаться над пропастью.

Дальше пошло еще сложнее: стена обрывалась вниз — от уступа до уступа — совершенно вертикальными плита-

ми. Нам приходилось спускаться по страховочной веревке, держа тело перпендикулярно к стене. Делалось это так: Мусин и Никифоров привязывали один конец веревки к альпинистскому карабину на поясе и скользили вниз до очередного карниза. Потом по ней по очереди спускались мы. Последнего страховал Куницын — наиболее крепкий из всех.

На одной из плит Ивану не повезло. Он спускался последним по веревке, один конец которой, продернутый через ушко вбитого в щель крюка, был у нас. Когда Куницын находился метрах в двух над нами, крюк не выдержал, выскочил из щели, и Иван, ударившись плечом о стену, съехал вниз. К счастью, он успел упереться ногами в наши ноги и благодаря этому удержался на уступе. С полминуты все молчали, разглядывая вырванный крюк.

Потом Никифоров спросил, кто его вбивал.

— Игорь, — Никифоров говорил как можно спокойнее, — никогда не рассчитывай на чужие крюки, понял? Никогда...

Все это случилось, потому что мы спешили, будь у нас запас времени, мы могли бы идти спокойно, с двойной страховкой. Никифоров это понимал и поэтому больше ничего не сказал Нилову.

Оказавшись наконец внизу, у реки, мы не стали искать брод, а решили переправляться, — опять же с помощью веревки, — там, где окончился наш спуск. Но прежде кому-то надо было перейти реку и привязать конец веревки к дереву на той стороне. Кому? Одна только

мысль о том, чтобы ступить в ледяную воду и по грудь в ней идти через ревущий поток, вызвала озноб. И опять перед командиром встала проблема выбора. Потому что идти первым вызвались все четверо.

«Куницын? Нет. Он говорит, что плечо не болит, но можно ли в этом случае верить? Нилов? Он взрывник, у него все боеприпасы, и с ним ничего не должно случиться, а горная река коварна. Перепелица? Но он незаменим в рукопашной схватке и должен быть в форме. Значит, Мусин».

— Мусин. Пойдешь ты.

— Есть.

Улыбнулся бы я, оказался на его месте? Вряд ли. А Мусин улыбнулся.

Он перешел реку благополучно, поскользнувшись только один раз в двух метрах от противоположного берега. Затем негибающимися, онемевшими от холода пальцами привязал к дереву веревку. И пока мы переправлялись на другой берег, Рафик успел выжать портянки и носки, а потом — вместе со всеми — полез следом за Никифоровым наверх, к шоссе.

...Мы остановили грузовик с длинным железным кузовом. Шофер и не пытался возражать — слишком много было написано в эту минуту на наших лицах. В кабину сел Мусин. Все остальные легли в кузове, прижавшись к холодным бортам. Потом мы два километра тряслись по дороге, при каждом толчке прикладываясь подбородком или щекой к железному дну кузова.

Рафик дважды ударил по крыше кабины: приготовиться, через двести метров мост! Разведчики сжали в руках автоматы. Благополучно проскакиваем первый пост. Скрежет тормозов. Нас бросает к кабине. Все четверо мгновенно перемахивают через борт, по два на каждую сторону. Прямо из кабины короткими очередями бьет Рафик. Пока Куницын и Перепелица снимают часовых (самбо — великая вещь), Никифоров «разбирается» с пулеметчиками, а Нилов, лежа на животе, прикручивает к балке взрывчатку.

Чтобы опомниться, «противнику» понадобилось минуты две-три, не больше. Метрах в трехстах от нас, из-за поворота, выскочили две машины с белой поперечной полосой на радиаторе — «противник». И в этот же момент внезапно рухнула на дорогу, преграждая им путь, снежная лавина — работа Матюхина и его ребят. Следом за ней сверху, стреляя на ходу, «посыпались» они сами, огнем прижимая «противника» к земле. Затем ударили автоматы где-то там, в тылу, это вступили в бой группы прикрытия.

...Через пять минут Пантюшенко принял от нас сообщение, что мост взорван. Через шесть в штабе учений узнали о том, что горный проход свободен.

ПУНКТ СВЯЗИ «ПРОТИВНИКА» УНИЧТОЖЕН!

С ЭТОЙ МИНУТЫ МОСТ УСЛОВНО НЕ СУЩЕСТВУЕТ.

ЭТО НЕ ЦИРКОВОЙ ТРЮК — ОБЫЧНАЯ ТРЕНИРОВКА.

ПЕРВЫЙ СНЕГ.

ВОЗМУЖЖАНИЕ

— Прежде всего я хотел бы попросить вас рассказать читателям «Смены» о социальном составе Коммунистической молодежи Австрии, о задачах, которые ставит перед собой австрийский комсомол. Мы знаем, что ваш молодежный союз родился сравнительно недавно — 10 мая 1970 года. Какими соображениями продиктовано решение о создании КМА, в каких условиях делала организация начальные свои шаги, удовлетворены ли вы первыми итогами работы?

— Основу нашего союза составляют молодые рабочие, ученики профессионально-технических школ, юноши, призванные в армию, служащие. Члены КМА — молодые люди от 15 до 28 лет, а на выборной работе могут находиться и те активисты союза, которым уже больше двадцати восьми.

Конец шестидесятых — время размежевания и поляризации сил. Именно в тех условиях молодые коммунисты Австрии приняли решение основать марксистско-ленинскую молодежную организацию, которая могла бы помочь трудящейся молодежи найти верные ориентиры, направить борьбу юношества по правильному пути. Ведь важен не сам факт молодежного бунта, важна политическая и социальная направленность движения. Мы создали организацию, руководствующуюся в своей деятельности принципами научного коммунизма и пролетарского интернационализма. Наши цели определены в уставе так: «...на основе марксизма-ленинизма, в тесном сотрудничестве с КПА осуществлять эффективную, направленную на изменение существующего общества деятельность, что означает ликвидацию экономического гос-

подства капитала путем перевода основных средств производства в собственность народа, построение социалистического общественного порядка. Борьба против всех антиавстрийских, враждебных принципу нейтралитета реакционных, фашистских и милитаристских сил».

В сущности, тогда, в мае семидесятого, мы начинали с нуля. Три задачи, взаимосвязанные и практически нерасторжимые, стояли, да и сейчас стоят, перед нами. Первая — организационное укрепление союза, расширение его состава, привлечение в ряды комсомола рабочей молодежи. Вторая — агитационно-массовая работа, повышение нашего влияния в массах молодежи — на улице, на предприятиях, в школах, казармах, университетах. И третья — формирование идейных бойцов, идеологическое воспитание и политическое образование членов КМА. Наша организация прежде была построена только по территориальному принципу. Сейчас первичные организации КМА создаются и на наиболее крупных предприятиях.

Мы прекрасно понимаем, что без постоянной поддержки партии, без тесного сотрудничества с коммунистами эти ответственные задачи мы бы решить не сумели. И потому наш союз установил самые тесные контакты со всеми парторганизациями всех Земель Австрии.

На первом съезде КМА, который проходил в 1974 году, были подведены итоги работы. Организация, отмечали делегаты, находится на верном пути. Три главных направления деятельности союза оставались в силе, но особый акцент был сделан на расширении масштабов массовой работы с моло-

Председатель федерального правления Коммунистической молодежи Австрии, член ЦК КПА Вилли РАУ отвечает на вопросы специального корреспондента журнала «Смена».

дестью. Мы проанализировали, как живут молодые люди Австрии, как ориентируются они в политической ситуации, как оценивают положение в мире, в нашей стране, в международном рабочем и молодежном движении. Это позволило уточнить стоящие перед нами задачи, предложить новые формы работы с юношеством. На II съезде, который откроется, по нашим планам, 14 мая 1978 года, мы наметим перспективы дальнейшей работы.

А забот у нас немало. Начну с кампании борьбы за пять основных прав молодежи. Я имею в виду право на образование, право на труд, если хотите точнее — на обеспеченность трудом. Затем право на участие в решении вопросов, касающихся положения молодежи на предприятиях, в школах. Далее — право на отдых, на организацию свободного времени, на занятия спортом. И, наконец, право на мирную жизнь.

Мы собираем различные материалы и документы, свидетельствующие о реальном положении молодежи в обществе, проводим дискуссии об основных правах юношества. С удовлетворением могу заме-

ПЯТЬ СТРОК ВМЕСТЕ

Олег СПАССКИЙ. Фото Григория ТЕРЗИБАШЬЯНЦА. Специальные корреспонденты «Смены».

Четвертый час бурлит, шумит, грохочет оркестрами зеленый Ринг — знаменитое кольцо бульваров, краса и гордость Вены.

Сначала шли социалисты. Три стрелы, пронзающие круг, — эмблема СПА. Круг с тремя стрелами проплывает на фоне позеленевших от времени памятников. Круг с тремя стрелами проплывает на фоне полураздетой девушки, заполнившей центр города: реклама «Палмерса» — чулки, колготки, носки, белье.

Многолюдная демонстрация. Идут по району. В рядах социалистической партии немало рабочих и служащих. Вслед за медсестрами в белых халатах идут транспортники в форменных фуражках с кантом, швейники.

А рядом с колоннами, на обочине проезжей части, на тротуарах — велосипедисты. Красные флажки, вставленные между спицами колес велосипедистов, не удивляют: мы уже видели и иных «демонстрантов». Несколько преклонных лет фрау гуляют, приколов красные флажки к своим до сияния, до синеватой белизны отмытым и тщательно завитым пуделям.

Демонстрация рабочей солидарности, традиции которой восходят к майской тысяче восьмьсот восемьдесят шестого года забастовке рабочих Чикаго, требовавших установления восьмичасового рабочего дня, к демонстрации, подавленной, расстрелянной полицией, — и пудели с флажками?!

Не кощунство ли это?
Трибуна социалистов у ратуши.
Трибуна коммунистов у парламента.

Коммунисты идут по Опернрингу, по Бургрингу. Идут мимо парков — Бургартена, Фольксартена, мимо памятников Моцарту, Шиллеру, Марии Терезии. По городу прекрасных культурных традиций. По исторической Вене, бывшей некогда столицей громаднейшей империи.

Идут коммунисты из рабочих районов Фаворитен и Зиммеринг. Идут и наши знакомые, коллеги из «Фольксштимме», газеты коммунистической партии. Один с дочерью, другой с сыном. Идут семьями — это их праздник. Газета продается здесь же — активистами «Фольксштимме».

Вместе с коммунистами идут комсомольцы. Лозунги, транспаранты, плакаты, громадные карикатуры. Требования социальных реформ. Выражение солидарности с борьбой чилийского народа. Две девушки несут, взявшись за края, флаг Чили. Демонстранты и прохожие кидают на флаг шиллинги — в фонд помощи и солидарности с патриотами страны, попавшей под сапог фашистской хунты.

Молодые женщины катят коляски с детьми. К коляскам прикреплены плакаты: «Равная оплата за равный труд!» Но чаще всего мелькает цифра «5». Комсомол Австрии ведет энергичную борьбу за пять основных прав молодежи. Об этих правах говорил нам председатель федерального правления Коммунистической молодежи Австрии Вилли Рау. Об этих правах рассказывает тоненькая брошюрка, подготовленная комсомольцами. Эти пять основных прав молодежи, пять строчек, выведенных на транспарантах, отпечатанных на плакатах, вмещают жизнь целого поколения молодых австрийцев. Право на

образование, право на обеспеченный, гарантированный труд, право на участие в решении проблем, касающихся жизни молодежи, право на интересное и полезное свободное время и право на мирную жизнь.

Пять прав, суть, единый и благородный смысл которых — право на жизнь, достойную человека.

Многоликая Австрия.

Для крупных промышленных фирм, для гигантских концернов, для предпринимателей — громадные прибыли.

Для рабочих — дамочков меч увольнений и зарплата, которая никак не поспевает за растущими ценами.

Многоликая Австрия, где трудно вывести некую равнодействующую, в которой отражены были бы все тенденции, определяющие сегодняшний день страны.

В один из прошлых приездов попался на глаза рекламный проспект Вены. Запомнилась рекомендация: «Для посещения оперы, концертных залов желателен темный мужской костюм и нарядный женский туалет — платье «коктейль». Для выхода в свет рекомендуется элегантная одежда: смокинг, короткое вечернее платье, а для больших приемов и бала — фрак и длинное вечернее платье».

А рядом адская гонка: карабкаются вверх квартирная плата, доходы предпринимателей, стоимость проезда на городском транспорте, расходы на вооружение, налоги.

Давний интерес к спорту — подсказывает ассоциацию — забег стайеров, бегунов на длинные дистанции. Вспомнивая, как помогают они друг другу, как

тянут один другого. Так и здесь: прибыли крупных компаний тянут за собой стоимость жизни.

Дурная, жестокая пародия на спорт. Кризис в системе здравоохранения. Где искать выход, как лечить здравоохранение?

Рецепты предлагаются разные. Консилиум государственных мужей из правительства рекомендует проверенное средство: снова повысить налоги на трудящихся и ввести в клиниках так называемую систему «самообеспечения»: каждый пациент будет платить от 50 до 100 шиллингов за один день лечения в больнице.

Есть, однако, и другой рецепт. Коммунисты настаивают на финансовой иньекции: увеличении на пятьдесят процентов отчислений предпринимателей на медицинское страхование трудовой Австрии, значительном повышении налогов на прибыли, резком сокращении расходов на военные цели, более щедром государственным финансировании больниц, клиник, медпунктов.

Коммунистическая молодежь Австрии обращает внимание на странное, более того, противоестественное соседство: в конструкторских бюро, на заводах создаются новые, невиданные прежде машины, вбирающие в себя все новейшие достижения науки, техники и промышленной технологии, а молодые рабочие, которые завтра встанут к ним (если встанут, если хватит на всех рабочих мест), принуждены довольствоваться знаниями и навыками, профессиональным обучением, уровень которых решительно не отвечает требованиям времени.

Вилли Рау рассказывал, что насто-

КМА издает свой журнал «Эксплозив», и вот сейчас наш ежемесячник особое внимание уделяет перепечатке материалов из советской печати, публикует воспоминания ветеранов Австрийской коммунистической партии, которые рассказывают о влиянии Великого Октября на положение в мире, на австрийское рабочее движение, на нашу молодежь. Накануне ноябрьских торжеств мы ожидаем приезда из Москвы друзей, которые познакомят молодых австрийцев с достижениями Родины Октября, с героическими буднями вашей страны.

— КМА и ВЛКСМ связывают традиционные узы дружбы. Не могли бы вы рассказать о сотрудничестве двух братских союзов?

— Мы с гордостью вспоминаем, что представители славного Ленинского комсомола приезжали к нам на наше первое организационное собрание в мае семидесятого. Уже тогда вели мы интересные, чрезвычайно полезные для нас беседы. Расширяя и углубляя сотрудничество с ВЛКСМ, мы заимствуем опыт комсомола, делимся своим. Постоянные консультации, двусторонние семинары, взаимный обмен делегациями и группами стали повседневной практикой нашей работы. Успешное развитие отношений позволило нам в 1975 году подписать Соглашение о сотрудничестве между ВЛКСМ и КМА. Естественно, что мы стараемся максимально использовать возможности, раскрываемые совместной работой с многоопытнейшим союзом молодежи, направляем в Советский Союз своих посланцев, с интересом встречаем наших советских друзей у себя в стране.

— Коммунистическая молодежь Австрии стремится углублять свое сотрудничество с прогрессивными молодежными союзами разных стран. Расскажите, пожалуйста, о кампаниях и акциях солидарности вашего союза с борьбой молодежи мира против империализма и неокolonизма, за мир, демократию, национальную независимость и социальный прогресс. Какое место в вашей работе занимает подготовка к XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов, который состоится будущим летом в Гаване?

— Акции солидарности чрезвычайно важны в деятельности любого прогрессивного молодежного союза. Мы не только помогаем своим зарубежным сверстникам, мы этой работой оказываем самое благотворное влияние на нравственное воспитание юношей и девушек, на укрепление сотрудничества разных слоев молодежи.

В 1973 году после фашистского путча в Чили нам удалось развернуть массовую кампанию солидарности с демократами этой страны, вовлечь в нее молодежь, которая придерживается левых, прогрессивных взглядов. Мы сформулировали широкую платформу, программа которой выражена в призыве: «Свободу демократам Чили!». Сейчас в этой кампании участвует более двадцати организаций: Союз борцов сопротивления и жертв фашизма, коммунисты, Совет мира Австрии, «молодое поколение» социалистической партии, союз демократических сил и другие. Был сформирован комитет, руководящий этой кампанией солидарности. Во главе комитета три председателя — священник, представляющий церковь, социал-демократ и коммунист Бруно Фурх, участник боев в Испании.

Мы принимаем участие в работе Международного подготовительного комитета фестиваля, и я присутствовал на заседаниях МПК в Гаване.

Молодые коммунисты проводят разъяснительную работу в самых разных молодежных аудиториях — мы рассказываем о месте и роли фестиваля в борьбе молодых людей разных стран мира за свои права и лучшее будущее. Хочу подчеркнуть, что фестиваль, идеи фестиваля привлекают молодежь, и очень многие девушки и юноши говорили нам о своем желании работать, готовиться к этому важнейшему событию в жизни и борьбе демократической молодежи мира. Кстати, предстоящему фестивалю был специально посвящен один из дней нашей «Красной недели», которая проводилась в начале мая. Мы убеждены, что подготовка к грандиозной встрече юношества в столице острова Свободы, участие в фестивале помогут нам укрепить и углубить сотрудничество с прогрессивными организациями молодежи, позволят Коммунистической молодежи Австрии расширить свои ряды. Мы постараемся внести свой вклад в торжество идей фестиваля.

тить, что нам удалось привлечь внимание общественности к этим проблемам.

В рамках кампании «К позорному столбу!» мы стремимся выставить на всеобщее обозрение все то, что мешает молодежи жить, работать, учиться. Мы энергично выступаем против продажи и распространения в Австрии неонацистской литературы, поступающей из ФРГ, против пропаганды фашизма и реваншизма в школах, против увольнения прогрессивных учителей. И хотя у нас в отличие от северных соседей нет запрета на профессии, прогрессивно настроенным педагогам порой весьма трудно сохранить должность.

Кампания в защиту основных прав девушек и юношей позволила нам расширить контакты с другими молодежными организациями, в частности с Австрийской профсоюзной молодежью, с Социалистической молодежью Австрии.

В этом году деятельность союза связана с двумя важнейшими для нас событиями — с подготовкой к XXIII съезду Коммунистической партии Австрии и к 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

ИЩАЮЩИЕ ЖИЗНЬ

ятельная необходимость реорганизации системы профессионально-технического образования диктуется и ее архаичностью, и запросами времени, и нуждами промышленности и мастерских. Крайне неудовлетворительными условиями обучения учеников. На австрийских предприятиях не хватает тысяч учебных мест. Только десять процентов учеников, проходящих профессионально-техническое обучение, — пятнадцать тысяч — имеют возможность заниматься в оборудованных всем необходимым учебных лабораториях и мастерских. Вот почему КМА вместе с Профсоюзной молодежью Австрии, вместе с другими левыми молодежными организациями борется за законопроект о реформе безнадежно устаревшего профтехобразования. Этот законопроект предусматривает введение контроля общественности над профтехобразованием, закрепление права на такое образование в конституции страны, создание фонда профессионально-технического обучения за счет части доходов предпринимателей.

Детство, юность, «зеленые» годы, пожалуй, лучшая пора в жизни человека. Время больших ожиданий. Время светлых надежд. Но и время подготовки к жизни, к выявлению своих возможностей. Однако не все, далеко не все молодые австрийцы обладают равными условиями для этой подготовки. И хотя технический прогресс властно требует решительного усовершенствования образования, интерес предпринимателей заключается в другом — в эксплуатации максимально дешевой рабочей силы при минимальных затратах средств.

Один из художников, сотрудничающих с КМА, предложил карикатуру на тему задач, которые решает ученик на производстве. Первая задача — не из физики или математики. Первая задача — принести доход. Вторая — принести доход. Третья — принести доход. Четвертая, пятая, шестая, седьмая, восьмая — принести доход, девятая — приобрести профессию.

Неудовлетворительное профессиональное образование ведет не только к потерям в заработной плате, оно обостряет чувство неуверенности у молодых рабочих: в глубине души новички понимают, что не готовы (не по своей вине!) занимать соответствующее рабочее место.

В Австрии, как и в других западных странах, много и охотно толкуют об обществе равных возможностей.

Равные шансы? Судите сами, в университетах страны только двенадцать процентов студентов происходят из семей рабочих и крестьян.

Нужно специальное усилие, чтобы разобраться в системе образования Австрии. Разные типы школ. Разные цели, которые ставят они перед учащимися. Народные и главные школы. Гимназии различного профиля. Два потока в главной школе. Гимназии-надстройки. Педучилища, технические училища разного уровня.

И совсем не у каждого есть возможность выбрать дело по вкусу, получить высшее образование. Многие школы имеют «тупиковый» характер. Выходит человек в жизнь, ищет что-то, о чем-то мечтает, на что-то надеется, стоя на распутье жизненных дорог, и не ведает,

что на каждой из них через полкилометра-километр висит «кирпич» — движение запрещено, дальше дороги нет.

И потому прогрессивная молодежь Австрии требует реального права на демократическое, созвучное времени образование.

Требует введения единой школы для всех учащихся от десяти до пятнадцати лет.

Требует удаления фашиствующих преподавателей, устранения фашистских, клеветнических текстов из учебников.

Требует, наконец, материального обеспечения учебы, чтобы дети рабочих и крестьян могли учиться и в университетах.

На уроках литературы австрийским школьникам рассказывают о романе Ульриха фон Лихтенштейна «Служение даме», написанном семь столетий назад. Наверное, название этого романа девушки и молодые женщины вспоминают сегодня после окончания школы с грустью и обидой.

Дама низведена с пьедестала. Дама сегодня все чаще считается человеком второго сорта: женщинам платят меньше, чем мужчинам, за ту же работу.

Еще одна политическая карикатура. Навстречу друг другу бредут девушка и молодой человек. Оба несут одинаковые плакаты: «Ищу работу». Разжиревший, типично платкатный капиталист комментирует: «И коммунисты еще утверждают, что при капитализме нет равенства!»

Пожалуй, это единственно возможное равенство.

Власть имущие стремятся переложить тяготы кризиса на плечи трудящихся.

Необеспеченность молодых работой, налоговое давление, потери в реальной заработной плате — печальные приметы семидесятых. И это в благопристойной Австрии. В стране, где уровень инфляции ниже, чем в Италии, Бельгии или, скажем, в Англии. В стране, ставшей визитной карточкой «государства всеобщего благоденствия», как пытаются представить сегодня капитализм его апологеты.

Вот почему Коммунистическая молодежь и вместе с ней другие прогрессивные молодежные организации борются за утверждение зафиксированного в законе права на труд и профессиональное образование, требуют равной платы за равную работу без различия возраста, национальности, пола.

Пусть служение даме выразится хотя бы в том, что прекрасный пол не станут подвергать дискриминации!

Австрийские комсомольцы, рассказывал Вилли Рау, хотя и объясняют всем своим сверстникам, что молодежь вправе — и должна! — требовать участия в решении наиболее существенных вопросов жизни. Пока же все большее число самых важных решений принимается за закрытыми дверями узким кругом избранных. Средства массовой информации находятся под влиянием и контролем предпринимателей и используются, естественно, в интересах господствующего класса. Юноши и девушки лишены возможности участвовать в решении собственной судьбы, а тем более оказывать какое-то влияние на события, которыми живет их страна. Демократические молодежные организации, доверенные лица молодежи, представители школ, солдат практически не вос-

**СОВЕТСКОМУ СОЛДАТУ,
ОСВОБОДИТЕЛЮ ЕВРОПЫ.
ПАМЯТНИК НА ПЛОЩАДИ
ШВАРЦЕНБЕРГПЛАЦ.**

принимаются всерьез и потому не могут отстаивать интересы своих коллег.

Наверное, нашим читателям трудно себе представить, что где-то искусственно ограничивается участие молодых людей в общественной жизни, в управлении, на производстве, в школе, в университете. Наверное, нелегко понять, сколь важное место в работе комсомола Австрии занимает борьба за демократизацию армии, защита тех, кто служит, от муштры, устранение всех антидемократических сил из кадров армии. Наверное, сегодня, когда у нас только что принята новая Конституция,

непросто себе представить, что в Австрии, стране с давними демократическими традициями, не потеряло своей актуальности требование покончить с дискриминацией по отношению к национальным меньшинствам.

Наверное, действительно, все это понять нелегко.

Как нелегко австрийскому юноше понять наш мир.

Они мало знают о нас. Судим об этом хотя бы по тому, что несколько человек в разной форме задавали один и тот же вопрос: «Обязательно ли вступление в комсомол?», «Надо ли каждому ученику профтехучилищ быть комсомольцем?», «Только ли комсомолец может состоять членом спортивного общества?».

И, кажется, с изумлением выслушивали пояснение, что быть принятым в комсомол — высокая честь, что не каждый ее удостоивается.

Отвечая на такие вопросы, вспоминал слова Вилли Рай о том, кому принадлежат средства массовой информации.

От Москвы до Вены — три часа полета.

От Вены до Москвы — целая общественно-экономическая формация.

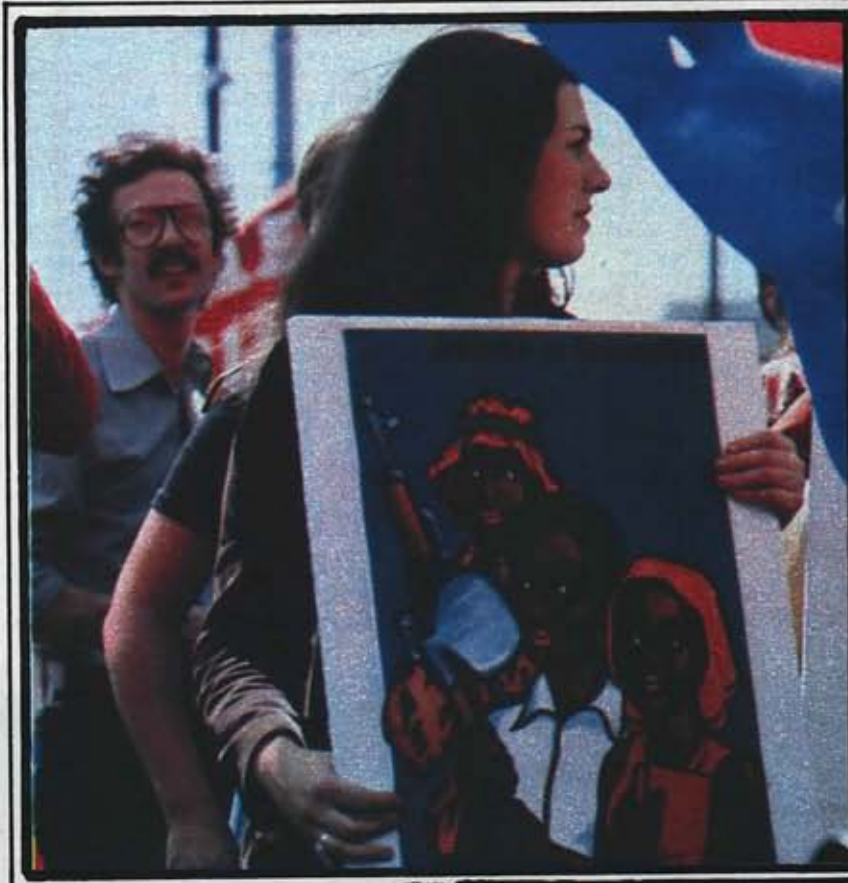
На одной из улиц Вены, в стороне от Ринга, остановились у книжного магазина.

Витрина ломится от книг. И символом их содержания служит водруженная на самом видном месте тронутая временем каска, одна из тех, что носили гитлеровские оккупанты.

Блистательная Вена. Очаровательная Вена. Музыкальная столица мира, как пышно именуют ее рекламные проспекты. Город балов и карнавалов, город

организаций. «Новые правые», как заявляют они в собственных манифестах, «решительно отклоняют понятие «австрийская нация», настаивают на своей принадлежности к немецкой нации как «к политически связывающему единству». Выступая с позиций пангерманизма, неонацизма, реванша, они мечтают вернуть прошлое, вернуться почти на четыре десятилетия назад, к тому времени, когда Австрия была низведена до одной из провинций третьего рейха.

Коммунистическая молодежь вместе с другими прогрессивными организациями страстно протестует против возрождения неонацизма, против прово-

**ПЕРВОМАЙСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ
В ВЕНЕ.
ДЕВИЗ МОЛОДЕЖИ:
«СОЛИДАРНОСТЬ!»**
«МАМА, КУПИ!»

Моцарта и Бетховена, Гайдна и Штрауса. Город высочайшей культуры.

Город рабочих традиций, замечательных мастеров — строителей, текстильщиков, химиков.

Столица, охотно приглашающая к себе международные конференции, всемирные конгрессы, многоязычные симпозиумы, спортивные чемпионаты.

Но и город, на улицах которого не редкость не только посланцы мира и доброй воли, а и духовные наследники коричневой чумы.

Во время нынешней поездки я видел еще одну демонстрацию трудовой Вены. Демонстрацию, длившуюся несколько часов, — антифашисты, объединяющие в своих рядах коммунистов и католиков, социалистов и либералов, гневно протестовали против неонацизма, требовали запретить австрийскую НДП и фашиствующую молодежную организацию «Акция новые правые».

Однажды мы отправились в центр города по Альсерштрассе и Университетштрассе, выводящей нас к Рингу. На углу, около университета, собрались с плакатами и лозунгами две-три сотни молодых людей. Прохаживались полицейские. Наряды вместе с полицейскими машинами дежурили и на противоположной стороне бульвара.

Нам рассказали, что недавно на территории университета «новые правые» напали на членов левых студенческих

**АВТОМОБИЛЯМ ТЕСНОВАТО
В СТАРОМ ГОРОДЕ.**

КОМСОМОЛЬЦЫ АВСТРИИ.

кационных сборищ «землячества судетских немцев» и других реваншистских организаций.

По красному знамени белыми буквами выведено — «Молодежная красная неделя. 1—8 мая 77». Митинги солидарности и темпераментные дискуссии об осуществлении пяти основных прав молодежи. Выступления ансамблей политической песни и погруппы. «Фло де колонь» — «Блохи из Кельна» и «Лас Пампас» — чилийский ансамбль. Канадский певец Перри Фридман, живущий сейчас в ГДР. Венгерская погруппа. Народный ансамбль из Советского Союза — здесь, в Вене, выступают ребята с другого края земли, из Хабаровска.

Организаторы «Недели» учитывают психологию возраста. Дискуссия, поп-

«НЕТ ФАШИЗМУ!» — ГОВОРЯТ СТУДЕНТЫ ВЕНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

группа, снова дискуссия, популярный певец.

Это одно из основных прав молодежи: содержательное свободное время, интересный отдых, занятия спортом.

Сейчас, в середине семидесятых, девушки и юноши имеют свободного времени неизмеримо больше, чем имели когда-то их дедушки и бабушки, чья юность пришлось на двадцатые годы. Но это не подарок предпринимателей. Это плоды борьбы рабочего класса.

Чем же заполнено свободное время?

Мариахильферштрассе, тянущаяся от Ринга к Западному вокзалу, — улица городских универмагов и многочисленных кинотеатров. Что сегодня на экране?

«Девушки в экстазе», «Школа для девушек». Та же самая порнография, что и в прошлом году, когда крутили «Сексайд-стори» и «Историю О».

Брошюра комсомола констатирует: «Создана целая отрасль индустрии, называющаяся на свободном времени молодежи и определяющая его содержание. Юных направляют в дорогие дискотеки, кафе и рестораны, в кинотеатры, где демонстрируются грязные фильмы...»

Левые юношеские организации требуют создания молодежных центров, спортивных баз, стадионов, отданных под контроль общественности. КМА настаивает на предоставлении молодежи

ПЛЫВЕТ НАД АЛЛЕЯМИ ПАРКА БЕССМЕРТНАЯ МЕЛОДИЯ ВАЛЬСА ШТРАУСА...

ПРАВДА О ЧИЛИ. О ТРАГЕДИИ СВОЕГО НАРОДА РАССКАЗЫВАЮТ ЧИЛИЙСКИЕ СТУДЕНТЫ.

реальных возможностей в организации своего свободного времени, которое должно служить не интересам власти имущих, но расцвету личности.

И, наконец, еще один круг забот комсомольцев Австрии. Борьба за мир, за разрядку международной напряженности, за дружбу между народами.

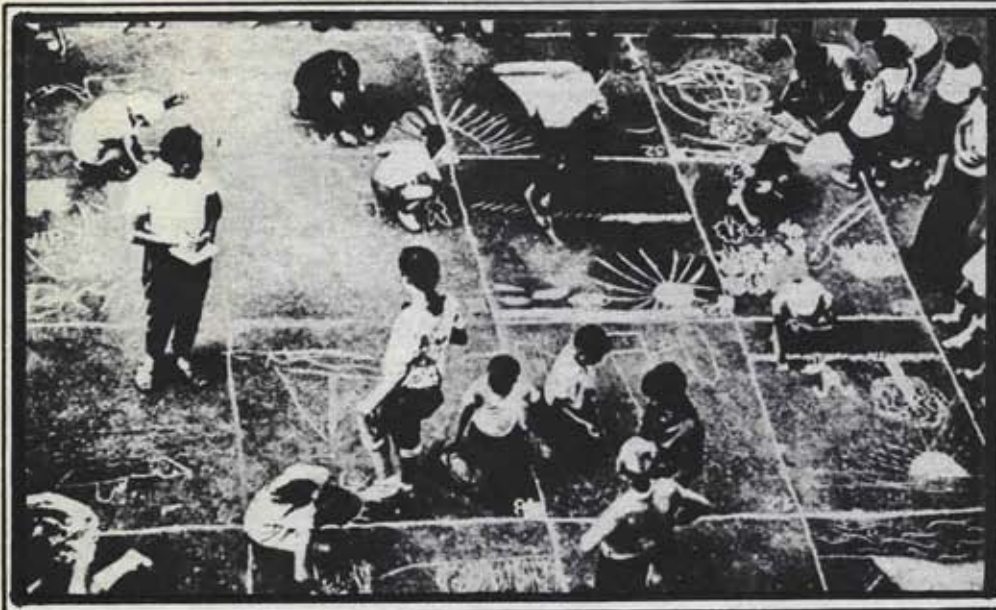
На одной из последних страниц брошюры о пяти основных правах молодежи — стилизованная пальма с плывущими буквами «СИВА» — эмблема XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, рядом эмблема Всемирной федерации демократической молодежи: право на мир, право на жизнь — основа основ бытия человека, и прогрессивная молодежь Австрии, прекрасной альпийской страны, провозгласившей основополагающим принципом своей внешней политики нейтралитет, выступает за осуществление решений Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, за развитие дружеских отношений с социалистическими странами, со всеми миролюбивыми силами.

На папке для бумаг, на кофре фоторепортера, на политической карте мира, висящей в редакции «Смены», — наклейки, подаренные нам в Вене, — на фоне красной звезды сжатый кулак, буквы «КМА» и слова: «Вместе за основные права молодежи. Вместе мы сильнее».

Итоги фотоконкурса «Смены»
**«МИР МОЛОДОСТИ
СТРАНЫ СОВЕТОВ»**,
посвященного 60-летию
Великого Октября

СЕРГЕЙ МАЛЬГАВКО. «В КАЖДОМ РИСУНКЕ СОЛНЦЕ».

ВЛАДИМИР ШЕВЫРЬНОВ. «РЕЖИССЕР СТУДЕНЧЕСКОГО ТЕАТРА».

**КОНКУРС ЗАКОНЧЕН,
КОНКУРС ПРОДОЛЖАЕТСЯ!**

**«ПОКАЖИТЕ, КАК БЬЕТСЯ СЕГОДНЯ
ПУЛЬС ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА!»**

Фотоконкурс «Мир молодости Страны Советов» 1978 года редакция журнала «Смена» посвящает 60-летию Ленинского комсомола.

Фотоконкурсы — давняя традиция «Смены». Еще в 1931 году наш журнал обратился к фотолюбителям: «Смена» широко открывает свои страницы для ваших снимков. Покажите в них рост и размах социалистического строительства, покажите, как бьется сегодня пульс Ленинского комсомола, покажите, чем живет и дышит Страна Советов и ее рабочая молодежь».

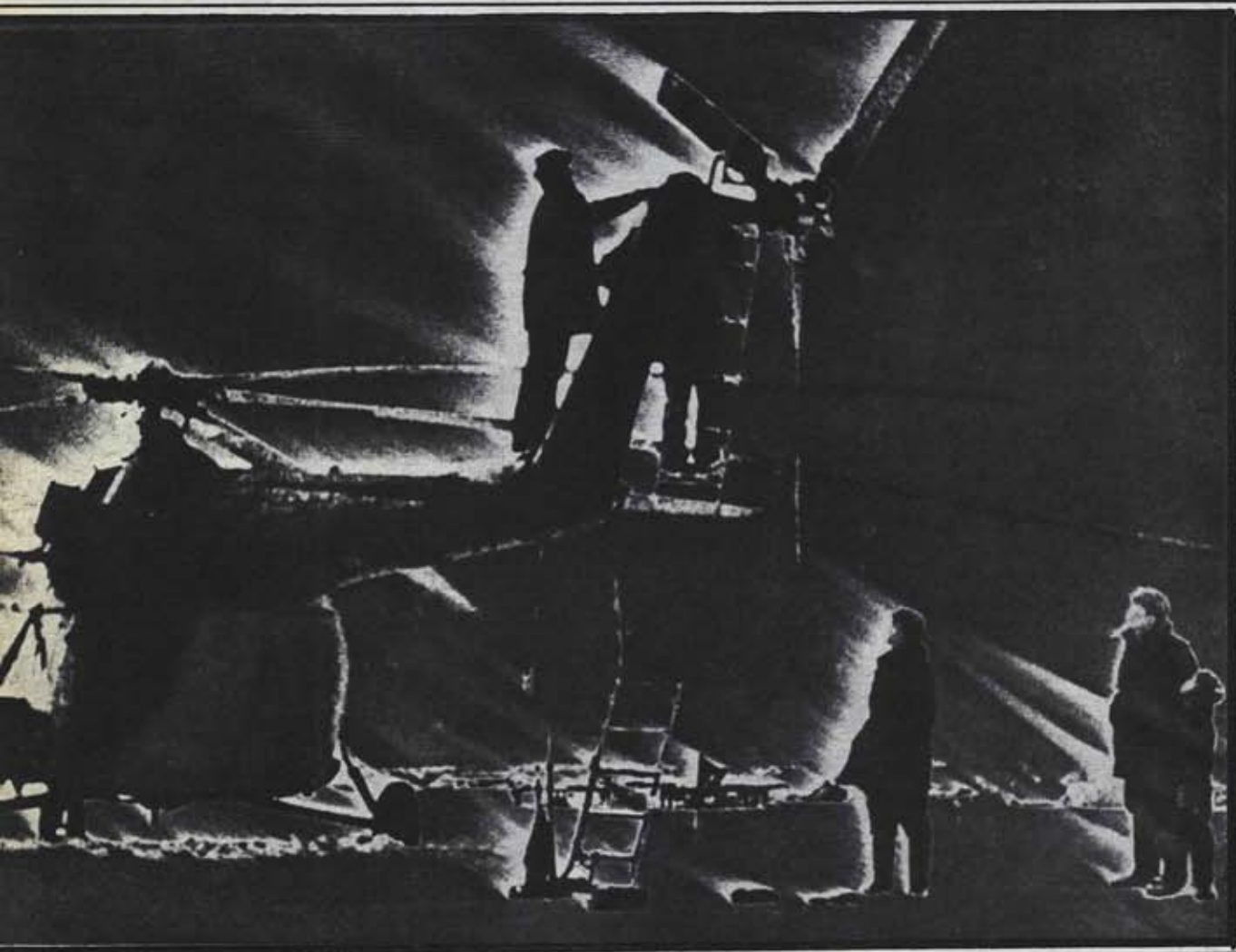
В годы первых пятилеток первые шаги делало и массовое фотолюбительство. Сегодня оно достигло в нашей стране небывалых масштабов. И в этом еще одно подтверждение положения Конституции СССР: «В соответствии с коммунистическим идеалом «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» государство ставит своей целью расширение реальных возможностей для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований, для всестороннего развития личности».

Тысячи фотокружков и фотоклубов в разных концах нашей страны объединяют миллионы людей — рабочих и ученых, инженеров и колхозников, школьников и студентов... Человек с фотоаппаратом стал привычной фигурой на строительных площадках, в заводских цехах, в научных лабораториях — на переднем крае строительства коммунизма. Вместе с фотомастерами любители кадр за кадром создают фотолетопись нашей жизни.

Более 200 работ 120 авторов принесла почта в редакцию журнала в ответ на объявленный «Сменой» в начале нынешнего, юбилейного года фотоконкурс «Мир молодости Страны Советов». Для многих участников конкурса характерны острая наблюдательность, стремление найти и запечатлеть отличительные черты нашего времени, жизни советской молодежи. Однако высоким критериям фотоискусства отвечают, разумеется, далеко не все поступившие в редакцию снимки. Рассмотрев присланные на конкурс 1977 года работы, жюри фотоконкурса постановило:

— первые премии не присуждать;
— вторые премии (фотоаппарат) присудить:

Валдису БРАУНСУ, инженеру отдела пропаганды передового опыта Министерства коммунального хозяйства Лат-

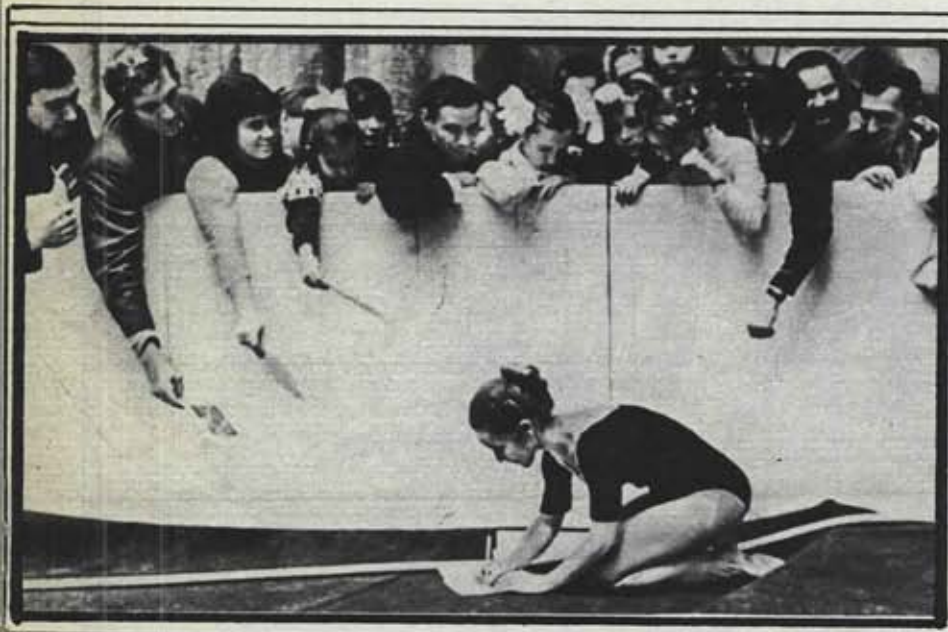

ВИКТОР КОНОНОВ. «ПЕРЕД ВЫЛЕТОМ».

ВАЛДИС БРАУНС. «ВЕТЕР»

БОРИС ЧУГУНОВ. «АВТОГРАФ»

вийской ССР, члену народной фотостудии «Рига», за снимок «Ветер»;

Сергею МАЛЬГАВКО, члену фотокружка Омского городского Дворца пионеров (сейчас Сергей — студент Московского института культуры), за снимок «В каждом рисунке солнце»;

Виктору КОНОНОВУ, электросварщику Мурманского рыбного порта, председателю фотоклуба «Норд», за снимок «Перед вылетом»;

Борису ЧУГУНОВУ, сотруднику газеты «Волжский комсомолец» (г. Куйбышев), за снимок «Автограф»;

Владимиру ШЕВЫРНОГОВУ, инженеру (г. Омск), за снимок «Режиссер студенческого театра».

— третьи премии (годовая подписка на «Смену») присудить:

Степану АЛЕКЯНУ, матросу Черноморского морского пароходства (г. Одесса), за снимок «Боцман»;

Владимиру БЕЛЫХ, инженеру, руководителю городского фотоклуба (г. Усть-Илимск), за снимок «Весенний хорвод»;

Александрю ГУЩИНУ, фотокорреспонденту «Строительной газеты» (г. Москва), за снимок «Урок литературы»;

Владимиру МАТЫСИКУ, бригадиру смены радицентра базы тралового флота Сахалинского объединения рыбной промышленности (г. Невельск Сахалинской области), за снимок «Морские львы»;

Владимиру НИЖЕГОРОДЦЕВУ, сотруднику газеты «За коммунизм» (г. Иркутск), за снимок «На пороге»;

Анатолию РЯБКО, сотруднику газеты «Комсомолец Кубани» (г. Краснодар), за фотоочерк «Новороссийская сталь»;

Всеволоду ССОРИНУ, инженеру-конструктору завода «Оргтехника» (г. Ярославль), за снимки «Слава солдата» и «Юный буденновец»;

Николаю ТРОХИМЧУКУ, фрезеровщику подшипникового завода (г. Винница), за снимок «Дороги юности»;

Владимиру УРВАНЦЕВУ, старшему технику (г. Челябинск), за снимки «Трудная задача» и «Абитуриенты»;

Борису ЧИГИШЕВУ, руководителю фотокружка Омского городского Дворца пионеров, за снимок «Перекупался».

«Смена» горячо поздравляет победителей конкурса, желает им дальнейших творческих удач и вместе с остальными читателями журнала приглашает к участию в фотоконкурсе 1978 года.

Конкурсные снимки должны ярко и образно рассказывать, как советская молодежь использует гарантированные Конституцией СССР права на труд, на отдых, на образование, на пользование достижениями культуры, как выполняет она свои обязанности перед государством. Направляемые на конкурс фотоработы должны раскрывать духовный мир нашего молодого современника, отображать интересные события, происходящие каждый день в различных уголках нашей великой страны. Словом, мы снова обращаемся к фотокорам: «Покажите, как бьется сегодня пульс Ленинского комсомола!»

В конкурсе могут участвовать фотолюбители и профессионалы, члены фотоклубов и фотообъединений. Принимаются как

отдельные фотоснимки, так и фотоочерки и репортажи, как черно-белые фотографии (размер отпечатков не менее 24×30 см), так и цветные (слайды). На обороте каждого снимка должны быть указаны фамилия, имя, отчество автора, его профессия, возраст, домашний адрес. Снимки следует сопроводить подробными подписями и прислать в редакцию не позднее 1 октября 1978 года.

По мере поступления лучшие снимки будут публиковаться в журнале. Итоги конкурса будут опубликованы в 24-м номере «Смены».

Для победителей устанавливаются премии:

первая премия — десятидневная поездка по стране;

вторая премия (три) — фотоаппарат;

третья премия (десять) — годовая подписка на журнал «Смена».

Специальную премию устанавливает Красногорский механический завод за лучший снимок, сделанный фотоаппаратурой, изготовленной на этом заводе. (На снимках, присылаемых в редакцию, необходимо указать точное название аппарата и объектива, заводской номер, срок эксплуатации и краткую характеристику их работы.)

Присланные на конкурс работы не возвращаются и не рецензируются.

Людмила
СТИШКОВСКАЯ.

Фото Игоря
КОНСТАНТИНОВА.

ПО СЛЕДАМ

Тихо. Ни дуновения ветерка. Медленно, словно нехотя, опускается на землю снег. Так и хочется, воткнув палки рядом с лыжами, подставить варежку... Словно вернувшись в детство, в пору первых открытий, стоишь и рассматриваешь каждую снежинку, стараешься запомнить неповторимый узор.

Проходит день за днем, событий — хоть отбавляй, и иногда кажется, что вряд ли чему уже удивишься. Но вот всего полчаса езды на обыкновенном автобусе — и полное впечатление, что заасфальтированная и потому вроде бы совсем не зимняя Москва осталась где-то очень далеко. «Чародейкою-зимой околдован лес стоит». А тебя околдовывает лес. Обычный подмосковный лес. Конечно, каждый кулик хвалит свое болото. Это известно. Однако, где бы мне ни приходилось бывать — в самых

разных местах нашей страны и в разное время года, но всегда, приехав в Подмоскowie, отмечаю: нет, пожалуй, красивей мест. Да и где еще увидишь такие сверкающие сугробы? Вокруг белая кипень. Деревья преобразились — объемнее, четче прорисовываются стволы берез и сосен, а про ели и говорить не приходится: на верхушках — невообразимые шапки, на ветвях развешаны гирлянды. А эту кто украсил красными шариками? Неужели прилетели снегири?

Сейчас не помню уж, где попалась мне сказка. В тайге в трескучий мороз сидел у костра охотник. Только ушел он в лес за валежником, как откуда ни возьмись — снегопад, и не стало костра, лишь с трудом пробивалась над ним тоненькая струйка дыма. Увидел это снегирь, подлетел и замахал крыльями над угасающим огнем. Много ли, мало ли прошло времени, но раздул он костер,

спас человека, у которого не было больше спичек... С тех пор у снегиря от отблесков огня перышки на груди красные.

Может, и не такие они смелые, эти снегири, как сказка рассказывает, но то, что морозов они не боятся, — факт. Сколько раз, бывало, остановишься где-нибудь на опушке и думаешь: посидеть бы сейчас у русской печки в избе, а снегири облепят дерево и прыгают себе. Под стать снегирию и близкая его родственница — миниатюрная чечетка. Эти птицы с пунцовыми «шапочками» на головах прилетают — к нам в гости, в среднюю полосу России, как и снегири, с севера. У нас чечетки зимуют, здесь для них — теплые края. Вот и напевают они свою простенькую песенку: «Ч-ч-ч, чт, чт, ч-ч-ч». Уцепившись острыми коготка-

ЛИСА УЛАВЛИВАЕТ МЫШИНЫЙ ПИСК ЗА ЧЕТВЕРТЬ КИЛОМЕТРА.

ми за тонкие ветви березы, чечетки покачиваются в воздухе, доставая из сережек крошечные семечки. А на снегу под деревом появляется бурый налет.

Зима щедра на снег. Разбрасывает она его огромными пригоршнями на поля, луга, леса и, словно шубою, покрывает землю. Не будь снега, плохо пришлось бы многим лесным обитателям: в нем они ищут спасения от хищников, в нем прячутся от холода. Лютуют морозы, а под белым покрывалом толщиной в полметра может быть в шесть раз теплее, чем снаружи.

Натаскав на своих колючках сухих листьев, спят под пнями, в ямках и норках ежи. В дуплах головой вниз висят оставшиеся зимовать у нас летучие мыши. С наступлением холодов засыпает чистюля барсук и любимый герой сказок, былей и небылиц, а в действительности совсем не увальень и далеко не добродушный зверь — бурый медведь.

Зимнюю спячку животных описывали еще Аристотель и Плиний. Явление это поистине удивительное. Во время сна у четвероногих сильно понижается температура тела, они становятся холодными и на ощупь, дышат редко, причем с

перерывами в несколько минут. Сердце тоже сокращается очень медленно.

Конечно, тем, кто спит, хорошо: ни забот, ни хлопот. А у остального зверья проблем хоть отбавляй. Но они с ними справляются. Чтобы не провалиться в снег, предусмотрительные зайцы, ласки и куницы «приобрели» снегоступы — лапы их стали густоопушенными. Великанам лосям подобное приобретение ни к чему, их выручают длинные ноги, правда, когда толщина снега достигает 70 сантиметров, они вынуждены менять место жительства.

Но проваливаются ноги или нет — ходить по снегу каждый день приходится: будь то вполне сносная погода или сильный мороз. И что интересно, самое, казалось бы, незащищенное место — кончики лап — почему-то у птиц и зверей не мерзнет. В чем дело? Секрет, как выяснилось, простой: температура их по сравнению с другими участками тела вообще достаточно низкая. С наступлением же зимы она совсем падает до нуля. Если бы этого не происходило, то теплые лапы погубили бы животных. Посидела бы птица на снегу, он подтаял бы, и, смотришь, примерзла бы бедняга.

Странствуют звери и птицы по лесу, и

на чистой снежной скатерти появляются причудливые узоры: следы их деятельности. Знатоки узнают по ним многое.

След мечется туда-сюда. На этих вырубках побывал горностаи — кровожадный и ненасытный хищник. Он обследовал все пни и выворотни. А тут, ломая сухие прутья, пробирались ночью кабаны. Достигнув цели — дубняка, — они разошлись и, чавкая и сопя, принялись за кормежку. В молодом лесочке — небольшие углубления с пологими боками. Это волчьи лежки. Они обледенели, видны клочки примерзшей шерсти. Ну, а здесь, без сомнения, глодал кору заяц.

День клонится к концу. Сугробы порозовели, позади деревьев — узкие серые тени. Недалеке, среди берез, виднеется поляна. Не ожидая никаких встреч — все просматривается, — вы продвигаетесь к ней, и вдруг снег на поляне «взрывается», и молниеносно, с шумом взмывают вверх большие черные птицы. Заподозрив неладное, покинули свои теплые «спальни» тетерева. В морозы, метели тетерева проводят в своих норах не только ночь, но и часть дня. А глухари остаются там даже трое-четыре суток. Если измерить толщину

потолка в «спальнях», она окажется не больше 20—25 сантиметров. Такое расстояние от поверхности лесные куры выбирают неспроста. Растения, их корни и сама почва дышат и зимой, а снег, уплотненный в глубине, затрудняет выход углекислого газа вверх. Видимо, «зная» это, птицы и устраивают свои «спальни» неглубоко.

Полевки решают проблему с кислородом по-своему. В местах, заселенных этими зверьками, после нескольких солнечных дней можно обнаружить на снегу отверстия, окаймленные валиками из крупных кристаллов инея, — отдушины. Они идут вертикально вниз и действуют по принципу вытяжных труб, ведь температура на улице ниже, чем в приземном слое снега. Свои вентиляционные ходы полевки содержат образцово, постоянно следят за ними: прочищают их и удлиняют. Иногда, закончив работу, зверек выберется подышать свежим воздухом, а его, оказывается, уже поджидают. Желтоглазая болотная сова сидит обычно почти рядом с отдушиной. Что происходит дальше — догадаться не трудно, да и следы бесшумного охотника свидетельствуют о происшедшей трагедии: на них капли крови.

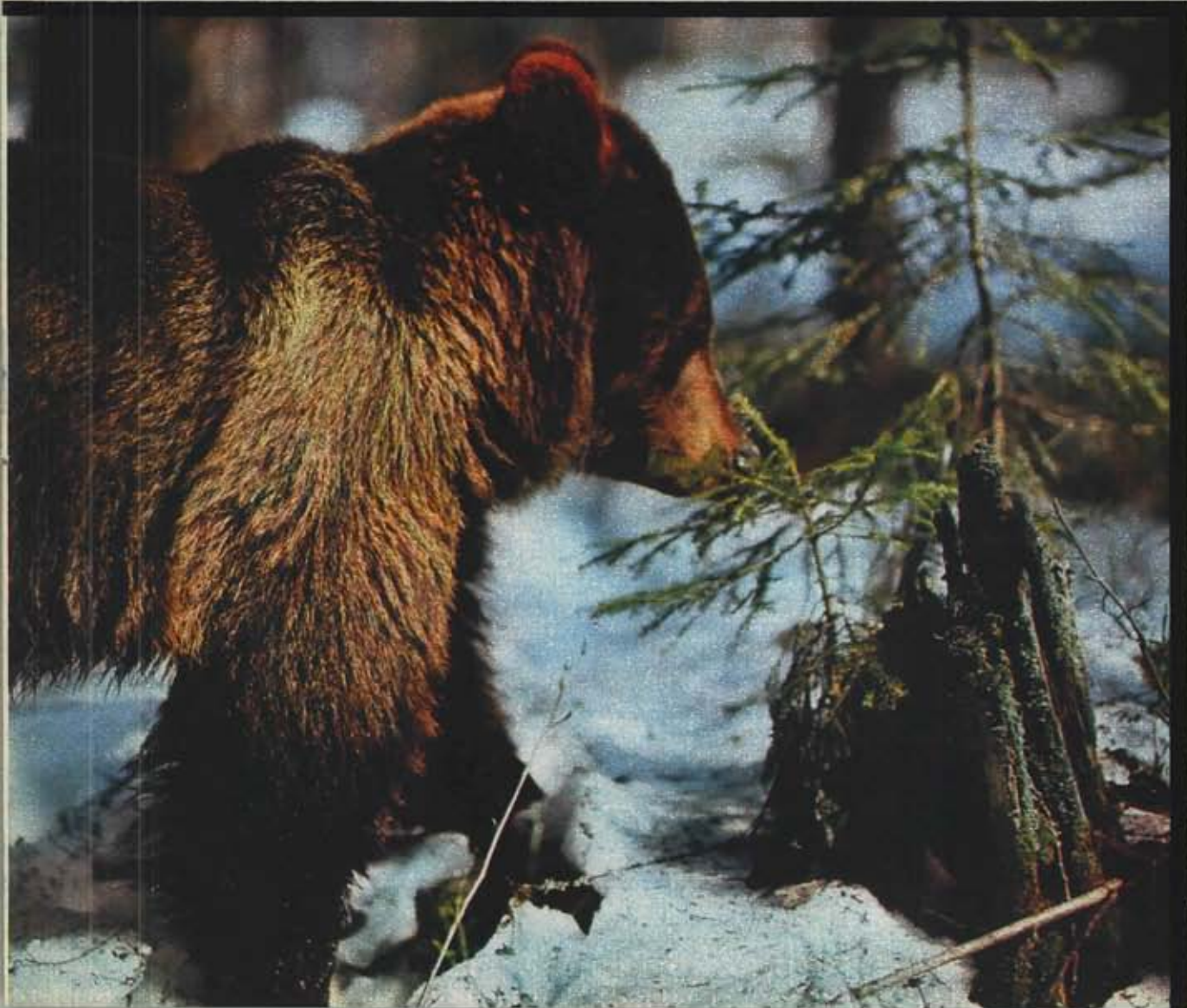
Полевками интересуются не только

Снегири в среднюю полосу России прилетают с севера.

В ПОИСКАХ ДОБЫЧИ...

ЗИМОЙ ОСНОВНАЯ ПИЩА ЗАЙЦА — КОРА ДЕРЕВЬЕВ.

совы. Похожий на собачий, широкий и расплывчатый лисий след идет ровно, словно по протянутой нитке, чуть влево от нее, чуть вправо. Задние лапы точно попадают в следы передних, значит, рыжая красавица бежала мелкой рысцой. Вот она остановилась, раскопала снег, ничего не нашла и отправилась дальше.

Километрами могут тянуться лисьи следы, или «нарыски». Лисе трудно передвигаться по рыхлому снегу, поэтому она обходит поляны, пробираясь по густым ельникам. Если ей попадется дорога, лыжня либо тропинка, протоптанная другим зверем, она обязательно воспользуется ими.

Спешит, спешит лиса, ветер развеивает ее пушистый огненный хвост. Голод,

ОПАСЕН МЕДВЕДЬ, ВЫШЕДШИЙ ИЗ БЕРЛОГИ.

"Останься нав

как известно, не тетка. Где же мышиный «город»? Кажется, нашла. Лиса усаживается поудобнее. Она способна уловить писк, раздавшийся от нее даже в 250 метрах. Но на сей раз он звучит ближе. Патрикеевна прыгает, быстро, быстро копает снег передними лапами, и опять мышиный «город» не досчитается одного своего обитателя. И снова тянется ниткой лисий след...

Сойке накормить себя проще. Вот возле старого дерева доказательство ее пребывания здесь: на снегу отпечатки кривоватых лап с плотно сжатыми пальцами да след, оставленный голубыми крыльями при взлете. Что привело сюда сойку? Все ясно. Тут она спрятала осенью желуди и теперь явилась за ними. Сойка — запасливая птица, она устраивает более двух с половиной тысяч «кладовых».

Пока сойки заготавливают впрок желуди, их северные сестры — кедровки — заняты аналогичной работой. На одном гектаре тайги и горной тундры Северного Урала эти птицы могут спрятать больше 30 тысяч кедровых орешков. Когда они понадобятся, птицы с лета садятся в месте, где находится «клад», и начинают раскопку снега. Бывает, что им приходится проделывать шахту длиной в полметра, но работа никогда не оказывается зряшной.

Что бобры — искусные строители, известно всем, но не меньше способности они проявляют и как «хозяйственники». Бобры искусно прячут свои запасы — ветви деревьев, переплетенные хворостом, — под водой. А хорьки и куницы не боятся приберечь на черный день довольно скоропортящийся продукт — птичьи яйца. Белки же одних только грибов высушивают иногда по полторы тысячи.

Птицы и грызуны откладывают про запас самые лучшие орехи, желуди и семена трав. Обнаружив это, люди истари были не прочь воспользоваться зернами из «амбаров» хомячков, кедровыми орешками, собранными бурундуками, орехами лещины, спрятанными лесными и желтогорлыми мышами. Еще в прошлом веке в Воронежской губернии существовал специальный промысел: выкапывание из нор «мышинных орехов». Поскольку качество их не вызвало сомнения, фунт этих орехов стоил на три копейки дороже.

Жители далекой Камчатки — ительмены — тоже с давних пор, когда наступал сезон, отправлялись на поиск «кладовых» полевков-экономок. В «кладовых» этих зверьков можно было найти орешки кедрового стланика и съедобные корни.

Однако, найдя «кладовые», ительмены не пользовались правом сильного, они бережно относились к полезным для них зверькам.

Близкий друг и сподвижник М. В. Ломоносова академик Степан Петрович Крашенинников отмечал:

«Камчадалы никогда всего запаса у них не вынимают, но оставляют по нескольку и сверх того кладут им в нору сухую икру в знак пощения о их целостности». Наиздательный пример!

Человек, входящий зимой в лес, заранее внутренне настроен на то, что жизнь в лесу замерла. И именно поэтому птица, встреченная летом, не произвела бы на него никакого впечатления, но теперь она воспринимается как чудо, с восторгом. А что говорит о реакции на совсем не зимних обитателей? Даже ненавистные комары вызывают чувство удивления. Помню, как все в том же подмосковном лесу впервые увидела их летающими над сугробами рядом с ажурными кустами. И хоть солнце хорошо пригревало, трудно было поверить своим глазам: летали как ни в чем не бывало, правда, на людей внимания не обращали. Да и зачем они им были? Ведь комары из своих зимних квартир под корнями просто выбрались погреться.

На снегу в теплые зимние дни можно встретить и похожих на мелких паучков бескрылых комариков — хионей и самих пауков. Однажды во время одной из

прогулок я вдруг обнаружила на снегу много бархатисто-черных «гусениц». Это были личинки знакомого многим «солдатика» — черного жука с красной грудкой и брюшком. В такое неурочное время на свет божий их заставила появиться беда: снег внизу подтаял, и в их зимних убежищах стало слишком сыро.

Сумасбродству зимы нет предела. Хорошее настроение у нее — пожалуйста, оттепель; разозлится — круто покажет свою власть: то вьюгу устроит, то примется безостановочно сыпать снег. И чем больше его выпадет, тем больше становится в снежной толще птичьих и звериных ходов, ведущих к запасам, к кормовым «угодиям». Сети галерей начинают располагаться ярусами, которые соединяются между собой в различных направлениях. На что уж крот — подземный обитатель, но и он прорывает снежные галереи. Отличить их от других нетрудно. Дно испачкано землей, которая была на лапках крота, а стены — обледеневшие. Галереи нужны четвероногому землекопу, чтобы пробираться от одного охотничьего участка к другому: ведь и зимой он выискивает земляных червей, насекомых, живущих в почве. Но если кто-то насооружал в снегу ходов, это не значит, что он их полновластный хозяин. Ими могут пользоваться самые разные звери. По галереям полевков передвигаются и землеройки, и ласки, и горностаи, и те же кроты.

Вообще зимой очень часто получается, что лесные обитатели, сами того не подозревая, помогают друг другу. Дятлы целыми днями расправляются с шишками, закрепив их в «кузнице» — специальном желобке, который лесной санитар выдалбливает часто в верхушке сухого дерева. А возле кузницы снуют синицы: может, перепадет семечко. Примется дятел за кору, они опять рядом — вдруг в упавшем кусочке личинка или жук?

Не надо обладать особой наблюдательностью, чтобы заметить, что в зимние дни с куста на куст, с дерева на дерево перелетают стайки, в которых мирно уживаются гаички, лазоревки, поползны, пищухи. В стае прожить легче, найдет одна пичуга корм — созовет остальных, увидит врага — заранее предупредит: многие крики тревоги являются своеобразным эсперанто, они понятны разным видам. А когда наступает долгая ночь, птицы собираются в кучку: так теплее. Разумеется, сидящие по краям оказываются в худшем положении, и поэтому кучка все время шевелится, одни пробираются в середину отогреться, другие занимают их места.

Зима — нелегкая пора. Выживают самые смелые, самые умелые, самые приспособленные. Но среди всех птиц и зверей средней полосы России, как бы они нас ни удивляли «хозяйственностью», сметливостью, мужеством, пальму первенства все-таки надо отдать клестам. Посмотришь на них, вроде ничего выдающегося. Красивы, конечно. Ярко-красные и желтые на ослепительно-белом фоне. Но найдутся и другие птицы, внешне не хуже. Чем же в таком случае они знамениты? А тем, что даже в трескучие морозы могут выводить птенцов.

«Учитывая» температурные обстоятельства, клесты сооружают гнездо плотное, внутри устилают его пухом, перьями, шерстинками. Главе семейства приходится трудновато. Он вынужден кормить клестиху, и когда она насыживает яйца и когда выведутся птенцы. Гнездо ведь ей покинуть никак нельзя. На клестихе лежат две обязанности: она и обогревает своих детей и, получив корм, расовывает его в голодные рты. Но вот клесту уже не под силу обеспечивать всех едой: птенцы подросли, аппетит — позавидуешь. И тогда на помощь ему приходит клестиха. Теперь вдвоем шелушат они еловые семечки для прожорливых отпрысков.

Увидишь гнездо клеста с птенцами, и словно нет вокруг снега, не щиплет мороз щеки. Кажется, что в разгаре лето.

Цыганская венгерка

*Две гитары, зазвенев,
Жалобно заыгли...
С детства памятный напев,
Старый друг мой, ты ли?*

*Квинты резко дребезжат,
Сыплют дробью звуки...
Звуки ноют и визжат,
Словно стоны муки.*

*Перебор... и квинта вновь
Поет — завывает,
Приливает к сердцу кровь,
Голова пылает.*

*Замолчи, не завывая,
Лопни, квинта злая!
Ты про них не помнишь...
Без тебя их знаю!*

*В них хоть раз бы поглядеть
Прямо, ясно, смело...
А потом и умереть —
Плевое уж дело.*

*Что же новень, ты мое
Ретиво сердечко?
Я увидел у нее
На руке колечко!..*

*Вновь унылый перебор,
Звуки плачут снова...
Для чего немой укор?
Вымолви хоть слово!*

*Неужель я виноват
Тем, что из-за взгляда
Твоего я был бы рад
Вынести муки ада?*

*Что тебя сгубил бы я
И себя с тобою...
Лишь бы ты была моя
Навсегда со мною.*

*О, говори хоть ты со мной
Подруга семиструнная!
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная!*

детства памятный напев...» — в том, что напев этот памятен каждому из нас, можно не сомневаться: давным-давно обошел он полсвета. Проиграйте первую музыкальную фразу, а если нет под рукой музыкального инструмента или не умеете играть, процитируйте первую строчку, — слова подхватят, продолжат. Мелодия и стихи неотделимы и равнозначны в своей популярности.

Но многие ли знают о том, что это не безымянная народная песня, каковой она считается? Многие ли знают, что «Цыганская венгерка», написанная Аполлоном Григорьевым в 1857 году, не просто «абстрактная» лирика, а поэтическая исповедь с точным автобиографическим адресом, свидетельство глубокой драмы, пережитой поэтом, — «лирический памятник любви»?

В середине прошлого века в Москве надзирателем мужского отделения в Воспитательном доме, что на Москворецкой набережной, служил коллежский ассessor Яков Иванович Визард. Отец его переехал в Россию вместе с семьей из Лозанны еще при Екатерине II. Яков Визард прошел курс математических наук в одном из швейцарских университетов, но в России стал преподавателем французского языка, что оказалось более доходным занятием. Вместе с двумя сыновьями и двумя дочерьми жил он в казенной квартире, находившейся в главном корпусе Воспитательного дома. Приветливый и гостеприимный старик имел обыкновение в большую перемену приглашать в свою квартиру молодых учителей, чтобы поговорить в их обществе, выкурить трубку. В один из августовских дней 1850 года в квартире Визардов появился впервые двадцативосьмилетний учитель законоведения, поэт и литературный критик Аполлон Александрович Григорьев, месяца за три до этого принятый на службу в Воспитательный дом.

«Из всей массы заходивших учителей, — писала в воспоминаниях дочь Я. И. Визарда Евгения, — один только Григорьев «пришелся нам ко двору»... стал настоящим знакомым... был очень приятным собеседником: умный, подвижной, живой, обладал большим запасом разнообразных знаний. Была у него довольно большая библиотека. Под предлогом снабжать нас с сестрой Леонидой книгами стал

СЕТЬДА ТОЙ ЧИСТОЮ ЗВЕЗДОЮ!

очень часто заходить...» «Под предлогом...» — сказано очень точно: частые посещения квартиры Визардов объяснились тем, что Аполлон Григорьев был влюблен в старшую из дочерей своего коллеги — Леониду. Ей тогда не исполнилось еще и шестнадцать лет.

«Старшая сестра Леонида, — узнаем мы из тех же воспоминаний, — была замечательно изящна, хорошенкая, очень умна, талантлива, превосходная музыкантша... Прекрасные, густейшие, даже с синеватым отливом, как у цыганки, волосы и голубые большие прекрасные глаза...»

«С голубыми ты глазами, моя душечка!» — прозвучит семь лет спустя в «Цыганской венгерке»...

Как можно понять из весьма скудных, к сожалению, мемуарных свидетельств, супруги Визард имели в Москве два дома: отец со старшими детьми жил в казенной квартире, а мать — Евгения Визард — содержала небольшую пансион в каком-то частном домике на окраине города: видимо, одного преподавательского жалования такому большому семейству не хватало. В этом-то домике вечерами и собиралась дружная и веселая молодежная компания — братья и сестры Визард и их друзья.

...Отправившись по следам стихотворения, мы углубились в историю его создания, и оказалось, что больше кого бы то ни было может рассказать об этом Иван Михайлович Сеченов, великий русский естествоиспытатель, основатель отечественной физиологической школы, автор книги «Рефлексы головного мозга», открывшей новую эру в развитии психологии. Будучи студентом медицинского факультета Московского университета, он подружился с сыновьями Я. И. Визарда и стал частым и желанным гостем в их доме. С благодарностью и сердечной теплотой всю долгую жизнь вспоминал он об этих людях. «С этой семьей, — прочтем мы в его «Автобиографических записках», — я прожил в величайшей дружбе все 6 лет моего пребывания в Москве и обязан ей очень многим. В их доме довершилось, можно сказать, мое воспитание...»

Своей большой приятельницей называет он Леониду Визард, «живую красивую девушку с черными как смоль волосами и голубыми глазами». С его слов узнаем мы о том, что она в восемнадцать лет выдержала экзамен на звание учительницы и год служила «подругой-французенкой» (были, оказывается, тогда и такие должности!) в каком-то богатом московском семействе. Узнаем о том, что «вся молодежь, ходившая в этот дом, чувствовала, конечно, некоторую слабость к этой милой девушке», в том числе и Сеченов, мужественно скрывавший подобную «слабость». Лишь на склоне лет, в мемуарах признался он: «С памятью о ее милом девичьем облике связаны все мои воспоминания о хороших минутах студенчества».

Аполлон Григорьев попытался создать у Визардов домашний театр, выступил в качестве режиссера и в качестве актера. В просторной зале пансиона он поставил «Горе от ума», исполнив сразу две роли — Фамусова и Загорецкого. Сеченов играл Скалозуба, Леонида — Лизу. Принялся он и за другой спектакль — лермонтовский «Маскарад», взяв себе роль Арбенниина. Роль Нины, конечно, была предназначена Леониде Визард. Но этот спектакль не суждено было им сыграть.

В 1854 году Я. И. Визард умер, и заботы главы семьи легли на плечи его старшего сына, который вскоре подыскал сестре Леониде место воспитательницы в Казани. Все было улажено быстро, и сразу после масленицы в 1855 году девятнадцатилетняя девушка должна была уехать в далекий город, к незнакомым людям и начинать самостоятельную жизнь в полном одиночестве. В доме Визардов воцарилось уныние: загрустила молоденькая учительница, загрустили и все очарованные ею друзья.

Невольным виновником неожиданной развязки стал Сеченов... Еще задолго до этих дней он привел в дом Визардов своего товарища и сверстника Михаила Владыкина. Богатый пензенский помещик, Владыкин сыл страстным театралом; чтобы читать в подлинниках Шекспира, он выучил английский язык. По словам Сеченова, «начитавшись Гоголя и Островского, соорудил собственную комедию из купеческого мира и вышел в отставку с мыслью посвятить себя сценическому искусству». Комедия эта называлась «Купец-лабазник, или Выгодная женитьба» и была, видимо, настолько удачной, что ее поставили на сцене Малого театра в Москве. Поздним зимним вечером Иван Сеченов и Михаил Владыкин возвращались пешком из дома Визардов, где узнали о скором отъезде Леониды

Яковлевны в Казань... «Я распространился о печальной судьбе, ожидавшей бедную девочку, — вспомнил Сеченов, — и в качестве близкого товарища детства прямо сказал, что он один может спасти ее от этой участи, женившись на ней».

Владыкина не надо было уговаривать: и он был тайно влюблен в Леониду Визард. Слова друга лишь помогли ему побороть робость, и в последний день масленицы, на вечер в доме Визардов, в разгар танцев, он сделал ей предложение. «Я видел собственными глазами, — продолжал Сеченов, — как после окончания кадрили Владыкин стоял за стулом Леониды Яковлевны, как она вспыхнула с намернувшимися на глазах слезами, поспешно вышла из комнаты и вернулась через минуту раскрасневшаяся и сияющая». Судьба ее была решена... Судьба Аполлона Григорьева — тоже.

Много лет спустя после смерти Аполлона Григорьева Афанасий Фет, один из самых близких его друзей, напечатал рассказ «Кактус», посвященный ему в пору окончательного крушения надежды соединить жизнь с Леонидой Визард — пору создания «Цыганской венгерки». Григорьев — самозабвенно увлеченный гитарист и «цыганист» (как называли тогда страстных поклонников и ценителей цыганской песни и цыганской пляски). В юности он обучался игре на фортепиано у известного музыканта и педагога и хорошо играл на этом инструменте, но все забыл, все бросил ради «подруги семиструнной», с которой почти не расставался и на которой играл с истинным мастерством. «Певал он целыми вечерами, — писал Фет. — Он доставлял искренностью и мастерством своего пения действительное наслаждение. Он собственно не пел, а как бы пунктиром обозначал музыкальный контур песни... Перепугар его был разнообразен, но любимой его песней была «венгерка», в которой «прорывался тоскливый разгул погибшего счастья».

Он дружил с Иваном Васильевичем Васильевым — дирижером знаменитого цыганского хора, музыкантом и композитором, жившим в ту пору в Грузинах, старинном районе Москвы возле Красной Пресни; там после пожара 1812 года на пустырях, примыкавших к Грузинской слободе, поселились цыгане, певшие и плясавшие в загородных ресторанах. Иван Васильев и дал музыкальные крылья стихам Григорьева. Возможно, что и написаны эти стихи были в многолюдном, шумном и гостеприимном доме, где обитал Васильевский хор... «В пятидесятых годах явился Иван Васильев, — сообщает историк-бытописатель М. И. Пыляев, автор известных книг «Старая Москва» и «Старый Петербург», — это был большой знаток своего дела, хороший музыкант и прекрасный человек, пользовавшийся дружбой многих московских литераторов, как, например, А. Н. Островский, Ал. А. Григорьев и др. У него за беседой последний написал свое стихотворение, положенное впоследствии на музыку Ив. Васильевым». Цыганские хоры Москвы и Петербурга подхватили эту песню, и пошла она гулять по белу свету без имени поэта, без имени музыканта-композитора, теряя слова и строфы поэтического подлинника, обрстая новыми словами и новыми строфами (увы, далеко не всегда поэтичными), и стала народной цыганской и народной русской песней.

Закат поэта был печален... Полубродячее-полубездомное существование уносило последние силы некогда богатерской природы и затягивало поэта все глубже в трясину безнадежно неоплаченных долгов. Летом 1864 года — в эту пору он жил в Петербурге — Григорьев оказался в долговой тюрьме. Это был последний арест за не выплаченные к сроку займы. Смерть подкараулила его на четвертый день после освобождения из тюрьмы.

Но на пороге смерти, 26 июля 1864 года, сидя в камере долговой тюрьмы, Григорьев написал стихотворение, которому суждено было стать последним в его поэтическом наследии.

*И все же ты, далекий призрак мой,
В твоей бывалой, девственной святине
Перед очами дуга встал немой,
Карающий и гневно-скорбный ныне,
Когда я труд заветный кончил свой.
Ты молнией сверкнул в глухой пустине
Большой души... Ты чистою струей
Протек внезапно по сердечной тине...*

Стихи, посвященные Леониде Визард... Стихи о том, что суждено было ему пережить. Около восьми лет минуло с тех пор, как была потеряна всякая, даже призрачная надежда на счастье, когда он

«увидел у нее на руке колечко», и все эти годы пронизаны были обликом этой девушки — «ребенка чистого и прекрасного», тоской безответной любви к ней.

И никто, наверное, при этом понятии не имел о том, какая личная драма застыла вечным отзвуком в этих напевных строчках, какая тоска искала выхода в них... «Глубокая, непроходившая, неотвратимая тоска по единственной чистой женщине, — признался поэт в исповеди, — которую поздно, к сожалению, встретил я в жизни... страсть семилетняя, загоревшаяся, с которой слилась память о лучшей, о самой светлой и самой благородной поре жизни и деятельности...»

Самоцветным камнем русской лирики назвал «Цыганскую венгерку» один из дореволюционных исследователей творчества и жизненного пути Аполлона Григорьева... Да, можно сказать, что всеми цветами радуги переливается не только «Цыганская венгерка», но и все другие стихи, посвященные Леониде Визард. Они светятся всеми эмоциональными оттенками — тонами и полутонами глубокой, всепоглощающей, но безответной любви.

Кто знает?... Быть может, жизнь Аполлона Григорьева сложилась бы по-иному, если бы его любовь к Леониде Визард имела иную развязку. «Она же была единственное, что могло меня поднять», — сказал он в одном из писем вскоре после того, как эта девушка вышла замуж. К чести поэта надо сказать, что отвергнутая любовь не переросла, не выродилась в душе его — душе человека, прямо скажем, далеко не ангельского характера — в неприязнь, в антипатию.

*Останься навсегда той чистою звездой,
Которой луч мне прах душевный осветил...*

С этой любовью он и сошел в безвременную могилу. И письма последних лет, пронизанные образом Леониды Визард, как и стихи, созданные в те же годы, свидетельствуют об этой страсти:

«Мне все в ней было мило, от ее глубины и простоты до ее апатичности и холодности... Я ведь не говорю, что она совершенство, а говорю только, что она была создана совсем по мне, равно как и я создан был совсем по ней... Только одна женщина в мире была совсем по мне... Одну ее только я бы не мог ревновать ни к кому и ни к чему... Зовите меня сумасшедшим... но я и умирая не поверю, чтобы эта женщина была не то, чем моя душа ее знала...»

Как сложилась дальнейшая жизнь Леониды Визард? Беззаботная жизнь богатой барыни, видимо, не могла удовлетворить Леониду Яковлевну, и она решает стать врачом. Училась на медицинском факультете в Берне, защитила диссертацию, стала одной из первых в России женщин — докторов медицины. Занималась врачебной практикой в Москве. Овдовела, когда ей было немногим более пятидесяти.

«С Леонидой Яковлевной я встретился уже стариком, — писал Сеченов в «Автобиографических записках». — Встретились мы, конечно, дружески, но судьба не дала продолжиться долго этому новому знакомству — ее съела болезнь; она знала, что болезнь смертельная, и умерла героически».

Она умерла в Москве в 1893 году на 58-м году жизни, на семь лет пережив мужа и — почти на целых три десятилетия — горемычного русского поэта, который обессмертил ее имя.

В дневниках Александра Блока под датой 13 августа 1914 года стоит одна строка:

«Ап. Григорьев — начало мыслей».

Записью этой Блок отметил начало большой работы, завершенной лишь два года спустя, — издания стихотворений Аполлона Григорьева. По крупницам пришлось собирать ему стихи и поэтические переводы Григорьева, рассеянные по страницам журналов и газет сороковых — шестидесятых годов. Он высоко ценил автора «Цыганской венгерки» и высказал свое отношение к нему в обширной вступительной статье «Судьба Аполлона Григорьева»... И в судьбе нескольких его стихов, прежде всего «Цыганской венгерки», великий поэт увидел пример истинного бессмертия, которое может обрести поэтическое слово и человек, произнесший его.

«...Григорьев, — писал Блок, — оставил такое прекрасное стихотворение, как «Вечер душен, ветер воеет»... и такие единственные в своем роде перлы русской лирики, как «О говори хоть ты со мной, подруга семиструнная» и «Две гитары»... Все эти три стихотворения приближаются уже, каким-то образом, к народному творчеству...»

Однажды на встрече с любителями художественной гимнастики, которая состоялась на Киевской студии телевидения, меня спросили: какой день в своей спортивной жизни я считаю самым памятным?

Ничего особенного в этом вопросе не было. Если не считать того, что спрашивала девочка лет десяти-одиннадцати. Но, может быть, именно это обстоятельство и не позволило мне ответить сразу, легко и быстро, так, как я отвечала на другие вопросы...

Конечно, у меня такой день был. Он был у многих спортсменов: это день абсолютной победы на крупнейших соревнованиях. Радостные, прекрасные мгновения, подводющие итог годам неимоверного труда. Верхняя ступень пьедестала почета. Поздравления болельщиков, объятия близких. Разве все перечислишь?

Почему же я тогда не смогла сразу ответить той девочке? Может, потому, что не хотела показаться нескромной. Может быть, подсознательно боялась разбудить в юной гимнастке тщеславие. Или у меня еще не было уверенности, что моя победа на этом чемпионате твердая. Ведь я тогда оказалась впереди известной «художницы» Галимы Шугуровой. И мне думалось: не случайность ли это? А если так, то можно ли тот день возводить в ранг самого памятного?

Я понимаю, что мои рассуждения очень личные, субъективные, но если быть до конца откровенной, то чувство некоторой неуверенности в своей победе на состязаниях, где выступает Галима Шугурова, у меня сохранилось и по сей день...

Галима Шугурова... Когда я впервые увидела ее на чемпионате Союза, мне было лет тринадцать. Она тогда стала абсолютной чемпионкой страны, а я заняла 22-е место. Не знаю, по этой ли причине или потому, что Галима — независимо от занятого места — всегда остается замечательной гимнасткой и человеком, я прямо-таки влюбилась в нее! Она стала моим кумиром, мне хотелось быть столь же артистичной, так же темпераментно исполнять упражнения с мячом, обручем, лентой. Особенно — с лентой. Никогда не забуду ее произвольной комбинации. Ее «Кармен» под музыку Бизе — взлет фантазии, вдохновения, перевоплощения. И, конечно же, высокого спортивного мастерства!

И вот такую «художницу» я победила. Мне бы радоваться да радоваться, а я... Я не могла сразу привыкнуть к тому, что произошло. Правда, еще тогда, в 1971 году, когда на первенстве страны я оказалась где-то за двадцатым местом, мне чуть ли не в глаза говорили: «Девочка ничего. И фигурка есть... В общем, все еще у нее впереди». Потом, спустя два года, на таких же состязаниях я заняла уже третье место, и корифеи заговорили обо мне, как о многообещающей многоборке. Еще успешнее мне удалось выступить на следующий год. Тогда я отстала от Галимы всего лишь на три десятых балла! А булавы и обруч выиграла. То есть психологически я уже давно была подготовлена к тому, чтобы сражаться с ней на равных.

В тот период я особенно остро почувствовала, что значит тренер в моей жизни. Видя мое состояние, Альбина Николаевна стала убеждать меня, что я имею право бороться и побеждать. Что любые соревнования — это всегда борьба. А в борьбе должен быть и победитель. А раз так, говорила она, то к победе нужно стремиться. Стремиться всеми силами, всем своим существом!

Разумеется, это меня постепенно успокаивало, убеждало в необходимости искать победы, но где? Там, где рядом со мной соревнуется Галима? Нет, это невозможно. Так я думала. Однако, когда и отец, в прошлом олимпийский чемпион, пятиборец, поддержал трене-

Ирина ДЕРЮГИНА,
абсолютная чемпионка мира
по художественной
гимнастике

...и тогда я победила

ра, мне пришлось, как говорится, взять себя в руки. В общем, на следующем состязании я старалась вести себя так, как советовала тренер:

— Ты не думай, что тебе нужно победить Галиму. Выступай спокойно, будто перед тобой не грозная соперница, а равная тебе. Выполняй упражнения так, чтобы тебе самой они нравились, доставляли удовольствие. А зрители тебе помогут...

И тогда я победила. На втором месте была Галима Шугурова, а на третьем — Наташа Крашенинникова, тоже замечательная наша гимнастка...

С тех пор улетело много воды. Я стала чемпионкой мира. Трижды мне удавалось быть чемпионкой состязаний «художниц» на приз Интервидения, трижды занимать первые места на чемпионате

СССР. Было немало и других побед в различных международных турнирах, но та, первая победа, победа над прославленной гимнасткой наших дней, конечно же, для меня наиболее памятна.

И вот Базель. Чемпионат мира. Казалось бы, к этому времени ощущение неуверенности должно было исчезнуть, но не исчезло — рядом опять же была Галима. И хотя меня заставили поволноваться и болгарка Кристина Гюрова, занявшая общее третье место, и гимнастка из ФРГ, абсолютная чемпионка мира 1975 года Кармен Ришер, выступавшая смело, темпераментно, ярко, особенно в упражнениях с лентой, и другие «художницы», но все же самой грозной моей соперницей оставалась Галима. Теперь я понимаю, что присутствие ее помогло мне «выжать» из себя

все, заставляло меня жестко, тщательно следить за каждым движением, жестом. Впрочем, так это бывает всегда, когда приходится бороться с сильным и равным тебе противником. Но в этом случае и сама борьба становится интереснее, насыщеннее, острее.

Теперь по порядку. К чемпионату мира в Базеле я готовилась очень тщательно. Пересмотрела все свои упражнения, многое в них усложнила, ввела новые элементы, изменила музыку. И, конечно же, добивалась предельной четкости исполнения. Перед отъездом в Швейцарию, на сборах в Новогорске, мы вместе с тренером внимательно все еще раз просмотрели; составили тактику борьбы и, в общем, остались довольны. Все остальное должно было решиться на чемпионате.

И он настал. Самый представительный из всех, ведь в этом чемпионате участвовали «художницы» 29 стран. А для меня это был мой первый чемпионат мира. Но первый же день принес огорчение: Галима оказалась впереди меня на одну десятую балла. Можно, конечно, пенять на ситуацию, которая сложилась в начале состязаний: мне по жребию досталось выступать в первую смену, а Галиме — во вторую; можно сказать, что виновато волнение — как-никак, а быть дебютантом на таких состязаниях не просто; можно «обидеться» на зрителей — они в общем-то довольно вяло среагировали на мое выступление со скакалкой, хотя и справедливо: я получила лишь 9,5 балла. И даже упражнения с мячом, за которые судьи поставили мне 9,85 балла — не привлекли их внимания. Можно сказать, что действовало и то, что на трибунах не было наших туристов. Словом, утешать себя можно было без конца. Но факт остался фактом — первый день окончился победой Галимы.

Второй день начался с удачи: за упражнение с лентой Галима получила оценку 9,7, а я — 9,85! Меня выручила моя «испанка»! И вот результат: перед последним видом состязаний я на пять сотых балла впереди! Все решал обруч. Как сложится борьба? Ведь Галима в этом виде очень сильна!

Шугурова исполняет комбинацию отлично. Как всегда смело и уверенно делает свою «вертушку» — напрыгивает на обруч и закручивает его ступнями ног в тот момент, когда он катится, повторяет ее в конце комбинации и получает оценку 9,6 балла. Судьи в этот день были чрезмерно строги.

Наступает моя очередь. Собираюсь внутренне. Чувствую, зал напряжен до предела. Тишина необыкновенная. Она стояла на протяжении всего моего выступления. И вот — конец. Судьи выставляют все те же 9,6 балла. А это значит, что чемпионка мира, абсолютная чемпионка мира — я! Зал грохочет аплодисментами, меня поздравляют, обнимают, а я чувствую себя совершенно опустошенной. Вероятно, это сказало на следующий день, когда разыгрывался чемпионат по отдельным видам. Там я смогла «взять» только ленту. Остальное «золото» досталось Галиме.

И к этой самой большой моей победе, как и ко всем другим, меня привела тренер.

Порой приходится слышать разговоры о том, что талантливой спортсменке не очень-то нужно тренерское наставничество. Талант, мол, сам себя проявит. Мне лично это кажется неверным, хотя отношения с тренером у меня особые. Ведь мой спортивный воспитатель — моя мама. Конечно, она отдает мне много времени, но не больше, чем остальным своим ученикам. Во всяком случае, во время тренировок. Преимущество, конечно же, в том, что и в остальное время мы много и часто говорим о художественной гимнастике, о том, что еще нужно сделать, чтобы мои комбинации были сложнее, интереснее, ярче. Но ведь это же естественно, разве могут два спортсмена, увлеченные одним видом спорта, о нем не говорить, когда для этого представляется хоть малейшая возможность? Так что мне просто повезло. Ведь что такое тренер? Это прежде всего друг. Мудрый, верный, опытный. Человек, который твои достоинства и недостатки знает нередко лучше, чем ты сама. Знает, как поддержать тебя в трудные моменты спортивной борьбы, и порой одним словом, а то и просто взглядом или прикосновением руки умеет вдохнуть в тебя силу, волю, уверенность. О том, что такое тренер сегодня, я знаю не только по себе, не только от своих подруг по сборной страны. Это я знаю и потому, как малышки, которых я тренирую, помогая маме, воспринимают мои советы. Это я чувствую, когда ко мне обращаются за помощью мои подруги — Оля Плохова, Лали Долидзе, Оля Щеголева, Света Вальяникова. И, разу-

меется, всеми силами стараюсь помочь им в трудную минуту. Впрочем, мне тоже приходится обращаться к ним за советом, и они также не отказывают мне в помощи. Это естественно, мы одна команда, и у нас общие интересы.

До четырнадцати лет моя жизнь в спорте была какой-то двойственной. В спортивный зал я пришла, когда мне не было еще и трех лет. За ручку с мамой, тренером детской спортивной школы. Пришла потому, что дома со мной некому было сидеть. Пришла и стала «обезьянничать», перенимать у девочек постарше все то, что они делали под руководством мамы. Постепенно у меня стало что-то получаться. Я даже копировала упражнения некоторых известных спортсменов. Однако в пять лет мама отвела меня в балетную школу, где сразу каждое занятие стало для меня настоящим праздником! В результате получилось так: зимой я занималась в хореографическом училище, а летом догоняла своих «коллег» по художественной гимнастике. Все это продолжалось до седьмого класса, когда я, наконец, поняла, что пришла пора сделать выбор. К этому времени мне стало ясно: Павловой мне не быть. И я убедилась в этом маму.

Я часто думаю о том, что сегодня надо девушке, чтобы добиться успеха в художественной гимнастике? Спрашиваю мнение других.

Одни полагают, что для этого необходимо обладать какими-то особыми физическими качествами — сверхгибкостью, сверхрастянутостью, сверхпластичностью и так далее. Другие считают, что без яркого темперамента, высокой эмоциональности в гимнастике делать нечего. Третьим кажется, что необходимо владеть «предметами» — обручем, лентой, скакалкой, булавами — так, как не владеют и в цирке... И в общем-то, не согласиться с ними нельзя. Необходима и гибкость, и растянутость, и владение предметами, и темперамент. И чем эти, так сказать, показатели выше, тем лучше. Но мне кажется, что ныне, когда такими качествами располагают большинство гимнасток международного класса, когда спортивное мастерство «художниц» выросло невероятно и находится примерно на одном уровне почти у всех ведущих гимнасток мира, — всего этого недостатком. Необходимо еще что-то. И это «что-то», на мой взгляд, есть четкость, отточность каждого движения, каждого жеста, взгляда.

И еще. Когда я задумываюсь о том, что может и должно привести гимнастку к абсолютной победе на состязаниях, то все чаще прихожу к выводу — творчество. Да, да, творчество в самом широком смысле этого слова, хотя, если честно, мы воспринимаем этот аспект нашей жизни в художественной гимнастике как нечто само собой разумеющееся, о чем говорить даже как-то неловко. Дескать, все думаем над своими произвольными комбинациями, все размышляют о том, как сделать их оригинальнее, выразительнее.

Это в самом деле естественно. Но ведь умение творить дано не всякому. Да и не просто это. Порой, чтобы сделать произвольное упражнение таким, как оно видится в воображении, приходится трудиться до седьмого пота. Это как в жизни: прежде чем учиться танцевать, нужно в первую очередь научиться просто ходить, потом ходить правильно, автоматически, а потом уж танцевать. В художественной гимнастике на такую подготовительную, черновую работу уходит чуть ли не девять десятых времени, сил, энергии.

Ну, а когда эта ступень преодолена, наступают муки творчества. Однажды, когда из-за травмы ноги я не могла тренироваться в полную силу, то обратила внимание, как работает над своими произвольными комбинациями моя старшая подруга Жанна Васюра, замечательная, грациозная, мыслящая «художница». Кстати, она придумала эле-

мент, который в мировой художественной гимнастике так и называется ее именем — «прыжок Васюры».

Так вот, Жанна творила. Она то ходила по залу, отрешенная от мира сего, не замечая ничего вокруг, не обращая внимания на тех, кто вертится рядом. Она была полностью погружена в себя. Словно искала в себе то, что сделает ее композицию оригинальной, непохожей на уже известные. Вот Жанна сделала резкий поворот, потом — прыжок, шаг и вдруг резко остановилась. Повторила все сначала. Задумалась. Видимо, непроизвольно покачала головой и отошла в угол зала. И ушла чуть ли не в слезах. Я знаю, что потом она и ночью не сомкнет глаз, думая над своими «произвольными». А завтра вместе с тренером Альбиной Николаевной, с пианистом и хореографом будет повторять все сначала. И послезавтра тоже.

У меня так было, когда я отработывала новый вариант композиции упражнения на испанскую мелодию. Сама мысль сделать произвольные упражнения на такую музыку пришла неожиданно. Было это так. Года три тому назад мы готовили групповые упражнения на испанские мотивы. Упражнения были сложные, я быстро ими овладела, и мне захотелось сделать их получше, «испански». Конечно, своеволие не годится для групповых комбинаций, где не очень-то поощряется индивидуализм, но это было на одной из первых тренировок, и я позволила себе такую «роскошь». И получила взбучку от тренера. Однако потом Альбина Николаевна сказала, что у меня ведь неплохо получаются испанские жесты, движения! И не сделать ли мои произвольные на такую же, испанскую музыку?

Мы попробовали, и они действительно получились. Больше года я выступала со своей «испанкой» весьма успешно, но мне она почему-то не нравилась. Все время сохранялось ощущение, что в упражнении чего-то недостает. В общем, перед чемпионатом страны этого года я решила их переделать. Сколько сил, энергии на это ушло — сейчас даже страшно вспоминать... Однако моя «испанка» стала много лучше. В комбинации прибавилось сложности и выразительности. Она стала зрелищнее. И это объяснимо: если раньше это была комбинация упражнений, так сказать, общего плана, то теперь все оказалось продуманным до самых мелочей, вплоть до костюма, его расцветки, даже прически. Как говорит Альбина Николаевна, во всем выделась «точка».

Теперь о выразительности. Умение гимнастки подать свои упражнения наиболее ярко чрезвычайно важно. Потому что мы, как говорится, работаем еще и на зрителя. Да, да! Стремимся вызвать на трибунах вполне определенные эмоции — лирические, поэтические, романтические и так далее. Таково назначение нашего вида спорта. А это без выразительности невозможно. Однако, на мой взгляд, выразительность, темперамент, артистичность — качества весьма коварные. Нужен вкус, чтобы проявить их в должной мере. Ни больше ни меньше! И все это должно быть подано в точном соответствии с характером самой гимнастики, ее внешностью. Можно это сделать всем рисунком комбинации, а можно лишь незначительным штрихом, но впитавшим в себя всю гамму эмоций.

Зрители... Я бы сказала, что отношения со зрителями у меня складывались тоже весьма своеобразно. Раньше, когда я выступала, то очень долго никого вокруг себя просто не замечала. Так по крайней мере мне казалось. Но вот однажды, когда я уже хотела отказать от интересного упражнения с лентой, отказаться потому, что оно получалось не так, как хотелось, мне пришла в голову мысль сделать это упражнение не тогда, когда я в зале одна, а сразу после тренировок, когда вокруг еще десятки девушек, тренеры, малышки, пришедшие на занятия. И вот я начала работать: один элемент, другой, и чув-

ствую, с каким интересом и восторгом смотрят на меня окружающие. Это заставило меня внутренне собраться, удвоить старания, закончить упражнение эффектно. Так я поняла, что значат зрители для меня, вообще для спортсменки. Ну, а сейчас, когда я выступаю, мне хочется сделать все, чтобы сидящие на трибунах меня поняли, переняли от меня те чувства, которые владеют мною в момент исполнения комбинации. Ведь художественная гимнастика — один из тех видов спорта, который может воспитывать в людях чувства прекрасного, возвышенного. Причем утратить это может лишь в том случае, если исполнительница создала истинно художественный образ.

Как я работаю над образом? Как все мои коллеги и в то же время по-своему. Как говорят психологи, в полном соответствии со своими личностными качествами, манерой думать, способностью оценивать, моделировать упражнение и так далее. Тут играет роль физическая подготовка — гибкость, растянутость, уровень общей и музыкальной культуры. Однако основные принципы моей работы над упражнением, а следовательно, и над образом таковы: подбор музыки, затем поиск наиболее выразительных движений, затем — составление упражнения целиком, а в конце — отработка, шлифовка деталей, нюансов.

Наконец, первое испытание образа на зрителях. Только он, Его Величество зритель, дает последнюю и самую объективную оценку твоего труда. Но порой случается, что его оценка диаметрально противоположна твоей, и приходится переделывать какие-то элементы, потому что зритель их не воспринял, не нашел в них красоты. Это значит, ты что-то упустила. А раз так — снова и снова работа.

Мне иногда говорят: вот вы находите в первых рядах художественной гимнастики, знаете о ней все или почти все, так скажите, к чему идет этот вид спорта? Каким он будет, например, лет через десять — пятнадцать?

Ответить на это не так-то просто... Да, я знаю художественную гимнастику. Я живу в ней вот уже почти шестнадцать лет. Все так, но ответить с категорической определенностью, куда движется художественная гимнастика в своем развитии, не берусь. Вероятно, сказать это не рискнет и специалист, занимающийся анализом этого вида спорта. Можно лишь полагать, что с годами художественная гимнастика будет сложнее, интереснее, зрелищнее. Упражнения с предметами, как мне кажется, станут не менее сложными, чем в цирке. А упражнения без предмета скорее всего не усложнятся чрезмерно. Ведь художественная гимнастика — типично женский вид спорта, и ни к чему ему различные сальто, флаки, двойные пируэты, как, например, в спортивной гимнастике. Может быть, в художественной гимнастике будут введены и другие предметы. Например, шарфы, которые почему-то сегодня забыты. Вероятно, будет усовершенствовано судейство, и арбитры, прежде оценивавшие только техничность исполнения, будут определять и артистичность гимнастки. Кстати сказать, такое неплохо бы ввести уже сейчас. Ведь нередко на соревнованиях складывается так, что девушка, показавшая отличную технику, проигрывает лишь потому, что у нее несколько страдает артистичность. И наоборот, темпераментная, артистичная «художница» оказывается в нижнем ряду турнирной таблицы только потому, что допустила мелкую ошибку в технике...

Да, я не знаю точно, какой будет художественная гимнастика спустя десятилетие, но я знаю твердо, что она всегда останется моей любовью. Потому что нельзя не любить этот вид спорта — трудный, нередко изнурительный, но поистине прекрасный.

Записал Валентин КИРСАНОВ.

САМЫЙ УПРЯМЫЙ КЛИЕНТ НА СВЕТЕ

Жорж СИМЕНОН

ПОВЕСТЬ

Перевели с французского Л. БОГОМОЛОВА и Ф. ФЛЮРИЧ.

Глава 2 ЛЮБИТЕЛЬ БЕЛОГО ВИНА И ДАМА С УЛИТКАМИ

Назавтра выдался в Париже один из тех весенних дней, которых бывает лишь три-четыре за время очень уж удачливой весны,— день, когда хочется наслаждаться им в бездельи, смакуя его, словно шерbet, и вспоминая счастливые мгновения детства. Все вокруг кажется необыкновенно прекрасным, легким, пьянящим: голубизна неба с редкими, почти прозрачными облаками, легкий ветерок, вдруг обволакивающий вас на перекрестке улиц и своим дуновением заставляющий трепетать листья каштанов, как бы пригласив поднять голову и полюбоваться кистями сладко пахнущих цветов. Кошка на подоконнике, собака на тротуаре, сапожник в кожаном фартуке на пороге своей мастерской, самый обыкновенный желто-зеленый автобус— все в такой день кажется драгоценным, наполняет душу весельем; вот почему, наверное, Мегрэ на всю жизнь сохранил чудесное воспоминание о перекрестке бульвара Сен-Жермен и улицы Сен-Пер, вот почему позднее он нередко останавливался здесь, заходил в то самое кафе, чтобы в холодочке выпить кружку пива, которое, к сожалению, уже не имело того вкуса...

А вот само дело, против всех ожиданий, стало знаменитым не столько из-за необъяснимого упрямства клиента в «Министерском кафе» и не из-за полуночного выстрела, а в силу самого мотива преступления.

В восемь утра комиссар уже сидел у себя в кабинете с распахнутыми окнами, за которыми расстилалась золотисто-голубая панорама Сены; покуривая трубку, как гурман, маленькими затычками, он знакомился с донесениями. Так он впервые узнал о клиенте кафе и об убитом на улице Сен-Пер.

В течение прошедшей ночи квартальный комиссар проделал большую работу. Патологоанатом, доктор Поль, еще в шесть утра произвел вскрытие. Пулю, которую нашли на тротуаре— гильзу обнаружили близ угла бульвара Сен-Жермен,— передали эксперту Гастин-Ренету.

На столе у Мегрэ лежали одежда убитого, содержимое карманов и папка фотографий, сделанных на месте преступления.

— Не зайдете ли ко мне, Жанвье? Судя по донесению, вы уже немного связаны с этим делом.

Вот так и случилось, в который уже раз, что Мегрэ и Жанвье стали неразлучными в этот день.

Вначале был проведен осмотр вещей убитого. Они были хорошего качества, не столь поношенными, как казалось на первый взгляд, но в удивительно неряшливом состоянии. Одежда одинокого мужчины, надеваемого каждый день один и тот же костюм. Щетка никогда его не касалась. Напрашивался вывод, что убитому нередко случалось спать одетым. Совершенно новую, еще не стиранную рубашку он носил явно больше недели, и носки были не в лучшем состоянии.

В карманах ни удостоверения, ни письма, ни другого документа для установления личности, но зато самые разнообразные предметы: перочинный нож с множеством лезвий, пробочник, грязный носовой платок, пуговица, оторвавшаяся от пиджака; ключ, сильно прокуренная трубка и кисет; бумажник с двумя тысячами тремьястами пятьюдесятью франками и фотография, запечатлевшая африканскую хижину и нескольких полуголых негритянок, напряженно смотрящих в объектив; обрывки шлагата, железнодорожный билет третьего класса из Жювизи до Парижа с вчерашней датой.

И, наконец, маленькая печатка наподобие тех, что

собираются детьми из каучуковых букв. Из таких букв была составлена фраза: «Я спущу с тебя шкуру».

В докладе медицинского эксперта содержались интересные подробности. Прежде всего о самом преступлении: стреляли в спину с расстояния максимум в три метра, и смерть наступила мгновенно.

На теле убитого, в частности на ногах, было множество шрамов, которые остаются, когда приходится ножом выковыривать из-под кожи личинки особых клещей, водящихся в Центральной Африке. Печень убитого была в ужасающем состоянии— типичная печень пьяницы,— и, наконец, было установлено, что человек, убитый на улице Сен-Пер, страдал болотной лихорадкой.

— Такие-то дела!— сказал Мегрэ, разыскивая свою шляпу.— Пошли, старина Жанвье!..

До угла бульвара Сен-Жермен они дошли пешком и через витрину увидели Жозефа за ежедневным «надраиванием».

Но комиссар сперва зашел в кафе, расположенное напротив. Эти два кафе, которые находились друг против друга, каждое на своем углу, ничего общего не имели между собой. Насколько заведение Жозефа было старомодным и благообразным, настолько другое, под вывеской «У Леона», было вызывающе, вульгарно-современным.

За длиннейшей стойкой два официанта в рубашках без пиджаков едва успевали подавать кофе с молоком, бутылочки белого вина, а в более поздний час— красное вино и анисовые аперитивы. Пирамиды рогаликов, бутербродов, крутых яиц... В конце стойки— табачный киоск, где сменяли друг друга хозяин и хозяйка; в «зале»— колонны, облицованные красной с золотом мозаикой, занавеси из неопикуемой материи несусветной расцветки, диванчики, обитые узорчатым бархатом кричаще красного цвета.

Окна этого кафе настезь раскрыты, народ толчется здесь с утра до ночи. Одни входят, другие выходят: каменщики в пыльных спецовках, разносчики, оставляющие свои трехколесные тележки с товарами у тротуара, служащие, машинистки— люди, томимые жадной, или те, кому нужно позвонить по телефону.

— Налей!.. Две бутылочки... Три пива!..

Кассовый аппарат щелкает без умолку, лбы у официантов блестят от пота, и они иногда утираются той же тряпкой, которой вытирают стойку. Стаканы на мгновение опускаются в оцинкованный бак с мутной водой и тут же, не просушенные, снова идут в ход, заполненные то белым, то красным вином.

— Две бутылочки сухого белого,— заказывает Мегрэ, которому явно доставляет удовольствие эта утренняя суматоха.

Белое вино имело тот неприятный привкус, каким оно обладает обычно в заведениях подобного рода.

— Скажите, гарсон... Не припоминаете ли вы вот этого типа?..

Служба по восстановлению разыскиваемых лиц поработала на славу. Неприятная, но важная и очень искусная работа. Фотографии, снятые с убитых, трудно поддаются опознанию, особенно если лицо хоть как-то изувечено. Вот почему фотографы— работники службы— гримируют труп, затем так ретушируют полученные снимки, что в конце концов с портрета смотрит на вас живой человек.

— Послушай, Луи, а ведь это он!

Второй официант с тряпкой в руке заглянул через плечо своего товарища.

— Он!.. За весь вчерашний день он так всем осточертел, что не узнать его нельзя.

— А вы запомнили, в котором часу он впервые зашел к вам?

— Вот на это трудно ответить... Мы не замечаем клиентов, забегающих сюда мимоходом. Но вспоминаю, что к десяти часам утра этот тип уже был весьма возбужден... Ни минуты не сидел на месте... То

подойдет к бару, закажет стаканчик белого, залпом его осушит и тут же расплатится... То выскочит на улицу... Мы уж думаем, что отделались от него, а через десять минут он снова в зале, подзывает гарсона и заказывает еще стаканчик белого...

— И так целый день?

— Пожалуй, да... Во всяком случае, я видел его по меньшей мере десять или пятнадцать раз. И становился он все более возбужденным, как-то странно поглядывал, а пальцы, когда он протягивал деньги, дрожали, как у старухи. Он ведь и стакан у тебя разбил, Луи?

— Да... Настаивал на том, что сам подберет все осколки, и все повторял: «Стекло, старина, бьется к счастью! А мне, понимаешь, сегодня особенно нужно что-то на счастье... В Габоне, малец, бывать не приходилось?»

— И со мной он тоже говорил о Габоне,— заметил второй официант.— Уж не помню, в связи с чем... Ах, да! Когда ел крутые яйца... Он съел подряд штук двенадцать или тринадцать... Я даже испугался, как бы он не подавился, тем более что он успел уже порядком выпить. «Не бойся, малец,— сказал он мне.— Однажды в Габоне я держал пари, что проглочу 36 штук с таким же количеством стаканов пива, и выиграл...»

— А не казался ли он чем-то озабоченным?

— Смотря что вы под этим подразумеваете. Он беспрепятственно то входил, то выходил. Вначале я думал, что он кого-то ждет... Вдруг в одиночестве начал посмеиваться, будто сам себе что-то рассказывал. Прицепился тут надолго к одному старичку, который всегда заходит после полудня, чтобы выпить два-три бокала красного, и все держал его за отвороты пиджака.

— Вы знали, что он вооружен?

— Ну, как я мог об этом догадаться?

— Да потому, что люди подобного рода способны всем подряд показывать свой револьвер!

На тротуаре рядом с убитым и впрямь обнаружили большой револьвер, из барабана которого не было выпущено ни единой пули.

— Подайте-ка нам два бокала белого!

У Мегрэ было столь чудесное настроение, что он не смог устоять перед настойчивостью маленькой продавщицы цветов, босоногой, худой и замурзанной девчушки, обладавшей самыми прекрасными глазами на свете. Он купил у нее букетик фиалок, а потом, не зная, что с ним делать, засунул его в карман пиджака.

В тот день, следует признать, ими было пропущено немало стаканчиков белого вина. Выйдя из кафе-бара, комиссар и Жанвье перешли улицу и попали в благодатную тень «Министерского кафе», где на встречу им бросился Жозеф.

Здесь они попробовали восстановить облик человека с чехоманчиком и иссиня-черными усами,— портрет его принимал все более расплывчатые черты. Впрочем, «расплывчатый» — не совсем точное определение. Его скорее можно было сравнить с фотографией, снятой в движении. А еще точнее этот облик напоминал одну из тех пленок, на которой все кадры не в фокусе.

Ни одно показание не совпадало с другим. Каждый видел клиента по-своему, а полковник, в частности, готов был поклясться, будто с самого начала заподозрил в клиенте человека, который замыслил дурное дело.

Одним он казался взбудораженным, другим — на редкость спокойным. Мегрэ слушал, покачивал головой, тщательно набивал трубку указательным пальцем, закуривал, делал короткие затычки, щурил глаза, вообще имел вид человека, который наслаждается чудесным днем, подаренным людям всевышним в момент доброго настроения.

— А женщина?

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

— Девушка, хотели вы сказать?
Жозефу, который ее едва разглядел, она показала красивой, изысканной девушкой из хорошей семьи:

— Готов пари держать, что она не работает.
В представлении Жозефа она могла лишь приготовить разные сласти или закуски для своей изнеженной буржуазной семьи. Однако у мадемуазель Берты, кассирши, были на этот счет сомнения:

— Ну, я бы не стала отпускать ей грехи без исповеди... Но несомненно то, что она лучше его...

Были моменты, когда Мегрэ хотелось просто потянуться, как если бы он находился на отдыхе в деревне, прогретой солнечными лучами. И все, что происходило в это утро в окружающей жизни, его восхищало: автобусы, которые останавливались и отъезжали, привычные жесты кондукторов, протягивающих руку к сигналу отправления, едва пассажиры входили в салон, скрежет тормозов, колебание на асфальте узорчатых теней от листьев каштанов.

— Бьюсь об заклад, что они далеко не ушли! — пробурчал Мегрэ, обращаясь к Жанвье, смущенному тем, что сам не может более точно описать человека, хотя и смотрел на него в упор.

Они еще постояли на краю тротуара. На каждом углу улицы расположены кафе... В одном из них — мужчина, в другом — второй...

Казалось, случай поместил каждого из них в той обстановке, которая более всего соответствовала его характеру. Один, маленький, усатый, в течение целого дня не сдвинулся с места, если не считать того времени, когда звонил по телефону; он выпил кофе, стакан «виши» и стакан лимонада, не протестуя, когда Жозеф заявил, что никакой еды нет...

А в кафе напротив, среди массы входивших и выходящих рабочих, поставщиков, служащих, среди всего этого спешащего люда — какой-то одержимый, поглощавший белое вино и крутые яйца, метавшийся взад и вперед, пристававший то к одному, то к другому со своими рассказами о Габоне...

— Держу пари, что здесь должно быть и третье кафе, — сказал Мегрэ, — осматривая противоположную сторону бульвара.

Но он ошибся. На противоположной стороне, как раз напротив улицы Сен-Пер, в том месте, откуда можно было видеть оба перекрестка, находилось не кафе и не бар, а ресторан с узкой витриной, низким длинным залом в глубине дома, куда входили, спускаясь на пару ступеней вниз.

Ресторан назывался «У улитки». Сюда тоже приходили завсегдатаи, которые клали в ящички из светлого дерева у стены свои салфетки. В зале распространялся аромат хорошей кухни, и, поскольку час был ранний, Мегрэ и Жанвье встретила сама хозяйка.

— Что господам угодно?

Комиссар представился.

— Мне хотелось бы узнать, не заходила ли к вам вчера вечером клиентка, которая задержалась дольше, чем обычно у вас принять.

Зал был пуст. Но столы уже были накрыты, приборы расставлены, и рядом с ними стояли крохотные графины с белым и красным вином.

— Кассой ведает муж, он ушел закупать фрукты. Жан, наш официант, придет через несколько минут, он начинает работать в одиннадцать часов... Не подать ли вам чего-нибудь?.. У нас есть корсиканское вино, которое муж выписывает, вполне приятно на вкус...

Решительно все в этот день было чудесным. Корсиканское вино также. Прелестно выглядел и низкий зал, где комиссар и Жанвье ожидали Жана, разглядывая прохожих и оба кафе на противоположной стороне бульвара.

— Возникла ли у вас какая-нибудь идея, патрон?

— Даже несколько... Но правильной бывает лишь одна, не так ли?

Пришел Жан. Старый седовласый человечек, в котором сразу можно было распознать официанта из ресторана. Он переодевался у стенового шкафа.

— Скажите, гарсон, не припомните ли вы клиентку, зашедшую сюда вчера вечером, поведение которой несколько отличалось от обычного?.. Девушку с темными волосами...

— Даму, — поправил Жан. — Во всяком случае, я уверен, что у нее было обручальное кольцо из червонного золота. Я обратил на это внимание потому, что у нас с женой обручальные кольца из такого же золота. Вот, посмотрите сами...

— Молодая?

— Я бы ей дал лет тридцать... Вполне приличная женщина, почти не накрашенная, очень вежливая в обращении...

— В котором часу она пришла?

— Могу сказать точно. В шесть пятнадцать, я как раз заканчивал подготовку столов к обеду. Наши клиенты, а они почти все у нас постоянные, приходят не раньше семи часов... Она удивилась, очутившись в пустом зале, даже попыталась к выходу. «Желаете пообедать?» — спросил я. — Иногда люди ошибаются и думают, что попали в кафе. Заходите... Через чет-

Продолжение на 30-й стр.

ДЕКАБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

МЕНЯ ПЛОХО УЧИЛИ...

Эдуард Донохю, 18-летний американский гражданин, безработный, не способен прочесть объявление о приеме на работу. Он никогда не покупал книг. И все это из-за одной единственной причины — Эдуард не умеет читать. Впрочем, ему без особых проблем удалось окончить частный колледж в маленьком городке штата Нью-Йорк. К урокам он готовился с помощью современной методики с применением новейших аудиовизуальных средств — магнитофонных кассет, кинолент, диапозитивов, пластинок и прочего. Преподаватели этого частного колледжа определенно шли в ногу с эпохой (и даже на полшага впереди) и были, конечно, в курсе всех нынешних педагогических веяний. А умение читать и писать по старинке, как в эпоху прадедов? Его как-то незаметно выпустили из виду.

Большинство учеников читать все-таки научилось, однако история с Эдуардом не является слишком уж редким исключением. По данным Федерального ведомства просвещения, в США насчитывается около 23 миллионов взрослых, которые без посторонней помощи не могут разбираться в таблице расписания поездов и отыскать там то, что им нужно.

Эдуард Донохю подал в суд на Федерацию частных учебных заведений, требуя уплатить ему компенсацию за «надоброкачественное обучение». Нет сомнения, что этот судебный процесс войдет в историю юриспруденции. Не исключено, что учебное заведение будет привлечено к ответственности — ведь уже 24 штата приняли постановления, по которым учебные заведения должны провешать особую заботу в отношении «культурно-образовательного» минимума каждого молодого американца и не выдавать диплома о получении образования тем, кто не умеет читать, писать и считать.

«ПАРАЛЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

Золотая лихорадка у стен старинного замка

В 1963 году после удара молнии сгорел старинный замок Вигер около Люцерна. Остатки замка, имеющие историческое значение, приобрела администрация Люцернского кантона. Но деньги, необходимые для проведения реставрационных работ, оказалось найти нелегко. Федеральное правительство в субсидиях отказало.

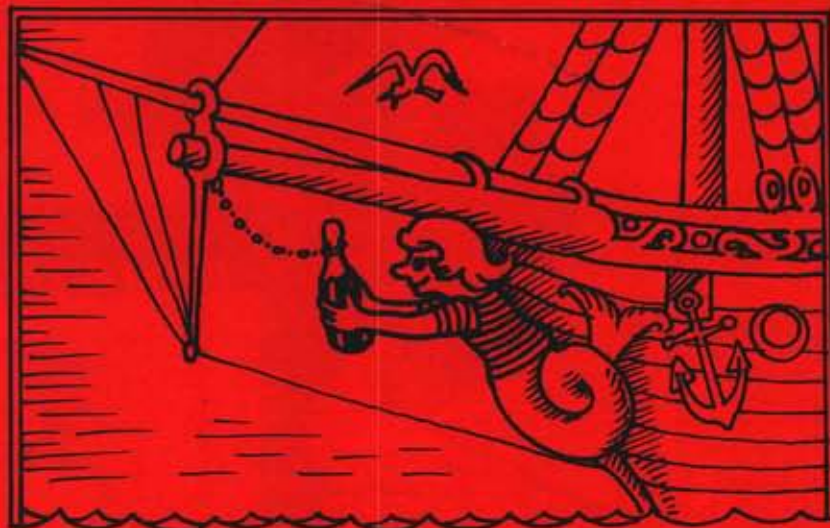
Местные власти решили организовать единственную в своем роде акцию. За 11 тысяч франков был приобретен килограмм золота. После этого на лугу возле замка Вигер на огороженном участке были тайно зарыты несколько десятков деревянных дощечек, на которых стояли цифры: 10, 20, 25 и 250 (цифры означали количество граммов золота). В установленный день искать драгоценный металл съехались масса старателей-любителей, но копать можно было только с помощью взятых за высокую цену лопат, никаких других технических приспособлений применять не разрешалось. Многочис-

ленным зрителям тоже пришлось раскошелиться, чтобы иметь возможность взглянуть на редкое зрелище.

Был подан сигнал к началу работ, и разыгралась сцена, напоминающая фильм Чарли Чаплина «Золотая лихорадка». Кто-то выкапывал огромные ямы, куда вместе с собой везли корову, другие предпочитали рыть много мелких ямок, третьи объединялись в группы по несколько человек и копали сообща, разбив свой участок на квадраты... Но, увы, алчущие золота старатели, вынужденные в общей сложности 950 кубометров грунта, отыскали «золотых» деревяшек всего лишь на 290 граммов драгоценного металла.

Цель была достигнута: доходов от этого широко разрекламированного мероприятия оказалось достаточно, чтобы приступить к реставрации старинного замка.

«ШВАЙЦЕР ИЛЛЮСТРИРТЕ», ШВЕЙЦАРИЯ

Как рождалась традиция

Почему разбивают бутылку шампанского о борт спускаемого на воду судна? У этой традиции давняя история. Первые мореплаватели были людьми в высшей степени суеверными. Они считали, что с того момента, когда земля скрывается за далью горизонта, их судьба полностью во власти «могущественного духа моря». Единственную возможность обезопасить себя от опасности плавания мореплаватели видели в том, чтобы заранее задобрить этого всевластного покровителя моря человеческой жертвой. Вот почему в то агоническое, когда судно спускалось на воду, в жертву приносилась молодая девушка, кровью которой окропляли нос корабля. Этот вызывающий ужас обычай

существовал на заре истории человечества в скандинавских странах и на островах Полинезии.

Позже в жертву стали приносить не человека, а вырезанную из дерева фигуру, причем это всегда должна была быть скульптура молодой девушки. Потом эту фигуру стали укреплять на носу корабля. А на церемонии спуска судна на воду начали использовать вместо красного вина, а потом и шампанское.

Но все-таки одно напоминание о древнем ритуале сохраняется и сегодня. Бутылку с шампанским о борт судна непременно разбивает женщина.

«УИКЭНД», АНГЛИЯ

БОЛЕЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Летописцы считали его самым могущественным и известным правителем Древнего Египта. За время царствования Рамзеса II страна на берегах Нила достигла вершины своего расцвета. Когда фараон скончался, тело его было забальзамировано и хранится теперь в египетском музее.

В последнее время у мумии были обнаружены процессы разложения, как если бы фараон вдруг заболел через... 3000 лет после своей смерти. Мумию отправили в Париж «на лечение».

Французские ученые нашли в мумии микроскопическую плесень, бактерии и даже червей. Во всем были виноваты грабители, нарушившие в свое время бандаж и обвязку мумии, в результате чего и была внесена инфекция.

Как же французы лечат фараона? Прежде всего тело облучают радиоактивным кобальтом-60, чтобы уничтожить микроорганизмы. «Терапия» должна продлиться до марта следующего года, после чего останки Рамзеса II будут отправлены в Каир.

Интересно, что между американскими и английскими учеными, с

одной стороны, и их французскими коллегами, с другой, возникли разногласия: первые утверждают, что никакого лечения мумии нет нужды делать, просто нужно было найти предлог для первого путешествия мумии за пределы Египта.

«ЖИВОТ», ЧССР

Помогает... Агата Кристи

Давний роман Агаты Кристи «Вилла «Белый конь»» недавно спас жизнь девятнадцатилетней девочке, умершей при весьма странных обстоятельствах, озадачивших лондонских медиков. Девочку привезли в больницу в полубессознательном состоянии. Несмотря на интенсивный курс лечения, дышать ребенку становилось все труднее, а доктора не могли поставить диагноз.

И вот во время утреннего обхода медсестра Марша Мейтланд высказала предположение, что ребенок отравлен таллием (голубовато-белым металлом, содержащим отравляющие соли). Медсестра, которая незадолго перед этим прочитала роман Кристи, подметила, что симптомы болезни напоминают те, что описаны в книге. Продажа таллия в Англии строго регулируется, и в больнице не могли проверить предположение медсестры, однако в лаборатории Скотланд-Ярда специалисты подтвердили отравление таллием. Получив необходимые лекарства, девочка выздоровела.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

ГОРЬКАЯ ОСЕНЬ ЖИЗНИ

Деревья заглушают звук, и поэтому не многие жители банарского городка Тенинген услышали выстрел, раздавшийся на местном кладбище. Безработный Антон Фогель, пятидесяти шести лет, застрелился у могилы своей матери. Дома у него нашли магнитофонную пленку с записью: «У меня нет работы, и никто мне ее уже не предоставит. Денег, которые я получаю как социальное пособие, слишком мало, чтобы жить...»

Этот случай самоубийства по социальным причинам в ФРГ далеко не единственный. В одной из богатейших стран Западной Европы, по официальным данным, каждый десятый житель живет на грани прожиточного минимума или даже ниже его.

И вот бедняки добровольно уходят из жизни. Жертвами чаще всего бывают люди пожилые, пережившие полувековой рубеж и навсегда потерявшие надежду вернуться когда-нибудь к той работе, которой они занимались всю жизнь.

«ФЛАКЭРА», РУМЫНИЯ

Первый сельскохозяйственный колледж

За двадцать лет своего существования сельскохозяйственный колледж № 1 подготовил свыше десяти тысяч специалистов и стал тем фундаментом, на котором были созданы все научные и учебные сельскохозяйственные центры Вьетнама.

Колледж был основан в 1956 году. В то время в стране было только шестьдесят специалистов с высшим образованием в области сельского и лесного хозяйства.

Во время первого учебного года в колледже насчитывалось 400 студентов и двадцать семь преподавателей, работавших на четырех факультетах. Тогда у этого учебного центра было всего несколько лабораторий и крошечное опытное поле.

Колледж постепенно расширился, появились новые кабинеты, лаборатории, мастерские, до стартаров выросла площадь опыт-

ных полей и садов, однако планы реконструкции колледжа были нарушены войной.

И только после того, как на земле Вьетнама пришел мир, колледж изменился неузнаваемо. Сегодня здесь 356 преподавателей, причем 89 из них женщины, 28 кандидатов сельскохозяйственных наук. На базе первого родились еще два сельскохозяйственных колледжа, колледж лесного и водного хозяйства. Выпускники этого знаменитого учебного центра работают сегодня во всех районах страны. Новейшее техническое оснащение колледжа позволяет преподавателям и студентам вести как научные исследования, так и практическую учебную работу во всех областях, связанных с сегодняшним сельским хозяйством: выращивать овощи, фрукты, зерновые, учить са ремонттировать технику.

«ВЬЕТНАМ ЮС», СРВ

По данным Итальянского центра социальных исследований, в стране работают по найму 350 тысяч детей в возрасте от 8 до 15 лет. По другим сведениям, это число вдвое больше. Третья часть детей моложе десяти лет. Работают они в основном в строительстве, торговле, сфере обслуживания, на рыболовных судах и в сельском хозяйстве. Плату получают ничтожную. Обычно школьники начинают работу в начале летних каникул, но в школу осенью уже не возвращаются.

Применение детского труда в Италии было официально запрещено еще десять лет назад. В прошлом году этот закон был дополнен пунктом, в соответствии с которым дети до 16 лет не могут быть использованы на работах, угрожающих здоровью. Однако известно, что за год мальчишки получают свыше тысячи серьезных производственных травм, среди которых есть и такие, что приводят к смертельным случаям. А поскольку по закону с детьми нельзя заключать обычного трудового сог-

лашения, то они не имеют права на социальное страхование и денежную компенсацию в случае заболевания или увечья. Правда, если ребенок попадает в больницу, то плату за лечение вносит его работодатель. Однако тот же работодатель вскоре выставляет родителям ребенка соответствующий счет на сумму лечения или же вычитает позже деньги из зарплаты ребенка.

Чаще всего идут работать дети из многодетных семей. Они заняты по восемь и более часов в день, и для школы уже не остается ни времени, ни сил. Стоит отметить, что часто встречающееся мнение о южных сельскохозяйственных районах Италии, как о местах наибольшего применения детского труда, является ошибочным. На промышленно развитом севере гораздо больше безработных, и поэтому здесь учитывается каждая копейка в семье. Предприниматели на севере охотно берут детей на работу: ведь им приходится платить гораздо меньше, чем взрослым.

«РАЗЕМ», ПОЛЬША

Медики и микробиологи призваны внести свой вклад в защиту произведений искусства. «Перед реставрацией полотна, скульптуры или их консервацией», — заявил директор миланского Института молекулярной биологии профессор Серджио Б. Курри, — необходимо уничтожить микробы, которые атаковали произведение искусства. Это можно сделать соответствующими антибиотиками». Так, например, «железо Дворца дождей» в Венеции подвержено воздействию микробов, которые подпитывают серный диоксид из газов, выделяемых промышленными установками, преобразящая его в

типс. Исследования, проведенные с помощью электронного микроскопа, фрески Леонардо да Винчи «Тайная вечеря», которая находится в доминиканском монастыре в Милане, показали, что произведение атаковано комплексной микрофлорой. Состав ее сейчас скрупулезно изучается и анализируется. Микроорганизмы, напавшие на фрески в соборе Санта-Агостино в Бергамо, уже удалось опознать, после чего специалисты приступили к их уничтожению антибиотиками.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ», ВЕНГРИЯ

САМЫЙ УПРЯМЫЙ КЛИЕНТ НА СВЕТЕ

Начало на 26-й стр.

верть часа смогу вас обслужить... Не хотите ли выпить?» Она заказала портвейн...

Мегрэ и Жанвье обменялись довольными взглядами.

— Она расположилась у окна. Мне пришлось ее пересадить, так как она заняла стол наших клиентов из службы регистрации, которые приходят сюда вот уже десять лет и привыкли к своим местам. Ей пришлось ждать почти полчаса, так как улитки еще не были готовы... Нетерпения она не проявляла... Я принес ей газету, но она не стала ее читать и спокойно смотрела на улицу...

Точно так же, как и господин с синеватыми усами! Спокойной мужнина, спокойная дама, а на противоположном углу — сумасброд с натянутыми нервами. Пока же известно, что именно он был вооружен. И у него в кармане лежала злобная каучуковая печатка с угрожающими словами: «Я спущу с тебя шкуру».

Но умер именно он, так и не воспользовавшись своим револьвером.

— Очень приятная дама. Я подумал, что она, вероятно, живет где-то рядом, забыла взять ключ и теперь дожидается прихода мужа, чтобы попасть в квартиру. Такое, знаете ли, случается чаще, чем кажется на первый взгляд...

— Она обедала с аппетитом?

— Погодите... Дюжина улиток... Сладкая телятина, сыр и клубника со сливками... Я помню хорошо, потому что все это были заказные блюда. Еще она выпила графинчик белого вина и чашечку кофе... Дама засиделась допоздна. Вот почему я решил, что она кого-то ждет. Когда попросила счет, в зале оставалось еще только два клиента. Наверно, было чуть позже десяти. Мы, как правило, закрываем в десять тридцать.

— Вы не заметили, в каком направлении она пошла?

— Надеюсь, вы ничего плохого ей не сделаете? — Старичок Жан явно симпатизировал своей вчерашней клиентке. — Тогда ответу: когда без четверти одиннадцать я проходил через скверик, то, к своему удивлению, увидел, что она стоит, прислонившись к дереву... Ко второму слева, считая от газового фонаря...

— И вам по-прежнему казалось, что она кого-то ждет?

— Да, пожалуй. Она совсем не из тех профессионалок, о ком вы можете подумать... Заметив меня, она отвернулась в сторону, как бы смутившись.

— Скажите, гарсон, в руках у нее была сумочка?

— Да... Конечно...

— Большая? Маленькая? При вас она ее открывала?

— Погодите... Нет, при мне она ее не открывала. Она положила ее на подоконник, поскольку ее стол находился рядом с окном... Сумочка была темного цвета, кожаная, довольно большая, прямоугольной формы... На ней была сверху еще какая-то буква из серебра или другого металла. Кажется, «М»...

— Вот так, старина Жанвье!

— Вот так, патрон!

Если бы они продолжали пропускать по стаканчику белого вина то там, то сям, под конец этого благословенного весеннего дня они наверняка повели бы себя, как школьники во время каникул.

— Вы думаете, что она убила того типа?

— Нам известно, что его застрелили со спины и с расстояния примерно в три метра.

— Но тип из «Министерского кафе» мог...

— Минуточку, Жанвье... Который из двух известных нам типов подстерегал другого?

— Убитый...

— Который еще не был убит... Значит, он подстерегал... И вооружен был именно он... Это он угрожал... При таких обстоятельствах, учитывая, что к полудню он был мертвецки пьян, вероятнее всего предположить, что второй, вышедший из «Министерского кафе», не мог застать его врасплох и выстрелить в спину, да еще с такого короткого расстояния... А вот женщина...

— Что будем делать, патрон?

По правде говоря, если бы Мегрэ мог поступать по своей воле, он еще побродил бы по этому кварталу, атмосфера которого так пришлась ему по душе. Вернуться к Жозефу. Потом в кафе напротив. Приохиваться. Пропускать по стаканчику. Под разным углом возвращаться все к той же теме: здесь человек с нафабранными усами; там, напротив, другой, страдающий лихорадкой и алкоголем; и, наконец, дама, съевшая дюжину улиток, сладкую телятину и клубнику со сливками, настолько приличная, что даже покорила старого Жана.

— Держу пари, что она привыкла к очень простой

кухне, которую называют мещанской или домашней стряпней... В ресторанах ей редко приходилось бывать.

— Почему вы знаете?

— Да потому, что люди, часто бывающие в ресторанах, не заказывают одновременно три блюда из порционного меню, причем два из них редко готовят дома: улитки и сладкую телятину. Они не подходят одно к другому и свидетельствуют о чревоугодии.

— И вы думаете, что женщина, собирающаяся убить человека, придает особое значение тому, что ест?

— Во-первых, мой малыш Жанвье, ничто не доказывает ее уверенности в том, что она кого-то убьет в тот вечер...

— Если стреляла она, то, значит, у нее было оружие... Я-то ведь хорошо понял смысл ваших вопросов о дамской сумочке... Я так и ждал, что вы спросите у гарсона, не казалась ли эта сумочка тяжелой...

— Во-вторых, — невозмутимо продолжал Мегрэ, — даже самые тяжкие драмы не мешают людям ощущать вкус того, что они едят. Тебе это доводилось видеть так же, как мне. Кто-то скончался. В доме полнейший беспорядок. Во всех углах стон и плач. Кажется, жизнь уже никогда не войдет в нормальную колею... Однако соседка, тетка или старая служанка готовит обед... «Да я и кусочка проглотить не смогу», — клянется вдова. Ее ободряют. Силком сажают за стол. Потом вся семья собирается за столом, и покойника оставляют одного; а через несколько минут все уже с аппетитом едят, а вдова просит передать ей перец или соль — рагу ей кажется безвкусным... Ну, в путь, Жанвье!

— Куда поедем?

— В Жювизи...

Им следовало бы отправиться на Лионский вокзал и там сесть в поезд. Но попасть в толчею, стоять сперва в очереди перед кассой, а потом на перроне, ехать, быть может, стоя в проходе или же в купе для некурящих — разве это не означало, что будет испорчен такой прекрасный день?

Пусть бухгалтер уголовной полиции станет возражать! Мегрэ взял открытое такси, красивую, почти новую машину, и удобно развалился на мягком сиденье.

— В Жювизи... Высадите нас напротив вокзала...

И всю дорогу он блаженствовал, полузакрыв глаза, пуская легкий дымок, который клубился вокруг трубки.

Глава 3

БРЕДОВАЯ ИСТОРИЯ О ПОКОЙНИЦЕ, КОТОРАЯ, ВОЗМОЖНО, И НЕ УМЕРЛА

Когда Мегрэ просили рассказать о делах, которые он расследовал, сотни раз комиссар мог бы вспомнить, как блестяще сыграл он роль сыщика...

Однако со временем он охотнее всего вспоминал о расследовании убийства около кафе на бульваре Сен-Жермен. Это было одно из тех дел, когда ему пришлось приложить совсем немного усилий, чтобы раскрыть его, но вспоминал он о нем с особенно довольной улыбкой, а в ответ на вопрос: «Так где же правда?» — почти всегда добавлял:

— Решайте сами, как вам заблагорассудится...

Ибо по меньшей мере в одном пункте ни он, ни кто-либо другой так и не узнали всей правды...

В двенадцать тридцать таксист доставил их к вокзалу Жювизи — большому пригороду Парижа, — и Мегрэ с Жанвье первым делом зашли в самый обыкновенный привокзальный ресторан с террасой, окруженной лавровыми деревьями в деревянных, выкрашенных в зеленый цвет кадках.

Можно ли зайти в кафе и ничего не выпить? Вопросительно посмотрев друг на друга, они решили: раз уж с самого утра они, подобно убитому на улице Сен-Пер, не изменяли белому вину, то можно продолжить в том же духе.

— Скажите-ка, хозяин, не известен ли вам этот тип?

Похожий на боксера мужнина за оцинкованной стойкой принялся рассматривать «сфабрированную» фотографию покойного, удаляя ее от глаз, но, видно, со зрением у него было совсем неважно, и он позвал:

— Жюли! Поди-ка сюда на минутку. Не тот ли это тип, что живет рядом?

Его жена, вытерев руки о голубой полотняный передник, осторожно взяла фотографию.

— Конечно, он! Но на этом снимке у него какое-то странное выражение лица.

Она повернулась к комиссару.

— Еще вчера он нас задержал до одиннадцати часов ночи — все пил и пил без конца.

— Вчера? — У Мегрэ замерло сердце.

— Постойте. Нет, я хотела сказать, позавчера. Вчера у меня была стирка, а вечером я пошла в кино.

— Поесть у вас можно?

— Ясное дело, что можно! Что бы вы хотели? Фрикандо? Свиное жаркое с чечевицей? На закуску есть хороший деревенский паштет.

Завтракали на террасе. За соседним столиком расположился таксист, которого они решили не отпускать. Время от времени к ним подходил перекинуться словечком хозяин.

— Подробнее о вашем типе может рассказать мой коллега, который сдает комнаты. Мы этого не делаем. Этот ваш малый въехал туда месяц или два назад... Ну, а за выпивкой он ходил повсюду... Вот, к примеру, вчера утром...

— Вы уверены, что это было вчера?..

— Более чем уверен... Он пришел сюда в семь тридцать, когда я только стал поднимать шторы, и пропустил два или три стакана белого вина, чтобы заморить червячка. Потом вдруг сломя голову кинулся на вокзал к парижскому поезду.

Большее хозяин о нем ничего такого не знал, если не считать, что пил тот с утра до ночи, охотно говорил о Габоне, глубоко презирал всех, кто не жил в Африке, и на кого-то очень сердился.

«Есть люди, — то и дело будто бы повторял человек в плаще, — которые считают себя хитрецами. Но в конце концов я их уличу. Понятно, можно быть подлым, но и у подлости должны быть границы!..» Спустя полчаса Мегрэ и Жанвье посетили «Железнодорожную гостиницу» точно с таким же рестораном, который они покинули, только террасу тут не окружали лавровые кусты да железные стулья были окрашены в красный, а не в зеленый цвет.

Расположившись за стойкой, хозяин читал вслух жене и официанту газету. Едва бросив взгляд на первую страницу, где на видном месте был опубликован снимок убитого — Мегрэ сам передал прессе фотографии, — комиссар понял, что в Жювизи уже доставлен из Парижа дневной выпуск.

— Он был вашим постояльцем?

— Да. Ну и что? — хмуро глянул хозяин.

— Ничего. Просто хотел знать, жил ли он у вас.

— И то хорошо, что от него избавились.

Нужно было снова что-нибудь заказать, но после завтрака белое вино не шло.

— Два кальвадоса!

— Вы из полиции?..

— Да...

— Так мне и показалось... Да и лицо ваше мне как будто знакомо... Так что же?

— Это я у вас спрашиваю, что вы по этому поводу думаете?

— Думаю, что скорее он сам должен был подстрелить кого-то... Или же так получить по башке кулаком, чтобы она треснула. Потому что пьяным его уже нельзя было выносить... Напивался он каждый вечер.

— Регистрационный листок он заполнил?

С большим достоинством, демонстрируя, что скрывать ему нечего, хозяин пошел за регистрационной книгой и с некоторым пренебрежением подал ее Мегрэ.

«Эрнест Комбарье, сорок семь лет, родился в Марсее, близ ля Рошель (департамент Шарант-Маритим), лесоруб, прибыл из Либревилля, Габон».

— Он прожил у вас шесть недель?

— Шесть недель одних неприятностей!..

— Не платил?

— Платил регулярно, каждую неделю. Но уж такой был беспокойный. По два-три дня валялся в постели с приступами лихорадки, требовал себе в комнату ром как лекарство, пил его бутылками, потом спускался и несколько дней шлялся по всем быстро подряд. То вовсе не приходил ночевать, а то вдруг поднимал нас в три часа утра. Порой приходилось его раздевать. Бывало, его рвало — испачкал лестничные дорожки и ковер в комнате.

— У него здесь были родственники?

Хозяин переглянулся с женой.

— Кого-то он здесь знал, это уж точно, но никогда не говорил, кого именно. Если у него и были родственники, то даю гарантию, что он их не любил, ибо постоянно твердил: «Вы еще услышите и обо мне и об одном подлеце, которого все считают честным человеком, а он на самом деле проходимец, вор из воров — такой, каких свет не видывал...»

— Вы так и не узнали, о ком он говорил?

— Я знал только одно: это невыносимый человек. В пьяном виде у него была манья вытаскивать большой барабанный револьвер, целиться в какую-то воображаемую точку и приговаривать: «Бух-бух!» Потом он хохотал и снова требовал вина.

— Не выпьете ли вы с нами стаканчик? Еще один вопрос... Не знаете ли вы здесь, в Жювизи, господина среднего роста, довольно полного, но не толстого, с загнутыми вверх усами, который порой прогуливается с небольшим чемоданом.

— Ты такого знаешь, милочка? — обратился хозяин к жене.

Она призадумалась, как бы попытаться вспомнить.

— Нет. Хотя... Но, по-моему, он скорее низкорослый и совсем не полный.

— О ком вы говорите?

— О месяе Оже, у него домик на дачном участке.

— Он женат?

— Конечно! Мадам Оже красивая женщина, очень порядочная, очень вежливая, она почти никуда из Жювизи не выезжает. Впрочем, позвольте.— Трое мужчин смотрели на нее в ожидании.— Я вспомнила, что как раз вчера, когда я во дворе стирала белье, то увидела, как она направлялась к вокзалу. Я еще подумала, что она сядет в поезд, который отходит в четыре тридцать семь.

— Она брюнетка, не так ли? И в руке у нее была кожаная сумочка из черной кожи?

— Не знаю, какого цвета сумочка, но на ней был синий костюм и белая блузка.

— Чем занимается господин Оже?

— Теперь хозяйка обернулась к мужу.

— Продает почтовые марки. В газетных объявлениях есть и его реклама: «Почтовые марки для коллекционеров. Пакетик с тысячей марок за десять франков... Высылается по почте наложенным платежом...»

— Он много разъезжает?

— Время от времени ездит в Париж, наверно, за марками, и берет с собой чемоданчик. Два или три раза, когда поезд запаздывал, то заходил к нам. Выпивал чашку кофе со сливками или бутылочку «виши».

Все становилось уж слишком просто. Не расследование, а прогулка, увеселенная самым бодрящим из всех солнц и все возрастающим числом стаканчиков белого вина... И все же глаза Мегрэ блестели так, будто он догадывался, что за этой столь банальной историей кроется самая необыкновенная из всех человеческих тайн, с которыми ему приходилось встречаться за время своей профессиональной карьеры.

Ему дали адрес домика Оже. Он находился довольно далеко, на равнине у Сены, где, окруженные маленькими садами, виднелись сотни, тысячи домиков, построенных из камня или облицованных цементом, окрашенным в голубой либо желтый цвет.

Ему сказали, что домик называется «Мой отдых». Пришлось долго кружить по совершенно новым улицам с едва намеченными тротуарами, вдоль которых были посажены худосочные деревца, тощие, как скелеты; между домами еще оставались пустыри.

То там, то тут они спрашивали дорогу. Их посылали не туда, куда нужно. Но в конце концов они достигли цели. За угловым окном розового домика с кроваво-красной крышей зашевелилась занавеска.

Но нужно было еще разыскать звонок.

— Мне остаться на улице, патрон?

— Пожалуй, ради предосторожности... Но думаю, что все пойдет само собой... Ведь в доме, наверно, кто-то есть...

Он не ошибся. Найдя, наконец, микроскопическую кнопку электрического звонка на совсем новой двери, он позвонил. Послышались шорохи, перешептывание. Дверь открылась, и перед ним предстала, очевидно, одетая в ту же юбку и блузку, что и накануне, молодая женщина из «Министерского кафе» и «Улитки».

— Комиссар Мегрэ из уголовной полиции.

— Я так и подумала, что это полиция. Входите.

Поднялись на несколько ступенек. У лестницы был такой вид, словно она только что вышла из-под рук плотника, как, впрочем, у всех деревянных деталей, а стены, казалось, едва просохли после побелки.

— Будьте любезны...

Она повернулась к полураскрытой двери и сделала знак кому-то, кого Мегрэ не видел.

Угловая комната, куда пригласили комиссара, служила гостиной: диван, книги, безделушки, подушки с разноцветными наволочками. На журнальном столике — дневная газета с фотографией покойного.

— Садитесь, пожалуйста. Могу ли предложить вам что-нибудь выпить?

— Спасибо.

— Мне следовало б знать, что это не полагается. Муж сейчас выйдет. Не бойтесь. Он не попытается бежать, впрочем, ему и не в чем себя упрекнуть. Просто утром он неважно себя чувствовал. Мы приехали первым поездом. А сердце у него слабое. Вот по приезде и случился приступ. Сейчас он побреется и оденется.

В гостиную доносился шум воды из ванной комнаты — стены в домике были тонкими.

Молодая женщина держалась почти спокойно. Она была довольно хороша собой, отличаясь неброской, свойственной обыкновенным мещанкам красотой.

— Вы, наверно, догадываетесь, что шурин убил я. И сделала это вовремя, иначе мертвым сейчас был бы мой муж, а Раймон много лучше того, другого.

— Раймон — это ваш муж?

— Мы женаты уже восемь лет. Нам нечего скрывать, господин комиссар. Возможно, нам нужно было еще вчера вечером все рассказать в полиции. Раймон так и хотел поступить, но я, жалея его большое сердце, предпочла дать ему время прийти в себя. Я не сомневалась, что вы приедете.

— Вы только что говорили о своем шурине?

— Комбарье был женат на моей сестре Марте. Он был, пожалуй, неплохим парнем, но немного тронутом.

— Минуточку... Вы разрешите закурить?

— Прошу вас... Муж не курит из-за сердца, но мне дым не мешает.

— Откуда вы родом?

— Из Мелена. Нас было двое, сестры-близнецы. Марта и я. Меня зовут Изабелла. Мы так ходили друг на друга, что, когда были маленькими, родители — они уже давно умерли — завязывали нам волосы бантами разного цвета, чтобы хоть как-то нас распознавать. Иногда, забавляясь, мы обменивались бантами.

— Которая из вас вышла замуж первой?

— Мы играли свадьбу в один и тот же день. Комбарье служил в префектуре Мелена. Оже был страховым агентом. Они были знакомы, так как питались в одном и том же ресторане.

Мы и встретили их вместе, сестра и я. Поженившись, мы несколько лет продолжали жить в Мелене на одной улице.

— Комбарье все еще работал в префектуре, а ваш муж в страховом обществе?

— Да. Но Оже уже стал подумывать о торговле марками. Коллекционером он стал сначала для собственного удовольствия. А потом решил, что на этом можно зарабатывать.

— А Комбарье?

— Он был честолюбив, нетерпелив. Всегда нуждался в деньгах. Познакомился с человеком, вернувшимся из колоний, и тот втемляшил ему в голову, что нужно ехать туда. Сначала он хотел, чтобы сестра его сопровождала, но она отказалась, узнав, что тамошний климат влияет на здоровье женщин.

— Он уехал один?

— Да. Пробыл там два года и вернулся с полными карманами денег. Но потратил их скорее, чем заработал. У него уже появилась привычка пить. Он считал моего мужа близняком, а не мужчиной, ибо мужчина, по его мнению, должен делать в жизни что-то другое, а не заниматься страхованием или продавать марки.

— Он снова уехал?

— И гораздо меньше преуспел на этот раз. Это чувствовалось по его письмам, хотя он всегда любил хвастать. Два года назад сестра Марта зимой заболела воспалением легких и скончалась. Мы написали ее мужу. Кажется, после этого он стал пить еще больше. А мы переехали жить сюда, так как уже давно мечтали построить домик, чтобы находиться поближе к Парижу. Муж оставил работу в страховом обществе, а торговля марками стала приносить хороший доход. Говорила она медленно, спокойно, взвешивая слова, и все время прислушивалась к звукам, доносившимся из ванной.

— Пять месяцев назад шурин вернулся и, не дав о себе знать, без предупреждения пришел к нам. Просто вечером позвонил в дверь. Был сильно пьян. Как-то странно рассматривал меня, и первые слова он произнес с ухмылкой: «Так и думал!» Я еще не знала, что он вбил себе в голову. Выглядел он не так хорошо, как после первого своего возвращения. Здоровье пошатнулось. Он пил больше, и, даже если у него еще водились деньги, он не казался таким богатым. Он стал плести что-то совсем бессвязное. Глядел на мужа и ни с того ни с сего вдруг говорил: «Признайся же, что ты просто король подлецов!» Потом он ушел. Куда, мы не знали. Затем вновь появился, опять пьяный, и сказал мне, кланяясь: «Итак, моя крошка Марта...» Я удивилась: «Вы же прекрасно знаете, что я не Марта, а Изабелла». Но он еще пуще стал насмехаться: «Придет день, и мы все узнаем, не так ли? А твой муж — этот негодяй, торгующий марками...» Не знаю, понятно ли вам, что произошло. Нельзя сказать, чтобы он спятил. Просто слишком много пил... У него появилась навязчивая идея, которую мы долго не могли разгадать. Вначале мы не могли понять, что значит его угрожающие жесты, инсинуации, высказываемые с сардонической ухмылкой, и, наконец, записки, начавшие поступать по почте в адрес мужа: «Я спущу с тебя шкуру!»

— Итак, — вмешался Мегрэ, — ваш шурин Комбарье по неизвестной причине вбил себе в голову, что умерла не его жена, а жена Оже.

Мегрэ был поражен: сестры-близнецы, столь похожие, что даже родители вынуждены одевать их по-разному, чтобы распознать. Находясь в далеких краях, Комбарье получает весть о смерти жены... По возвращении он вообразил — так это или не так, — что произошла подмена — скончалась Изабелла, а его собственная жена Марта в его отсутствие заняла место своей сестры при Оже.

Взгляд Мегрэ стал хмурым. Он все реже прикладывает ко рту трубку.

— Вот уже несколько месяцев мы ведем невыносимую жизнь. Угрожающие письма участились. В любой час Комбарье вдруг врывается к нам, выхватывает револьвер, целится в мужа и насмехается: «Нет, еще не время, так было б слишком просто!» Он и поселился здесь, чтобы нас мучить. Хитер, как обезьяна. Даже пьяный он прекрасно знает, что делает.

— Знал, — поправил Мегрэ.

— Прошу прощения. — Она слегка покраснела. — Знал, вы правы. Думаю, ему совсем не хотелось быть схваченным. Вот почему мы не особенно боялись, ведь если б он убил Оже в Жювизи, все бы указали на него как на убийцу. Муж поэтому и не решался покидать поселок. Вчера ему просто необходимо было выехать в Париж по делам. Я хотела его сопровождать, но он отказался. Специально выехал первым поездом, надеясь, что Комбарье еще не протрезвится и не заметит его отъезда. Но он ошибся, ибо после полудня позвонил мне, попросил приехать в кафе на бульваре Сен-Жермен и привезти его револьвер. Я поняла, что он дошел до предела и хочет покончить с этим. Я привезла его браунинг. Он по телефону сказал, что не покинет кафе до самого закрытия. Я купила второй револьвер — для себя. Вы должны понять меня, господин комиссар.

— Короче говоря, вы решили выстрелить раньше, чем убью вашего мужа?

— Клянусь, что я нажала курок в тот момент, когда Комбарье целился в мужа. Больше мне сказать нечего. Готова ответить на вопросы, которые вы хотите мне задать.

— Как получилось, что вашу сумочку украшает буква «М»?

— Это сумочка моей сестры. Если б Комбарье был прав и действительно состоялась та подмена, о которой он говорил, то, сами понимаете, я бы наверняка сменила букву...

— Значит, вы настолько любите мужчину, что...

— Я люблю моего мужа.

— Я и говорю: вы настолько любите мужчину, мужа или нет, что...

— Он мой муж.

— Вы настолько любите этого мужчину, то есть Оже, что решились на убийство для его спасения или для того, чтобы помешать ему совершить убийство?

— Да!

За дверью раздался шорох.

— Войди, — сказала она.

Наконец-то Мегрэ увидел человека, которого ему так по-разному описывали, клиента с синеватыми усами. В домашней обстановке и после признания в любви к нему молодой женщины он вдруг показался комиссару на редкость заурядным, абсолютной посредственностью.

С беспокоеством он оглядывался. Она ему улыбнулась. Сказала:

— Садись. Комиссар все знает. Как сердце?

Он слегка коснулся груди и прошептал:

— Ничего.

Суд присяжных департамента Сены оправдал мадам Оже, считая, что она действовала в порядке законной самообороны.

Но каждый раз, когда Мегрэ рассказывал эту историю, он заканчивал ее иронически:

— Некоторые считают, что это все...

— Значит, у вас есть особое мнение?

— Это ничего не значит. Разве только то, что самый заурядный мужчина способен вызвать большую любовь, героическую страсть. Даже если он торгует почтовыми марками и у него большое сердце.

— А Комбарье?

— Что?

— Он действительно спятил, вообразив, что его жена не умерла, а стала выдавать себя за Изабеллу?

Мегрэ пожимал плечами и, пародируя известную песенку, говорил:

— Большая любовь! Великая страсть!

Иногда же, будучи в хорошем настроении и держа в руках рюмку кальвадоса, добавлял:

— Большая любовь! Великая страсть! Ведь не всегда ее пробуждает муж... В большинстве семей у сестер бывает причуда загораться любовью к одному и тому же мужчине. Комбарье же находился так далеко...

Глубоко затягиваясь из своей трубки, Мегрэ добавлял:

— Попробуйте разобраться с близнецами, которых и родители не могли различить... причем и расспрашивать некого, коли родители умерли. А все же такой прекрасной погоды, как в тот день, никогда еще не было. И, кажется, я никогда еще не пил столько белого вина. Если бы Жанвье проявил нескромность, то мог бы рассказать вам, что мы, сами не заметив, пели вместе в такис, возвращаясь обратно в Париж. А мадам Мегрэ так и не могла понять, почему у меня в кармане оказался букетик фиалок! Проклятая Марта! Простите. Я хотел сказать: проклятая Изабелла!

ПРЕМИИ «СМЕНЫ» ЗА 1977 ГОД УДОСТОЕНЫ:

**Николай
АНДРИАНОВ**
за очерк «Двенадцать
шагов к пьедесталу
почета» (№ 4)

**Сергей
БОГАТКО**
за очерк «Сюжет,
рожденный в Тюмени»
(№ 21)

**Игорь
БОЖКО**
за рассказ «Гармош-
ка» (№ 16)

**Глеб
ГОРБОВСКИЙ**
за поэму «Русская
крепость» (№ 20)

**Генрих
ГУРКОВ**
за репортаж «Дорога
длинной в строчку»
(№ 19)

**Владимир
ДЕСЯТЕРИК**
за хронику «Ленин.
Октябрь. Молодежь»
(№№ 1, 7, 8, 10, 12, 15,
17, 22, 23)

**Леонид
ЖУКОВИЦКИЙ**
за статью «Приходи-
те — вас ждут...» (№ 8)

**Валерий
КАРАСЕВ**
за иллюстрации к ли-
тературным произве-
дениям (№№ 7, 8, 10,
17, 19)

**Владимир
КОРОБОВ**
за очерк «Писатель,
актер, режиссер Шук-
шин» (№№ 1—5)

**Валерий
КРАСНОВ**
за статью «Стаж бри-
гады» (№ 9)

**Сергей
КУЧЕРЕНКО**
за очерк «На тигри-
ной тропе» (№ 13)

**Андрей
ЛЕВИН**
за роман «Желтый
дракон Цзяо» (№№
21—24, 1976,
№№ 1—6, 1977)

**Альберт
ЛЕХМУС**
за фотоочерки (№№
3, 9, 10, 15)

**Владимир
МАТРОСОВ**
за очерк «Ожерелье
Посейдона» (№ 9)

Юрий НАГИБИН
за рассказ «Учитель
словесности» (№ 11)

**Алексей
НИКОЛАЕВ**
за очерк «Две жизни
старого дома» (№ 5)

**Николай
ПЛОТНИКОВ**
за очерк «Полет на
ковре - самолете»
(№ 15)

**Владислав
ПОБЕДОНОСЦЕВ**
за очерк «Ветер, по
лицу скользящий»
(№ 9)

Юрий РЯБИНИН
за стихи (№ 16)

**Юлиан
СЕМЕНОВ**
за повесть «Особо
опасный преступник»
(№№ 17, 19, 20, 21, 22)

**Лодонгий
ТУДЭВ**
за стихи (№ 17)

**Лев
УСПЕНСКИЙ**
за рассказ «Федор
Стукаленков в даче
«Старик» и на Зве-
ринской улице» (№ 20)

**Александр
ШИЛОВ**
за серию портретов
(№№ 15, 20)

ЗЛЬЧИН
за рассказ «Навес»
(№ 12)

**Вячеслав
ЯКОВЛЕВ**
за очерк «Столкнове-
ние» (№ 10)

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ЛАУРЕАТЫ НАШЕЙ ОЛИМПИАДЫ

Подведены итоги XIX шахматной олимпиады, которую «Смена» открыла в январе уходящего года. В этом традиционном заочном соревновании, включая турниры новичков, участвовало свыше 28 тысяч любителей шахматной игры из многих городов и сел Советского Союза и ряда зарубежных стран. 9246 человек получили или повысили шахматную классификацию.

**Галина
ХАСАНОВА**

**Ион
КОНСТАНТИН**

Победителями XIX шахматной олимпиады «Смены» стали **Ион Константин**, экономист министерства труда из столицы Румынии Бухареста, и **Галина Хасанова**, студентка Иркутского института народного хозяйства. У них по 95 баллов из 100 возможных.

3—5-е места (с 92 баллами у каждого) разделили **Виктор Иванов**, радист Новороссийского портового флота, **Владимир Романовский**, бортпроводник аэропорта «Рига», и **Габдельхак Фахрутдинов**, электромонтер прессового завода КамАЗа (Татарская АССР, г. Набережные Челны).

6—8-е места (по 91 баллу) разделили **Петр Брошкевич**, служащий (Польша, Быдгощское воеводство, дер. Гостыцын), **Анатолий Герасименко**, конструктор морского завода имени С. Орджоникидзе (г. Севастополь), и **Лариса Калинина**, старший техник (г. Ленинград).

9-19-е места разделили: **Алек-**

сандр Антонов, врач-стоматолог участковой больницы (Читинская область, Сретенский район, пос. Усть-Карск), **Виктор Вереникин**, инструктор парткома Азовского морского пароходства (г. Жданов), **Анатолий Махилин**, мастер цеха сборки кабин автозавода (г. Горький), **Равиль Махиянов**, инженер моторостроительного завода (г. Уфа), **Александр Метлик**, электрослесарь электровозоремонтного завода (г. Запорожье), **Николай Параскевопуло**, рабочий табачно-ферментационного завода (Киргизская ССР, г. Джалал-Абад), **Татьяна Пономарева**, преподаватель математики средней школы (Астраханская область, Харабалинский район, село Сасыколи), **Вячеслав Седов**, заведующий отделом райкома КПСС (Брянская обл., г. Мглин), **Татьяна Семенова**, сотрудник Ленинградского филиала ВНИИ медицинского приборостроения, **Сергей Тамонтьев**, слесарь-сборщик телевизионного завода (г. Москва), и

Нодари Чочмава, виолончелист оперного театра (Грузинская ССР, г. Кутаиси). У этих призеров по 90 баллов.

Оба лауреата, 17 призеров олимпиады, а также другие отличившиеся участники и наиболее активные организаторы турниров премированы.

Редакция и жюри выражают благодарность всем товарищам, принявшим участие в закончившейся олимпиаде и ее турнирах, и горячо поздравляют победителей. Приводим краткие решения шахматных задач, этюдов и фрагментов этой олимпиады.

Первый тур—1. Лe4 C:e4 2. Фe5x; 1. ... Cc3 2. Лc1 Л:f1+ 3. Лf1 e3+. **Второй тур**—1. Лc8 Кр:g3 2. Фc7x; 1. ... e4 2. Сf4 C:c3 3. C:d6 Сd4 4. C:f8 C:e3+ 5. Крf1 ed+. **Третий тур**—1. Лg7 h2 2. Лb7+Крc8 3. Лc7+ Крд8 4. Лd7+Крe8 5. Лe7+Кр:e7 6. d6+Кр:c6 7. Лh5=; 1. Ca7 Крf4 2. Фe7 Кр:g3 3. Фc7x. **Четвертый тур**—1. ...Лb6 2. Л:e5 Фd2 3. Фa4 Лa6 4. Фf3

Л:g2+ 5. Крf1 Лd6+; 1. Ch5 Cg7 2. Фg8+ К:g8 3. Cf7x. **Пятый тур**—1. ...Л:c3 2. fe Лa3 3. ef+ Л:f7 4. ba Фb6+ 5. Крa1 C:d4+ 6. Л:d4 Ф:d4+ 7. Крb1 Фe4+ 8. Крa1 Лf2+; 1. Кf2+ Кр:e5 2. C:f4+Кр:f4 3. Лf6+Крe5 4. Кg4x. **Шестой тур**—1. Лf7 Лh:f7 2. Ke7 Лf3 3. Кc8 Лb7 4. Ce4 Лf7 5. Kd6 Лf8 6. C:f3+ Л:f3 7. Ke4±; 1. Лd5+ Ke5 2. Лe5+ Крg6 3. Kd3 h1Ф 4. Лe1 Фh2 5. Лe2 Фh1 6. Лe1 Фh2 7. Лe2=; **Седьмой тур**—1. ...Лg1 2. b4 Крe5 3. Лh5+Крf4 4. Крb3 Лb1+ 5. Крa3 d3 6. Лc5 d2 7. Лf5+ Крe3 8. Лe5+ Крf2 9. Лe2+ Крf1 10. Лf2+ Крe1 11. Лf1+Крe2 12. Лb1 d1Ф 13. Крd1 Кр:d1 14. Крb3 Крд2 15. Крa3 Крc2=; 1. Фd8 e5 2. Фg5 f6 3. Фh6 f5 4. Фg5 b1Ф 5. Фd2 f4 6. h6 g3 7. h7 gf 8. h8Ф f1Ф 9. Ф:d4+ ed 10. Ф:d4+Фb2+ 11. Ф:b2x. **Восьмой тур**—1. ... e3 2. C:e3 Лaе8 3. Лf3 Лh8 4. Л:f8 Ф:f8=; 1. Kb5+ C:b5 2. Л:e3+ Ф:b2 3. Kf5+ Крд5 4. Ke7+Крд6 5. Кc8+ Крд7 6. Лe7+Кр:c8 7. Лc7+Крb8 8. Лb7+Крc8 9. Лc7+Крb8 10. Лb7+К:b7=.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 4/ХІ 1977 г. А 09301. Подписано к печати 18/ХІ 1977 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 2731. Заказ № 1381. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125885. Москва. А-47. ГСП, улица «Правды», 24.

В ТРЕПЕРНОМ ТАНГО.

Слова Андрея ВОЗНЕСЕНСКОГО. Музыка Евгения МАРТЫНОВА.

НАЧНИ СНАЧАЛА

*Начни сначала,
пусть не везет подчас—
не верь отчаянно,
влюбись, как в первый раз!*

*Сирень ночная
напомнит о былом...
Уже сигналит
машина за окном.*

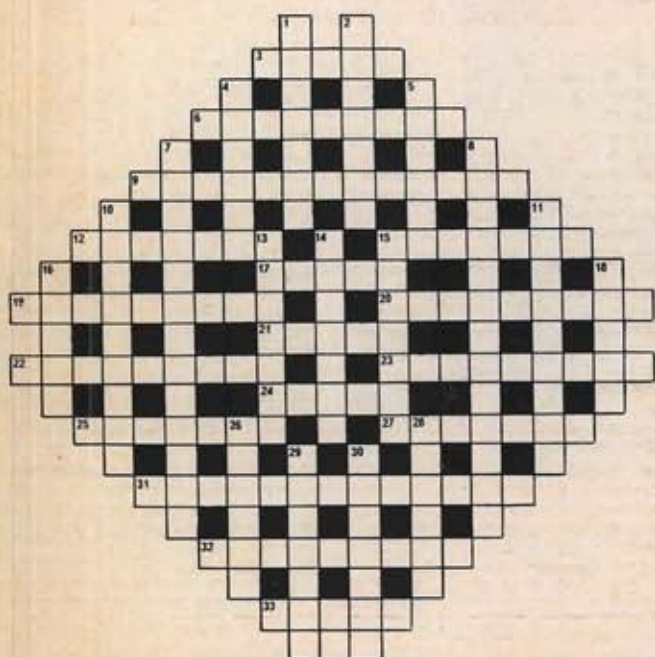
Припев:
*Начать сначала
не поздно нам всегда.
Начни сначала,
хоть лиха беда.
Не все пропало.
Поверь в себя.
Начни сначала,
все начни с нуля.*

Припев.
*Нам жить так мало.
Но песне не конец—
начнет сначала
пуская другой певец!*

Припев.

К Р О С С В О Р Д

Составил А. БРЕЗГИН,
Красноярск.

По горизонтали:

3. Роман Ю. Бондарева. 6. Союзная советская республика. 9. Устройство для бесшумного включения передач автомобиля. 12. Музыкант. 15. Четверть года. 17. Порт в Югославии. 19. Исполнительница комических произведений. 20. Часть слова. 21. Бельгийский скульптор, живописец, график. 22. Персонаж комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль». 23. Роман А. Караваявой. 24. Моторное масло. 25. Радиоактивный химический элемент. 27. Деталь астрономических и геодезических угломерных инструментов. 31. Музыкальное сопровождение. 32. Рассказ М. Горького. 33. Документ на право посещения театра, концерта, кино.

По вертикали:

1. Художественный руководитель Русского народного хора имени Пятницкого, композитор. 2. Персонаж романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». 4. Рассказ А. П. Чехова. 5. Композитор, автор балета «Тропой грома». 7. Комплекс оборудования для демонстрации фильмов. 8. Литературный сотрудник периодической печати, радио. 10. Роман Ф. М. Достоевского. 11. Областной центр Казахской ССР. 13. Вид городского транспорта. 14. Одна из первых советских газет для крестьян. 15. Хор певчих. 16. Бас, народный артист СССР. 18. Электронная лампа. 26. Разновидность одного и того же химического элемента. 28. Один из Малых Зондских островов. 29. Трагедия Еврипида. 30. Наиболее яркая звезда в созвездии Скорпиона.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 23**

По горизонтали:

5. Кандидатура. 7. Баскетбол. 9. «Норма». 11. Орлов. 13. Саванна. 16. Осанка. 17. Новара. 18. Лаванда. 19. Минога. 20. Панама. 21. Варенье. 22. Путина. 23. Сетунь. 24. Трактат. 27. Жираф. 29. Корин. 30. Альтиметр. 31. Репродукция.

По вертикали:

1. Дамба. 2. Чирков. 3. Лантан. 4. Крыло. 6. Конституция. 8. «Современник». 10. Мандолина. 12. Равенство. 13. Салават. 14. Арабеск. 15. Анапест. 25. Астров. 26. Тамбур. 28. Файер. 29. Круиз.

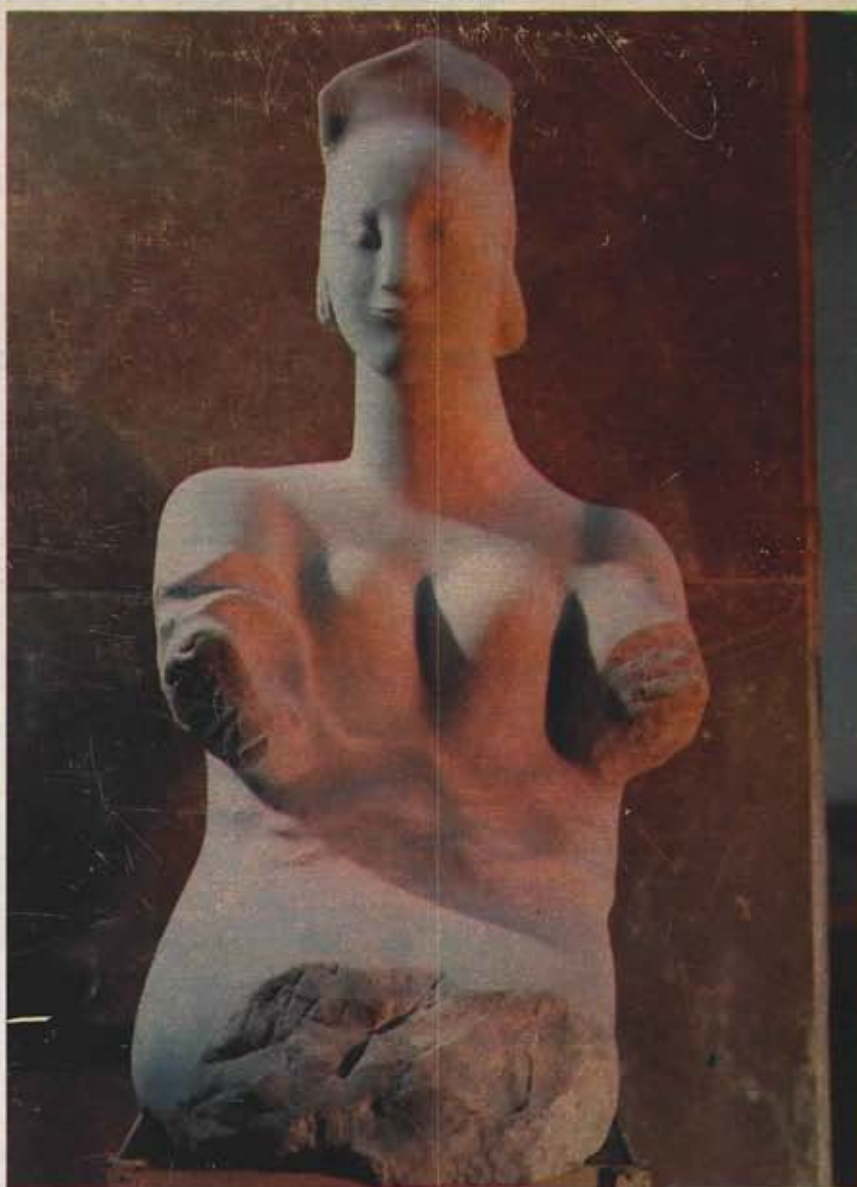

ПОРТРЕТ М. САРЬЯНА.

МЕЛОДИИ КАМНЯ

Если армянский скульптор говорит, что не любит работать с туфом, значит, тому есть серьезные основания. По словам Левона Токмаджяна, туф слишком легко поддается обработке. Левон же любит подчинять себе неподатливый материал — базальт, гранит, мрамор. Потому, не видя еще скульптур Токмаджяна, я представлял себе массивные,

угловатые формы, олицетворяющие каменную твердость излюбленных скульптором пород. Но с первого же взгляда на его работы я почувствовал в них совершенно иное настроение, которое я определил бы как музыкальную певучесть. Возможно, в этом «виновата» вторая профессия Токмаджяна: он окончил вокальное отделение народной

ЭЛЕГИЯ.

ЧТЕНИЕ.

СЕМЬЯ КАМЕНОТЁСА.

консерватории, и, кстати сказать, именно за группу скульптурных работ под общим названием «Песня» Левон Токмаджян был удостоен звания лауреата премии комсомола Армении.

Нельзя, конечно, считать случайностью, что с первых же шагов самостоятельного творчества особое место занял в работе молодого скульптора портрет: в этом жанре Левон Токмаджян почувствовал возможность передать наиболее тонкие, неуловимые движения человеческой души, которые, будучи выражены в музыке, становятся мелодиями... Портреты Токмаджяна, сделанные с натуры, индивидуальны и неповторимы. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с портретами отца и матери скульптора, портретами Карине или Мартироса Сарьяна...

Иногда портреты Токмаджяна не имеют реальных прототипов и называются обобщенно — «Чтение», «Элегия», «Беседа», «Гордая». Но и в этих композициях герои Токмаджяна настолько индивидуальны и психологически многогранны, что становится ясно: в основе образов, созданных воображением художника, — очень точные и очень яркие реальные впечатления...

Левону Токмаджяну близки не только лирические, элегические мотивы. Нередко его эмоции и темперамент требуют иного выражения, и тогда художник находит им выход в острых экспрессивных композициях.

В мастерской Токмаджяна стоит сейчас небольшая скульптурная группа «Танец Победы». Она, как мне кажется, просто требует многократного увеличения и просится на простор, на площадь, — настолько проникнута она стремительным движением, мощным порывом. И именно в этой скульптуре видится мне образ нашего времени, его вдохновенной устремленности в будущее.

Алексей НИКОЛАЕВ